

3254
СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

802-11

214

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

и

Евдеемъ Булгаринимъ.

ЧАСТЬ СТО ПЯТНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Греча.

1827.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XVII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗАПИСКИ О ФРАНЦИИ (*).

Книгопечатаніе, книжная торговля, свобода тисненія, Цензура.

До революціи книгопечатаніе и книжная торговля управлялись особою Палатою (chambre syndicale), состоявшею подъ вѣдѣніемъ Канцлера Франціи. Книгопечатниковъ было числомъ шестидесять шесть; имъ надлежало получить патентъ, дать присягу и выдержать двѣаеое однимъ изъ членовъ Университета, по назначенію Ректора, испытаніе, какому подвергались и книгопродавцы. Число сихъ послѣднихъ не было определено; имъ также надлежало имѣть патентъ, умѣть переводить съ Латинскаго на Французскій и чинать по Гречески. Почти всѣ книгопечатники были и книгопро-

(*). Изъ Vie publique et privée des Français. Paris. 1826.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія туда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктшербургъ, Августа 22 дня 1827 года.

*Цензоръ Надворный Советникъ и Кавалеръ
Иродіонъ Вѣтринскій.*

давцы. Какъ сіи двѣ промышленности имѣли тѣсную связь съ Университетомъ, то мѣсто ихъ дѣйствія находилось въ шакъ называемомъ Латинскомъ краю (*le pays latin*), обширной части города.

Кромѣ книгопродавцевъ были также *букинисты* или продавцы старыхъ книгъ, которымъ запрещалось торговать новыми, и которые могли запасаться своимъ шоваромъ только на публичныхъ торгахъ (*аукціонахъ*). Между шѣмъ, торгующимъ бумагою позволялось продавать пѣсенные альманахи и небольшія дѣтскія книжки.

Книгопродавцы-печатники получали за деньги привилегію печатать и продавать, въ печеніе нѣсколькихъ лѣтъ напечатанныя ими книги.

Королевская привилегія, на пергаментѣ, стоила 33 франка; она давалась не долѣе, какъ на десять лѣтъ. За простое производство платили 7 ливровъ 10 су; оно продолжалось на три года. Послѣ сихъ сроковъ можно было возобновлять то и другое по волѣ автора и заплачивать тѣ же деньги.

Простыя позволенія давались на мало-важныя сочиненія и особливо на романы.

Авторы сами считали себя въ правѣ продавать книги, ими сочиненныя и на ихъ счетѣ напечатанныя. Люно-де-Буа-Жерменъ

вель по сему предмету съ Палатою книгопечатанія шяжу, которую онъ выигралъ.

Печатники и книгопродавцы были вообще достойны уваженія, какимъ они пользовались, какъ по образованности ихъ, такъ и по честности. Весьма рѣдко случалось, чшобъ кто-либо изъ нихъ былъ потребованъ къ отвѣту въ Парламентъ, и если сей осуждалъ книгу на соженіе рукою палача, то навѣрное книга сія была напечатана въ чужихъ краяхъ.

Ни одна книга не могла бытъ издана безъ одобренія Королевскаго Цензора. Если она, по содержанию, относилась къ Религіи, то подвергалась Цензурѣ Доктора Сорбонны; относящаяся къ Юриспруденціи и Законамъ — Адвокашу. Каждый Цензоръ имѣлъ свои назначенные предметы. Между шѣмъ, какъ не легко было рѣшить, какому Цензору надлежало отдавать книгу разнообразнаго содержания; то всякій усмошришь, сколь много такая система Цензуры предославляла произволу.

За всѣмъ шѣмъ, Цензура была не строго; появлялись книги, писанныя противъ Религіи, противъ нравственности, и даже Правительсва не препятствовало свободному ихъ обращенію. Книга *Разумъ*, была одобрена Цензоромъ; *Энциклопедія*, *Эпохи*

природы знаменитого Бюффона, *Велизарій* Мармонтеля, соблазнительные романы, как-то: *Фелиция* и *Опасная связь* продавались всенародно и Парламентъ не возмущалъ ни прошивъ книгопродавцевъ, ни прошивъ печатниковъ. Книжки, которыхъ одно заглавие заставляло краснѣть съидливость, пасквилы на Правительство, были разносимы вездѣ и никто не нарушалъ покоя разнощниковъ.

Всего болѣе доказываеяся послабленіе Министерства и Парламента, относительно свободнаго обращенія сочиненій, о какихъ мы говоримъ, шѣмъ наводненіемъ, какое произошло въ книжной торговлѣ ошъ книгъ анти-религіозныхъ, печатанныхъ въ чужихъ краяхъ. Главный Адвокатъ Сегбѣ дѣлалъ прошивъ нихъ сильныя нападенія и Парламентъ осуждалъ нѣкоторыя на сожженіе; но кто вводилъ ихъ? гдѣ складочное ихъ мѣсто? до шого никому не было нужды. Посему-то, вскорѣ появлялись онѣ снова, даже на публичныхъ торгахъ, и шѣмъ съ болѣею охотою старались ихъ доставать, что въ кашадогахъ означались онѣ шолько шочками.

Революція дала печатанію и продажѣ книгъ такую свободу, которая вскорѣ обратилась въ безсидное своевольство. Кому

вздумалось, могъ сдѣлаться печатникомъ и продавцемъ книгъ; не было привилегій, ни Цензоровъ, ни запрещеній. Правительство, Религія, нравы, качества частныхъ людей, все подвергалось нападкамъ ошъ свободнаго обращенія старыхъ книгъ и изданій новыхъ, которыхъ цинизмъ превышалъ все, что шолько можно представить себѣ гнуснаго. И если нѣкоторая часть книгъ издавалась для шого, чтошъ внушать Французамъ права ихъ, другая несравненно болѣшая часть внушала имъ шолько презрѣніе ко всемъ обязанностямъ.

Нечего было и спрашивать ошъ печатниковъ и продавцевъ книгъ шой образованности, какая прежде требовалась ошъ нихъ Университетомъ. Совершенное невѣжество было удѣломъ большаго числа. Намъ памятенъ одинъ книгопродавецъ, называвшій Цизерона *M. Cicéronis*; пошому что читалъ на заглавіи книги: *M. T. Cicéronis orera*; другой, который, объявляя на аукціонѣ о книгахъ, сказалъ: „Вотъ двѣнадцать Цезарей *господина* Свепонія; наконецъ еще одинъ, который, говоря о сочиненіи одного Лашинскаго автора, сказалъ *les opéras*, вмѣсто *opéra*. Прежніе книгопродавцы вострепешали ошъ сего наводненія въ области шипографіи и

книжной продажи, и удалились, оставляя ее вполнѣ во власти сихъ невѣждъ.

Уже книжная торговля отличалась множествомъ предпріятий, полезныхъ государству, и книгопечатаніе приобрѣло не менѣ славы красою литеръ и правильностію изданій, выходившихъ изъ подъ пресса; но шлопа новыхъ печатниковъ и книгопродавцевъ, жаждущая неперыливо обогатиться, принялась вдругъ размножать съ большею поспѣшностію кучу дурныхъ книгъ, печатая ихъ на самой простой бумагѣ, съ грубѣйшими ошибками. Книжная торговля, пользуясь свободою или лучше своевольствомъ писанія, была приведена пѣмъ въ болѣшую дѣятельность, что много покупателей доспавляло ей упадокъ бумажныхъ денегъ и господствовавшій тогда вкусъ.

Но точно ли справедливо, что свобода книгопечатанія существовала во время Коншенца и Директоріи? Была, безъ сомнѣнія, гибельная свобода писать все, противное Религіи, нравственности, Королевской власти, фамиліи Бурбоновъ и ихъ управленію; но никогда не было сомнительнаго свободы для пѣхъ, кто имѣлъ довольно мужества, чтобы защищать своими сочиненіями предметы, столь уважительные. Если бы вздумалось имъ воспользоваться правомъ, кото-

рому не было постановлено никакого ограниченія, но надлежало ожидать непременно смертной казни. Лучше было бы ввести самую строгую Цензуру, нежели разсѣпалить такимъ образомъ съсъ на пагубу писателей, осмѣлившимся изьясниться свободно, въ защиту Вѣры и законной Королевской власти.

Во время Консульскаго правительсва и послѣдовавшаго за нимъ, печатаніе и продажа книгъ подвергались надзору и стѣсненіямъ, которые не менѣ противны были правиламъ новыхъ конституцій, относительно мнимой народной свободы. Печатники, которыхъ число было ограничено, обязывались брань пашенствъ на ошправленіе своей промышленности; того же требовалось въ послѣдствіи и отъ книгопродавцевъ.

Казна, не ошвертавшая никакого средства доспавать деньги, для удовлетворенія чрезмѣрнымъ расходамъ Правительства Наполеонова, и полагавшая обильный источникъ богатства въ перепечатаніи твореній сочинителей, умершихъ за десять лѣтъ, подвергнула пошлннѣ каждый печатный листъ, какъ собственность общественную. Тогда книгопечатаніе служило только для изданія романовъ всякаго рода, полиграфическихъ сочиненій въ духъ Правительсва,

нѣсколько лишературныхъ Журналовъ, давно забытыхъ поэмъ, стиховъ, дышущихъ ласкательствомъ, театральныхъ пьесъ и нѣкоторыхъ переводовъ Лашинскихъ Авторовъ, которыхъ подлинникъ, помѣщаемый вмѣстѣ съ Французскимъ переводомъ, дѣлался также предметомъ финансовыхъ расчетовъ. Посему-то, хорошіе Авторы никогда не бывали такъ рѣдки. По сему-то, для библиотекъ оставалось выбирать, напримеръ, Мольера изъ двухъ только изданій въ осьмушку, 1773 и 1788 года. Буало нельзя было найсти иного изданія, какъ 1747 года; Корнеля — 1764; Расина съ примѣчаніями Люно-де-Буа-Жермена, изданіе 1798 года. Но могло ли забойшиться о пошребностяхъ Лишературы Правительство, которое безпрестанно озабочено было пошребностію въ деньгахъ?

Цензуръ, возстановленной послѣ Консульскаго Правительства, поставлено въ обязанность смотрѣть со всею строгостію за печатаніемъ и продажею книгъ, во всемъ томъ, что касалось дѣлъ и правилъ бывшаго Императорскаго Правленія. Смотря сквозь пальцы на всѣ сочиненія, относящіяся къ религіи и нравственности, она зорко наблюдала за предметами, касающимися полиптики и законодательства, не упу-

ска я изъ виду ничего, что хотя нѣсколько могло быть примѣнено къ поступкамъ славы Государства. Кто бы подумалъ, что простыя извлеченія изъ сочиненій историческихъ и другихъ существовавшихъ прежде революціи, могли возбуждать подозрѣнія? Но это было точно. Въ при случаѣ, служащихъ тому доказательствомъ: одинъ лишераторъ извѣстный сочиненіями, относящимися къ воспитанію дѣшей и весьма уважаемыми, оцѣдаль въ цензуру рукопись, въ кошорой помѣщенъ былъ знаменитый разговоръ Августа съ Агриппою и Меценошомъ, о его намѣреніи, дѣйствительномъ или ложномъ, ошказаться ошъ престолоа. Сей разговоръ, подавшій Корнелю поводъ къ одной изъ прелеснѣйшихъ сценъ, былъ исчерченъ Г. С**, референдіемъ сечной палаты. Разсерженный сдѣланными помарками авторъ, идешъ жаловаться Г. Померелю, Дирекшору книжной шорговли. „Цензоръ сдѣлалъ очень хорошо“ ошвѣчаешъ ему сей: „я не хочу, чтошъ эша спашья была напечатана.“

Другая рукопись того же Автора была ошдана Г. Лемон**, Члену Французской Академіи. Въ ней заключалась славная ширада Сореня противъ завоешателей, кошорю Вольперъ такъ восхищадся; и Г. Лемон**

ее вычеркнулъ, говоря, что она можешь по-
дать поводъ къ примѣненію.

Историческая рукопись того же авшо-
ра послана была къ Г. Бак** младшему.
Пришедши къ Цензору, Авторъ спросилъ,
что думаешь оиъ объ его сочиненіи? „Им-
ператору угодно“ сказалъ ему пошъ: „чтообъ
не говорили ничего, ни объ Испанской вой-
нѣ, ни о мяшежахъ.“

Людовикъ XVIII, возсѣвъ на престолъ
предковъ своихъ, уничтожилъ Цензуру и
пошлину, наложенную на перепечашаніе со-
чиненій, причисленныхъ указомъ къ обще-
свеннымъ имуществамъ; въ слѣдъ за симиъ
книгопечатаніе, съ невѣроятною дѣятельно-
стію занялось размноженіемъ нашихъ книгъ,
признаваемыхъ во всей Европѣ классиче-
скими. Латинскіе Авторы, которыхъ луч-
шія заграничныя изданія доставались толь-
ко за самую высокую цѣну, и то немно-
гими богатыми любителями, обязаны были
дѣятельному покровительству одного име-
нишаго банкира и приспращію Монарха
къ Латинской Литературѣ, двоякимъ пре-
имуществомъ: украшашъ библіотеки наши
и внушашъ учащемуся юношеству любовь
къ прекрасному, коего останушя они на-
всегда совершеннѣйшими образцами. Вліяні-
емъ свободы книгопечатанія появились опять

въ, шакъ называемыя Философическія шво-
ренія, съ такою типографскою роскошью,
которая превзошла ожиданіе и самыхъ въз-
скашительныхъ любителей хорошихъ изданій.
Книгопродавцы, ободренные быстрою рас-
продажею сихъ книгъ, съ каждымъ днемъ бо-
лье подстрекали въ печатникахъ возгорѣв-
шееса усердіе, которое, казалось, никогда
уже не могло пошухнуть.

Какъ возстановленное Королевское Пра-
вительство держалось правилъ, прошивныхъ
ложной Философіи, то возникла сильная
оппозиція со стороны значительнаго числа
Французовъ, прильпившихся къ революціи.
Множество печатниковъ и продавцевъ книгъ,
старались соотвѣтствовать вкусу сей
оппозиціи умноженіемъ, въ разныхъ всевоз-
можныхъ формахъ, швореній Вольшера,
Ж. Ж. Руссо, Вольнея, Дюкюи, Рейналя,
Дидерота и другихъ сочиненій, писанныхъ
съ намѣреніемъ поколебашъ догматы Еван-
гелія и Каполицизма.

Цензуры книгъ не существовало, но
Журналы подвергались оной время ошъ вре-
мени; почему появилось множество періоди-
ческихъ шешрадокъ, которыя, на ряду съ
книгами избавляясь Цензуры, были напо-
няемы бранью противъ дѣйствій Прави-
тельства и возобновляли, шакъ скашашъ,

языкъ революціонный, умолкшій было предъ полномочіемъ Бонапарша. Неизвѣстно, до чего бы сіи пасквили довели Монарха, Министровъ и самую націю, если бь новый законъ не остановилъ вовремя ихъ дерзости и необузданности.

Изъ сочиненій мнимо-Философскихъ, въ которыхъ оскорблялась Религія или нравственность, позволялось перепечатывать и продавать только тѣ, которыя подъ заглавіемъ *твореній* (*oeuvres*), составляли число часшей, болѣе или менѣе значительное; но не тѣ, которыя, состоя изъ одной или двухъ часшей, могутъ быть приобретаемы многими. Судилища, вспомошествовая Правительству, осуждали на исправительныя пени печатниковъ и книгопродавцевъ, которые покушались выпускать въ свѣтъ такія книги. Къ присуждаемымъ наказаніямъ присовокуплялось и опіянтіе у нихъ папешновъ.

Опъ сего произошло, что куча забытыхъ сочиненій возбудила живое любопытство въ публикѣ; усердіе, съ какимъ ихъ искали, было также велико, какъ прежде равнодушіе къ нимъ, въ печеніе болѣе двадцати лѣтъ. *Общественная система* (*Système social*), произведеніе мечтателя, неизвѣстное весьма многимъ и нечитанное тѣ-

ми, кто зналъ его, ежедневно требовалось у книгопродавцевъ, и за него плашили впрое прошивъ насюющей цѣны. Извѣстно, что самая дурная книга, сожженная пькогда рукою палача, доставляла единственно по причинѣ сего сожженія, богатство книгопродавцу, продававшему ее тайно.

Эпоха *возстановленія*, въ книжномъ отношеніи, опличается опъ предшествовавшихъ ей наиболее перепечатаніемъ самыхъ многопомныхъ твореній и большихъ сборниковъ, все въ осьмую долю листа. Биографіи брашьевъ Мишо и современниковъ, Побѣды и завоеванія Французовъ, репершуаръ пещральныхъ пьесъ перваго и втораго разряда, полныя творенія Роллена и Кревье, Библія Ванса, творенія Боссюэта, проповѣди Бурдалу и Массильона, Липературный курсъ Лагарпа, сокращеніе общей Исторіи путешествій, творенія Вольпера, Руссо, Мармоншеля, Бюффона, репершуаръ правовѣднія, многіе другіе сборники сего рода, собраніе древнихъ записокъ, относящихся къ Французской Исторіи, записки объ Англійской революціи, сборникъ Французскихъ прозаистовъ, такой же Лашинскихъ авторовъ въ маленькомъ форматѣ и множество другихъ сочиненій во всѣхъ родахъ, перепечатанныхъ, или изданныхъ вновь, до-

ставляли печатанію и торговлю Французскихъ книгъ дѣятельность, какой никогда она не имѣла, и кошорой не мѣшали даже спрогія таможенныхъ системы, установленныя на всѣхъ границахъ нашихъ. Какой причинѣ должно приписать сей типографскій и литературный феномень, если не жаждѣ образованія, кошорая уже болѣе двадцати пяти лѣтъ овладѣла всѣми классами общества?

Библиотеки, продажа книгъ съ публичнаго торгова, ревизія.

Французы образованные, или желавшіе образоваться, всегда любили собирать библиотеки, болѣе или менѣе значительныя, сообразно вкусу каждаго изъ нихъ. Передъ революціей, кромѣ библиотекъ, открытыхъ для публики, было чрезвычайно много другихъ, собираемыхъ монашескующими, бѣлыми духовенствомъ, судьями, Принцами, вельможами, Академіями, Литераторами и великимъ числомъ особъ разнаго званія. Большая часть оныхъ, особливо же монастырскія библиотеки, заключали въ себѣ драгоценныя книги, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Бенедиктины и Картезианцы обладали истинными сокровищами въ рукописяхъ на пергаменѣ и въ произведеніяхъ

первыхъ временъ книгопечатанія. Между частными отличались, числомъ и выборомъ книгъ, библиотеки Президентша Ламуаньона, Графа Доймъ (d'Hoym), Герцога де ла Вальеръ, Г. Геня (Gaignat), Аббаша Ротелена, Принца Субиза и пр.

Много образованныхъ книгопродавцевъ способствовали любителямъ въ хорошемъ выборѣ книгъ. Осмонъ, Маршенъ, старшій Дебюръ, Кальо и нѣкошорые другіе, брались означать имъ лучшія изданія, съ цѣнами или безъ цѣнъ, и такимъ образомъ возродилась Библиографія, наука, для кошорой пошребно имѣть большую память и не мало разсудительности. Тогда книгопродавцы увидѣли необходимость изучать ее, чшобъ не обманывашъ покупателейъ и не выказашъ невѣжества въ своемъ промыслѣ.

Когда Конспишунціонное собраніе уничтожило монашество, каедральныя и другіе капишуды, ограничило должностное духовенство весьма умѣреннымъ содержаніемъ, ошмѣнило Парламенты и Университеты; когда революціонныя смяшенія и мятежи народные принудили самыхъ зашпичныхъ дворянъ выѣхать изъ ошечества, когда наконецъ кровавое правленіе Конвенша взвело на плаху людей, самыхъ образованныхъ и досшойныхъ занимавъ важныя должности,

какія поручались имъ Правительствомъ, — тогда необъяснимое множество книгъ подверглось расхищенію, пряпанью въ пыли, въ сырости, испавнію и испребленію ошъ враждебныхъ животныхъ. Неменье враждующіе съ просвѣщеніемъ чиновники - невѣжды, коимъ ввѣрена была управа надъ библіотеками и поручено описаніе ихъ, осуждали при своихъ посвщеніяхъ, огню и разрушенію все богословскія книги, какія только попадались имъ въ руки: Библіи, писанія Св. Опцевъ, соборные уставы, толкованія, проповѣди, и проч.; или уносили къ себѣ на домъ тѣ изъ нихъ, копорыя были украшены каршинками и золотыми и цвѣтными окладами. Эшимъ варварскимъ невѣжествомъ испребилось великое число пергаментныхъ рукописей и превосходившихъ изданій Библии. Къ этому посшдиному и гибельному расхищенію надобно присовокупить кражу, копорую позволяли себѣ республиканскіе любители чтенія въ сихъ несчастныхъ библіотекахъ, и упошребленіе, дѣлаемое изъ книгъ солдатами на каршуды и папроны, или на раскуреніе трубокъ ихъ. Казалось, что все сіи расхищители или испребилители посланы были впорымъ Омаромъ, чтобы уничтожить все хранилища человеческихъ

свѣдѣній, какъ не могущихъ согласоваться съ видами Конвенша.

Когда наконецъ Конвеншъ рѣшился обратиться въ нѣсколько хранилищъ все, избѣгшія ошъ расхищенія книги, тогда оказалась вся мѣра опустошенія библіотекъ. Наряженная въ маломъ Люксанбургѣ Комиссія должна была заниматься почти только пошркою, исправленіемъ и приведеніемъ въ библіографическій порядокъ, присылаемыхъ изъ Департаментовъ реэспровъ о разрозненныхъ книгахъ. По порученію Комитеша общешвеннаго просвѣщенія, она составляла огромный кашалогъ всемъ конфискованнымъ книгамъ, копорый послужилъ бы только къ спыду Правительства, допущившаго столь гибельные грабежи. По сему-шо сіе предположеніе и было опмѣнено, какъ скоро Директорія помѣстилась въ томъ зданіи, гдѣ работала Комиссія.

По распущеніи сей Комиссии, хранилища, составленные въ Парижѣ и въ Департаментнахъ, ввѣрены были людямъ, обзавшимся надзирать за книгами и привезти ихъ въ порядокъ. Какъ многіе изъ сихъ чиновниковъ были не библіографы, а пришомъ и не спрогой нравешвенности; шо ихъ шрудъ, не принеся пользы Правительству, былъ полезенъ только для нихъ. Они, или

связывали книги разныхъ изданій, или клали себя въ карманъ иль изъ нихъ, какія нравились имъ, или кошорья, по формашу, было удобно спряшать. Мы знали одного изъ сихъ честныхъ хранителей, отъ котораго не укрылся ни одинъ хорошенькій Эльзевирь (*), и кошорый симъ воровствомъ умѣлъ дѣлать порядочную добавку къ своему жалованью.

Когда приведеніе въ порядокъ книгъ, худо или хорошо, было окончено; Правительство распорядилось, чпобъ лучшія шворенія, признанныя полными, розданы были разнымъ Правительственнымъ мѣстамъ для составленія библіотекъ. Такимъ-шо образомъ, въ каждомъ главномъ городѣ Департамента составила публичная библіотека; такая же образовалась для двухъ Совѣшовъ, и сія принадлежала послѣ Государственному Совѣшу, а наконецъ Бонапаршу. Всѣ Министрства, даже инвалиды получили библіотеки. Не было ни одной малѣйшей пре-

(*) Симъ именемъ называлось семейство книгопечатниковъ, которое приобрѣло себѣ славу хорошими изданіями книгъ въ Амстердамѣ и Лейденѣ, съ 1595 до 1680. Особенно уважается ихъ изданіе классиковъ въ 12 и 16 долю листа, которое теперь очень рѣдко. *Пр. Прв.*

фектуры, которая не пожелала бы имѣть своей.

Когда изъ книгохранилищъ выбраны были всѣ книги, какія требовались, прочія за шѣмъ отдавались книгопродавцамъ по весьма низкимъ цѣнамъ; иногда же въ награжденіе людямъ, кошорые посылали ихъ или на продажу съ публичнаго шорга, или къ продавцамъ старой бумаги.

Мы знали одного изъ послѣднихъ, по имени Бои, кошорый, плаша по два или по шри су за книгу, накупилъ сполько, чшо могъ нагрузить нѣсколько кораблей. Особливо не нравились никому фоліаншты и чешвершныя книги; не было пощады ни Грекамъ, ни Римлянамъ, ни церковнымъ службникамъ, ни старымъ сборникамъ законовъ.

Такая продажа дѣлалась въ Парижѣ въ зданіи Францискаускаго монастыря, по долларамъ въ 20, 30 и 40 тысячъ фуншовъ вѣсу.

Книгопродавцы, свѣдавъ, чшо такой-шо бумажный продавецъ накупилъ множество книгъ, являлись для перекупки на всѣхъ шѣхъ, какія имъ были нужны, и посылали ихъ попомъ на продажу съ публичнаго шорга.

Эта продажа библіотекъ съ публичнаго шорга представлялась для наблюдателя зрѣлище, весьма любопытное. Тутъ являлись лица въ шрехъ видахъ: продавецъ,

книжникъ, объявляющій о заглавіи книгъ и покупщики. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ не произошло никакой существенной перемены въ семь отношеніи; но общопримельства сдѣлали различныя, значительныя опшѣнки.

Нѣкогда продавцами были присяжные пристава (*des huissiers exploitans*), которые присуждали дающему болѣе всего, книгу, объявленную книжникомъ. Когда же революція дала свободу на все промыслы, нѣрѣдко случалось, что одинъ и тотъ же человекъ исполнялъ двоякую должность книжника и пристава; точно также и нынѣ мы видимъ, время отъ времени, комиссаровъ-цѣновщиковъ, которые берутъ на себя объявлять о заглавіи книгъ, принимая надбавку и присуждая. Но когда Бонапарть учредилъ цѣхъ сихъ комиссаровъ, то они могли продавать книги, однако не объявляя ихъ и не объявляя заглавій. И такъ, если они позволяють себѣ нѣрѣдко то и другое, то единственно по злоупотребленію, которое надлежитъ испребитъ. Мы расскажем о двухъ случаяхъ, происходившихъ, между собою подобныхъ, въ глазахъ нашихъ. Одинъ изъ сихъ комиссаровъ, объявлявшій о книгахъ библіотеки изъ четырехъ или пяти сотъ томовъ, оцѣнилъ въ четыре франка двад-

цать пять томовъ, между коими находилось изданіе 1718 года *Дафниса и Хлои*, съ фигурами. Уже продажа оканчивалась на семи или восьми франкахъ, какъ подошли два образованные книгопродавецъ и подняли цѣну до сорока пяти франковъ. Въ другой разъ повѣренный одного комиссара, вмѣшавшійся въ оцѣнку, поспребовалъ четыре франка за два тома въ лѣтшъ, сошвоивше въ торговлѣ до сорока осьми франковъ, и опшданные тогда же за шридесятъ два франка.

Для продажи библіотеки, прежде, нежели она пущена въ аукціонъ, требовалось всегда, чтобы какой нибудь книгопродавецъ оцѣнилъ ее и повѣспилъ о разныхъ находящихся въ ней швореніяхъ. Такая повѣспка дѣлалась въ то время, какъ и нынѣ, сперва посредствомъ кашалоговъ, раздаваемыхъ книгопродавцамъ и любителямъ чтенія, а потомъ объявленіемъ на мѣстѣ продажи, слѣдуя порядку кашалого. Вообще примѣчанія, дѣланныя о книгахъ, болѣе или меньше пространныя, были сосшавляемы съ большимъ раченіемъ книгопродавцами, которые спавили себѣ въ честь показашъ при томъ сколько же образованности, какъ и шочности. Подъ шочками, коими означались нѣкоторые нумера въ кашалогохъ, разумѣлись шворенія запрещенныя.

Книгопродавецъ, составляющій каталогъ библіотеки, какъ бы она ни была значительна, всегда наблюдалъ порядокъ библіографическій, начиная съ Θεологіи и продолжая Законовѣденіемъ, Науками и Искусствами, Литературой и Исторіей. Сіи отдѣленія, подраздѣлявшіяся еще и наблюдаемыя доселѣ издавателями каталоговъ, представляють большія затрудненія въ распредѣленіи книгъ. Нѣкоторые провинціальныя книгопродавцы откинули ихъ и раздѣляютъ книги по форматамъ, что переняли они у иностранныхъ книгопродавцевъ.

Какъ для выгоды владѣльца библіотеки, комиссара-цѣновщика и книгопродавца шребуется, чшобъ собиралось сколь возможно болѣе покупателей, шо книгопродавецъ, не слѣдуя по порядку нумеровъ каталога, выбиралъ въ каждое собраніе по нѣсколькупвореній въ каждомъ отдѣленіи и подраздѣленіи. Очень понятно, что если бъ онъ въ одинъ день продавалъ одиѣ богословскія, въ другой законовѣдческія книги, и шакъ далѣе; шо въ продолженіе продажи одного дня, собиралось бы у него шолько малое число книгопродавцевъ и любителей.

Книгопродавцы, кошорые, до революціи, брались объявлять о книгахъ на аукціонахъ, были вообще люди образованные; они знали

почши всѣхъ Греческихъ и Латинскихъ Авторовъ, не по однимъ заглавіямъ ихъ сочиненій; хорошо разумѣли языки Гомера и Виргилія и очень ошерегались произносивъ въ чтеніи, долгой слогъ кратко и на оборотъ. Многіе знали языки иностранныя, особливо же языкъ Тасса и Аріоспа. Навсегда останешся въ уваженіи сборникъ Итальянскихъ Авторовъ, изданный книгопродавцемъ Про (Praul).

Сіи книгопродавцы умѣли поддерживать достоинство своего промысла. Объявивъ о книгѣ и оцѣнивъ ее, они предославляли крикунамъ и приславамъ заботу подспрекашь дерекунщиковъ. Ненавидя шарлапанство, если и старались они выказать достоинство книги, шо не скрывали и недоспашковъ ея; никогда не позволяли себѣ никакого разсужденія, могущаго ввести въ обманъ покупателя.

Преемники, какихъ дала имъ революція, ни мало не были ихъ достойны. Лишь шолько она вспыхнула, множество шакъ называемыхъ книгопродавцевъ, не обладая другими качествами, кромѣ надменности, взялись объявить книги на публичныхъ шоргахъ. Одинъ изъ нихъ, величайшій невѣжда, но съ большою передъ другими смѣлостію и счастиемъ, устроилъ для продажи особую залу,

сдѣлавшуюся совмѣстницею зданію Bullion, и стала ежедневно пускать въ перекупъ книги, отдавая себя на посмѣшище безпреспаннѣмъ коверканьемъ, при объявленіи о нихъ, языкомъ Лашинскаго и Французскаго. За всемъ тѣмъ, его дерзкое предпріятіе удалось; потому что мнимымъ своимъ прямошдемъ приобрѣтала оны доврѣенность собиращелей библиотекъ и книгопродавцевъ.

Покупщиками книгъ при публичномъ торгѣ, бывающъ вообще книгопродавцы и нѣкоторые частные люди, привлекаемые надеждою меньшей платы, нежели въ лавкахъ. Въ числѣ первыхъ, бывающъ всегда нѣсколько добросовѣстныхъ, которые перекупающъ, совѣтуясь только съ кошелькомъ своимъ и съ надобностями; но сколько другихъ условливающя напередъ, чинишь доснавать книги за гораздо дешевѣйшую цѣну, нежели за какую могли бы получить ихъ при честной покупке! Сіе злоупотребленіе, столь вредное для вдовъ, сиротъ, для казны, словомъ для всѣхъ, кшо имѣющъ законное участіе въ продажѣ библиотекъ, существовало задолго до революціи, и не безъ негодованія выдали даже имѣющихъ пашенныя книгопродавцевъ въ спачкъ, для такого обмана, съ продавцами старыхъ книгъ, шерпыми Пазашою книгопечатанія.

Нарушивъ такимъ образомъ самыя священные права собственности, обманщики сходятся въ какомъ нибудь шинкѣ или кофейномъ домѣ, пускающъ снова въ перекупъ добытое воровскою спачкою, и разделяющъ его между собою. Это гнусное ремесло называется *ревизіею*. И такъ швореніе во сто франковъ настоящей цѣны, доведенное на публичномъ торгѣ только до пятидесяти, перекупающъ въ сей воровской продажѣ за восемьдесятъ. Можно полагающъ, что въ обыкновенный годъ барышъ ревизій книгопродавцевъ и букинистовъ простирается до шридцати тысячъ франковъ; а прибыль другихъ купцовъ, посѣщающихъ публичные торги, болѣе, нежели на сто двадцать тысячъ франковъ.

Но еще законопреступнѣе то, что книгопродавцы, выбираемые для объявленія о книгахъ, владельцами ихъ или комиссариатцѣновщиками, спакивающъ съ обманщиками для покупки оныхъ за самую дешевую цѣну. Мы знаемъ такихъ, кошорые не могутъ извиняющъя невѣжествомъ, а между тѣмъ доснавали, по милосши молчаливыхъ своихъ сообщниковъ, за двѣнадцатъ франковъ швореніе, кошорое при малѣйшемъ торгѣ легко бы могло бытъ подыято до шридцати шести. Если крикунъ

вздумаешь поднимать цѣну, ему сулящъ награду, и оны приглашаютъ комиссара оказывашъ шоргъ.

Л и т е р а т у р а .

Сначала царствованія Людовика до революціи, Французская Литература не обогатилась почти никакимъ достопримѣчательнымъ сочиненіемъ, если исключимъ *путешествіе младаго Анахарсиса въ Грецію*, *Аббата Бартеlemi*, *Польскую Исторію* Рюльера, *Сады Делила*, переводы *Лукреція* и *Сенеки Лагранжа*, и *Тита-Ливія* Гереня; также *ученіе о природѣ* Бернарденъ-де-Сен-Пьера. Тогда были въ модѣ романы и сочиненія политическія или судныя; но какіе романы, какія сочиненія! *Опасныя связи*, *Фоблазъ* и *Фелиція*, самые любимыя между первыми, не во гнѣвъ автору *Адели* и *Теодора*, даюшь справедливое понятіе о тогдашнихъ нравахъ. Изъ вторыхъ, восхищались *Политическими льтописями* Ленгеша, *Записками* Бомарше, *Милніями* Президента Дюпаша, по дѣлу о *дѣвкѣ* Сальмонъ и о шрехъ преступникахъ, осужденныхъ на колесованіе и проч.

Тогда было время анекдотовъ, сказочекъ, басенокъ и пѣсенокъ, сочиняемыхъ на мнѣштровъ и другихъ должностныхъ людей.

не всегда съ паблюденіемъ благопріятности. Каждая книжка *Меркурія*, на который *Мармонтель* долго имѣлъ привиллегію, и *Альманаха Музъ* ожидалась съ величайшимъ неперпвнѣемъ, и при выходѣ, чиналась съ такою жадностію, какъ будшо въ ней заключались наилучшія произведенія челоѵческаго разума. Правда, что политическая часть *Меркурія*, сославленная въ послѣднее время *Малле-Дюпаномъ*, служила большимъ вознагражденіемъ чинашелямъ за *Новыя нравоучительныя сказки* *Мармонтеля*, копоры имъ надобан.

Въ легкой и эротической Поэзіи, отличались *Парни*, *Бершень*, *Леонарь*, *Жанпиль-Бернарь* и другіе. Небольшіе сборники ихъ произведеній расхващывались на перерывъ, и эша жадношь показывала общее легкомысліе, весьма противоположное появившейся въ послѣдствіи времени, суровости и спрогости вкуса. Могла ли нація, восхищавшаяся *Тайными записками Башомона*, надѣяться на появленіе какого нибудь гениальнаго творенія? И какой пріемъ гошвила она ему сдѣлать?

Но *Бюффонъ* не обогащаль ли нашей Литературы своею *Естественною Исторію*, Французкая Академія — произведеніями, увичеваемыми ею; *Аббатъ Башпе*, сво-

ими *Провлами Литературы*, и Мармонтель своею *Смѣсью*? Бюффонъ, безъ сомнѣнія, блискала чистотою и живостію своего слога; но вкусъ поршился слогомъ Томаса; увнчаннныя Академією произведенія, почти при самомъ своемъ пріумѣѣ ушопали въ рѣкъ забвенія. Башше издавалъ шодько уроки, преподаваемые имъ съ профессорской каеодры, а шупой Мармонтель заставлялъ, тяжелымъ и холоднымъ своимъ слогомъ, думать, что не онъ былъ авторъ спарыхъ его правоучительныхъ сказокъ.

Революція дала новый видъ Французской Липерашурѣ. Все, что съ 1789 года появилось, прозою или стихами, приняло ея цвѣтъ; иной писатель, разсынавшійся въ низкомъ ласкашельствѣ передъ дворянствомъ, сдѣлался всенокорнѣйшимъ слугою разночинцевъ (*tiers-état*), и всесерднѣйшимъ защитникомъ ложно понимаемыхъ *Правъ человека*. Между поэтическими произведеніями сей эпохи, надобно оплчннть въ Липерашурномъ отношеніи, известную оду Лагарпа, и гимнъ, или лучше оду Руже-де-Лилла на свободу. Партія, прошивная революціи, прошивопоставила тому свои Поэшческія жалобы въ *Дьяніяхъ Апостольскихъ*; собраніе рѣдкое и дорого цѣнимое нынѣ, когда оно полно.

По уничтоженіи Французской Академіи, она не была упѣшена въ семъ горѣ никакимъ примѣчательнымъ произведеніемъ какого-либо изъ своихъ членовъ.

Ле-Брюнъ не былъ ея Членомъ. Только сей поэтъ и Шенье блискали на революціонномъ позорищѣ. Гимны Теофилаштропіи поставили заставу для Поэзіи сего времени.

Между романами въ прозѣ, мы не знаемъ ни одного, который бы пережилъ несчастную эпоху, въ какую родился, исключая развѣ романы Пнго-ле-Брюня, которые слишкомъ отшываются своевоіемъ нравовъ республиканскихъ.

Воспріятіе Бонапаршомъ Консульскаго, а пошомъ Имперашорскаго достоинштва возврашило Французскимъ Музамъ часть свободы, которой были онѣ лишены во время шираиской свободы Конвенша и Директоріи. Многіе поэты, оживленные побѣдами сего великаго генерала, дали полетъ своему генію, и породили нѣсколько стиховъ, разбросанныхъ въ разныхъ книжкахъ Альманаха Музъ и читаемыхъ еще понынѣ съ большимъ участіемъ, независимымъ отъ обстоятельствъ, ихъ произведшихъ. Тогда Фоншанъ, уже прославленный нѣсколькими предшными пьсами, возчувствовалъ пробуж-

женіе своей Музы, оцѣмъвшей во времена ужаса; тогда Лагарпъ, покинувшій свои заблужденія, издалъ подъ заглавіемъ *Курса Литературы*, наблюденія, собранныя имъ въ Аеневъ искусствъ; тогда Аббашъ Делль спшалъ поспешенно знакомить публику съ поэмами своими: *Сельскій житель*, *Состраданіе*, съ переводами Энеиды и Мильпонова *Потряннаго рая* и съ поэмою: *Воображеніе*; тогда наконецъ, Исменаръ издалъ поэму: *Мореплаваніе*, Тренель и г-жа Дюфренуа — *Гробницы Сен-Денискія*, и Легуве — *Достоинство женщины*.

Въ то же время снова появился родъ поэзіи, возрожденія котораго, казалось, нельзя было ожидать. Многіе Поэты, разлученные ширанствомъ Правителей Французской республики, спшали собиращься на весельяхъ пирахъ, и счастливые соперники Колле и Панара, они воспѣвали достойныя ихъ пѣсни.

Французская Академія шакже возродилась изъ своего пепла; она приняла въ свои члѣды Андрие, Кампенона, Пикара и многихъ другихъ ошличныхъ писателей; она покровительствовала развитію умовъ, и, какъ бы припоминая прежнюю свою независимость; она лишила посредственность всей надежды на приобрѣшеніе одобреній.

Послѣ *возстановленія*, Полишка снова овладѣла областью Литературы, которой обрабощиваніе не мало поощряемо было прежде разными наградами, и которой новыя произведенія шакъ хорошо описалъ Шенье. Когда же ввелись въ Литературу новыишія ученія, пораженные ими умы разбредились и въ хорошихъ стихахъ спшали описывать предметы, согласныя шолько съ меланхолическимъ ихъ расположеніемъ. Новые поэты, начивавшісь спарыхъ и проникнувъ образъ ихъ изложенія, вздумали проложитъ себѣ новый путь: они спдали давать вещественныя формы ошвлеченностямъ или ошносишь ешественный видъ одного предмета къ другому, вовсе неспособному принять его на себя. Изображая вещи собственными ихъ красками, показалось сей новой школь недоспойнымъ ея занашемъ; ей нужны болѣе шяжкія усилія; ей нужны краски чуждыя, изумляющія и небольшой картины, которыя, слѣдуя безпрерывно одна за другою, все вновь поражали бж воображеніе читателя.

Въ правленіе Императорское, и попомъ Королевское, Литература обогатилась многими весьма важными сочиненіями въ прозѣ, каковы: *Геній Христіанства* Шашобріана, шворенія де Жерандо, г-жи Спшалъ, гг. Гизо,

Сисмон-де-Сисмонди, и пр.; романы г-жи Кошмень, переводъ Тацша — Дюро-де-ла-Малля; Тита-Ливія — его же и Ноэля; Марциала — Симон-де-Труа; переводы, въ стихахъ, Горація — Дарю; Ювенала и Персія — Ро (Rauch); Георгикъ Виргиліевыхъ — Тиссоша; Лукреція — Понжервиля.

Языкъ придворный и городской.

Передъ революціей, въ языкъ было шри замѣтныхъ различій: языкъ придворный, городской и просонародный или площадной.

Языкъ особъ, посѣщавшихъ дворъ, былъ вообще очень простъ и безъ всякой принужденности. Выговаривать г, на концѣ слова, связывая согласную, которою оканчивается одно слово съ гласною, которою начинается другое, чшобъ избѣгнуть неблагозвучія, показалось бы самымъ смѣшнымъ неадаштвомъ. Такъ, вмѣсто blanchisseur, придворный говорилъ blanchisseur; вмѣсто ceux ou celle съ произнесіемъ х, онъ говорилъ seu ou celles; въ рѣчи il n'est pas ici, онъ выкидывалъ s. Сей выговоръ, привычный въ апапныхъ Версальскихъ и Парижскихъ обществахъ, имѣлъ что-то пріятное и не принужденное, и не смотря на неправильность свою, нравился наконецъ и шому, кто любилъ чистоту языка. Придворный

писалъ также, какъ и говорилъ, шо есть, очень просто и съ небреженіемъ. Холоденъ и остороженъ съ равнымъ себѣ, онъ говорилъ, чшо было только нужно сказать, безъ выразительности, безъ жеста, безъ движенія душевнаго. Съ нѣшими себя, принималъ онъ иной тонъ: крупнъ, насмѣшливъ, дерзокъ, однимъ словомъ, приводилъ его въ смущеніе, уничалъ. Но пресмыкаясь предъ любимцами двора, онъ говорилъ медосочиво, и однимъ выговоромъ словъ давалъ понятіе о совершенномъ своемъ рабствѣ.

Придворный языкъ состоялъ, вообще, изъ нѣсколькихъ только привычныхъ словъ и исперныхъ фразъ, чашно не заключающихъ въ себѣ смысла. Вся выраженія Полишки, Наукъ и безчисленное множество другихъ, были опвергнуты имъ. Кшо желаетъ составить себѣ понятіе объ языкѣ царствованій Людовика XIV, Людовика XV и Людовика XVI, пусть прочтешъ письма и записки придворныхъ шого времени; въ нихъ найдешъ онъ слогъ легкій, но почши всегда безцѣнный и безъ всякой силы.

Въ городѣ, гдѣ пользовались большею развязностію, гдѣ классы людей были болѣе перемѣшаны, гдѣ Литераторы болѣе уважались и лучше принимались, языкъ былъ правдльнѣе, разнообразнѣе и выразительнѣе,

хотя все опшывался педанштвомъ. Между пшмъ въ обществахъ высшаго круга можно было найши смшь языковъ придворнаго съ городскимъ, и шамъ легко различали придворныхъ опъ пшхъ, кшо не посщала Версаьскаго Дворца. Въ сихъ-шо обществахъ молодые люди приучались къ чистотъ языка и къ хорошему разговорному пону. Тушь женщины, хотя вовсе не знавшя правилъ граммашки, были для нихъ, въ семъ отношеніи, гораздо полезнше Гг. Респо и Вальи.

Надобно признашся однако, чшо во многихъ обществахъ ввелся было шакой родъ разговора, который могъ совершенно испоршши языкъ. Въ продолженіе нъсколькихъ лтъ были въ большой модъ каламбурь, родъ игры словъ, кошорые ввелъ Маркизь де-Бьевръ, и изъ кошорыхъ сей оспроумный придворный составилъ комедію, подъ названіемъ *Vercingetorix*. Мы приведемъ два каламбуря, чшоь дашь понятіе объ эпомъ забавномъ родъ, съ успхомъ возобновленномъ въ наше время актеромъ Брюне на шаатръ des Variétés. Однажды Королева Маріа-Аншунета потребовала у Маркиза каламбуря: въ эшу минушу на ней были зеленые башмаки. Бьевръ, смотря на ея ноги, сказала: *Madame, je vois à vos pieds l'univers*

(*Uni vers*). Въ другой разъ спросилъ онъ у кого-шо, почему медляшь представленіемъ пьесы, кошорую ошдалъ онъ на *Французский шаатръ*, и на сдъланный опвщъ, чшо Моде, взявшій на себя главную ролю, бо льнъ, онъ воскликнулъ: *c'est fatalité (fat alité)*. Къ счастію каламбурь вышла изъ моды и упошребляюшя только между шакими молодыми людьми, кошорые, по собственнй проспошъ, находяшъ въ нихъ чшо-шо умное.

Другаго рода спрасшь владъла умами — пословицы, и многія общества не могли обойтисъ безъ шакого нибудь Санхо-Пансы. Кармонпелъ составилъ изъ нихъ множешво драмъ, кошорыя къмъ-шо изданы вмшь и сосшавили частшей до осьмнадцати. Впрочемъ, пословицы, забавныя не менше каламбуровъ, давали поводъ чему-нибудь научишся и не поршдили языка коверканьемъ словъ и упошребленіемъ ихъ въ превранномъ смыслъ.

До революціи весьма жаловали пшхъ людей, кошорые умъли забавляшь общество сказочками и оспрошями. Мы знали многихъ шакихъ и, между прочимъ, одного, именовъ Мюссона, человекъ очень не виднаго и, по лицу, совсшь не обещающаго шой веселосши, какою умъль онъ одушевляшь

бесѣду. Въ головѣ его помѣщалось самое обильное собраніе побасенокъ, остроумъ, шушокъ, двусмыслий, каламбуровъ. Едва раскрывалъ онъ ротъ, какъ слушатели расплагались уже хохотать. Но всего забавнѣе, дагались уже хохотать. Но всего забавнѣе, что ни Шампанское, которое любилъ онъ попягивать за десертномъ, ни всеобщая веселость, имъ возбуждаемая, ничто не могло поколебать важности его вида и равнодушія.

Языкъ площадный или проспонародный былъ почти тотъ же, какъ и нынѣ — развъ нѣсколько поплодовѣше словами непристойными, и поглубже; ошъ чего еще замѣннѣе была величайшая разность между нимъ и языкомъ хорошей бесѣды. Хотя нравы были и не такъ-шо чисты, но за всемо пѣть, въ сихъ бесѣдахъ не шерили вольныхъ выраженій, ниже двусмыслий, которые могли бы оскорбить слухъ молодыхъ дамъ и двницъ. Но если не позволялось того въ такъ называемой хорошей бесѣдѣ, шо любители подобныхъ двусмыслий могли вознаграждать себя за шо на пирахъ, къ копорымъ молодежь изъ знати и другихъ зажиточныхъ классовъ, любила приглашать записныхъ прелестницъ.

Революція, обратя умы къ предметамъ совершенно другимъ, нежели какіе занимали

ихъ когда-либо, разлила нововведенія по всемо классамъ народа. Легкомысленныя шушки уступили мѣсто разсужденіямъ политическимъ; составились новыя выраженія для означенія новыхъ понятій; слова новыя замѣшвовались изъ языковъ иностранныхъ, или старыя получали значеніе, различное съ пѣть, какое упрочено имъ было *Словаремъ Академіи*. Такимъ-шо образомъ слова: budget, motion, club и много другихъ перешли съ Англійскаго на Французскій; слова Французскія: constitution, aristocratie, convention и проч. получили смыслъ, имъ прежде не принадлежавшій. Вновь составлены: révolutionner, influencer, activer, organiser, lanterner, septembriser, septembriseur и безконечное множество другихъ, копорыя можно найши въ журналахъ того времени и въ новѣйшихъ словаряхъ Французскаго языка.

Кшо не слѣдовало за измѣненіями Французскаго языка съ 1789 по 1795, шотъ, безъ сомнѣнія, находилъ его непонятнымъ въ эту послѣднюю эпоху. Уже не спало различія между языками дворянъ, гражданъ и просшаго народа. Все старались выражаться по-Санкюлотски. Кшо употреблялъ, обращая къ кому-либо рѣчь, monsieur, вмѣсто citoyen, шотъ подвергался шюремному заключенію и даже болѣе шяжкимъ наказаніямъ. Женщину

надлежало называть *citoyenne*, а не *madame*. Все говорили другъ другу *ты*; пятнадцатилетний юноша осмидесятилетнему старцу, какъ школьникъ своему Профессору, слуга своему господину; ни для кого не было оплачія. Министра, на письмѣ и словесно, нельзя было называть иначе, какъ *citoyen ministre* и говоришь ему *ты*. Надобно было думать, будто все Франгузы сдѣлались друзьями, самыми преданными одинъ другому.

Языкъ простаго народа, образованный Марашомъ, Дюшенемъ, Гебершомъ, былъ преисполненъ грубѣйшихъ и самыхъ звѣрскихъ выраженій; но былъ языкъ разбойниковъ, святошащцевъ, палачей; ни одной рѣчи безъ богохульства, безъ нѣсколькихъ ругательствъ, безъ сквернословія или воззванія къ грабежу и убійству. Чпобъ не навлечь подозрѣній, люди, хорошо воспитанные, не забывали сообразоваться, въ публикѣ, съ языкомъ простолюднымъ, избѣгая впрочемъ самыхъ грубыхъ выраженій.

При такомъ наказеніи языка, не мудрено, что и сами люди стали переименовываться. Множество революціонистовъ назвались Греческими и Римскими именами: *Аристидовъ, Анахарсисовъ, Брутовоъ, Сцевола, Публикола*, и проч. Наконорме, вмѣ-

сто прежняго имени *le Roi*, назвались *la Loi*; другіе, носившіе названіе Бурбоновъ, поспѣшили отъ него отдѣлаться и принявъ менѣе опасное; дворяне кинули свои прозвища по землямъ и придумали себѣ другія, самыя простонародныя.

Города и шѣ изъ улицъ, которыхъ названы были по Святымъ, Королямъ, Королевамъ, или чѣмъ-либо напоминали о правленіи монархическомъ, получили новыя наименованія, или въ ихъ прежнихъ откидывалось слово: Святой. Городъ *Saint-Denis* назвался *Franciade*, *Lyon* — *Ville-Affranchie*, *Port royal* — *Port libre*, *Saint-Gengout* въ Бургоніи — *Jouvence*, замокъ *Saint-Cloud*, просто *Cloud*, какъ и много другихъ мѣстъ, въ названіяхъ которыхъ играли большую ролю слова: *libre*, *montagne*, *républicain*. Въ Парижѣ говорили: улица *Antoine*, вмѣсто *Saint-Antoine*, улица *Roch*, предмѣстіе *Germain*, и проч. Площадь Лудовика XV назвали Революціонною; шакъ и другія. Мосты подвергались той же участи.

Во время правительства, послѣдовавшаго за гнуснымъ управленіемъ Конвента, языкъ сталъ очищаться отъ выраженій революціонныхъ. Люди добросовѣстные, пользуясь свободою сходясь въ обществѣхъ, возвращали ему, сколько было возможно,

шу благопристойность, которая изгнана была в шеченіе двухъ лѣтъ. Простой народъ удержалъ однако, большею частію, варварскія и грубыя рѣчи, къ кошорымъ его приучили. Какъ языкъ весьма дѣйствуешь на нравы, то можно себя представить, каковы были молодые люди, написанные ежедневнымъ примѣромъ своихъ родителей.

Обыкновенно, изъ одной крайности бросающагося въ другую. Съ опмѣною конвенціонаго правленія, многіе молодые люди стали говорить съ припорною нѣжностію, такъ что выговоръ ихъ сдѣлался очень смѣшнымъ. Едва растворяли они ротъ и разжидали зубы для произнесенія словъ, всегда неполнѣ выговоренныхъ. Въмѣсто *je*, произносили они *ze*; и вмѣсто *la porte est ouverte*, говорили *la pote est ouvète*. Вотъ обращикъ этого новаго языка: *z'ai me pomené au bois de Boulogne; z'y mangeai des oeufs flais. C'est une pomenade et une patie chamante. Le potier du rac, qui est aussi taiteur, fait d'essélens agouts.* Люди, неслыхавшіе подобнаго нарѣчія, не повѣряли, чтооь оно было въ модѣ между весьма многими молодыми людьми въ столицѣ, и даже въ главныхъ городахъ Королевства; однако это суцая правда, и можно въ томъ удостовѣриться по нѣкоторымъ шеатральнымъ сочиненіямъ, кошорыми въ

то время предавали шакихъ чудаковъ на посмѣяніе зрителиамъ.

Въ правленіе Императорское все еще сохранилось въ языкѣ, даже при Тюльерійскомъ Дворѣ, множество формъ проснонародныхъ. Великая разница между языкомъ прежнихъ придворныхъ и новыхъ. Сии послѣдніе, большею частію Генералы и другіе военные начальники, вышедъ изъ самыхъ низкихъ классовъ общества, болѣе спарались хорошо драшьяся, нежели хорошо говорить. Нерѣдко изъ успѣ ихъ вырывались выраженія, кошорымъ развъ полько воинскій шонъ могъ служить паспортомъ. Женщины, даже самаго высшаго разбора, выказывали, въ этомъ отношеніи, свое низкое происхождение и совершенную необразованность. *Il y a gros*, говорила одна Маршальша, вмѣсто: *c'est vrai*. — Куда прикажете ѡхаль? спрашивалъ ее слуга при выходѣ изъ спектакля: *cheux nous*, отвѣчала она. Впрочемъ при дворѣ Наполеона, наполненномъ выскачками (*parvenus*), очень мало обращали вниманія на неправильность выговора и на самыя грубѣйшія ошибки въ языкѣ.

Журналы и періодическія изданія.

Журналы и другія періодическія изданія, ни политическія, ни литерашурныя,

ни по наукамъ, совсѣмъ не были, до революціи, шакъ многочисленны, какъ нынѣ. *Французская Газета*, единственнѣйшій оффиціальнѣй журналъ, занималъ первое мѣсто. Содержаніе его состояло изъ новостей заграничныхъ, весьма осторожно писанныхъ, изъ дворскихъ и нѣкошорыхъ другихъ, очень незанимашельныхъ. Сей журналъ болѣе всѣхъ расходился.

Парижскій журналъ, не менѣе осторожный, ограничивался нѣсколькими незначительными ешюличными новостями, и забавлялъ своихъ читашелей получаемыми имъ письмами, сшищками, мадригалами и логогрифами. Онъ начинался извѣстіемъ о хорошей или дурной погодѣ, кошорую мы уже видѣли, о восхожденіи и захожденіи солнца и луны, а оканчивался извѣстіемъ о смерти знашнаго и сильнаго у двора барича, или знашной и сильной у Двора дамы. Ничего не было въ немъ о промышленности, ничего о шорговлѣ, ничего о всеобщихъ пользахъ согражданъ. Это былъ родной брашець Французской газетѣ.

Литература имѣла свой Журналъ, издаваемый Аббаами Ройу (Royou) и Фоншене (Fontenay), преемниками Фрерона. Время ошъ времени подвѣлялись въ немъ довольно

хорошія критическія сшашби; но было много и присшраспія.

По неуваженію сихъ Журналовъ, охотно брали *Европейскій вѣстникъ* и *Утрехтскую газету*, въ шѣ, кошорыя хошѣли узнать что нибудь о полишкѣ иносшранныхъ дворовъ, о военныхъ обшюяшельствахъ и о Литерашурѣ Англійской или Нѣмецкой.

Для духовенства издавался Журналъ, въ четвертку, Священниками-Янсенистами. Въ многошомной коллекціи онаго, всего занимашельнѣе оглавленіе (*la table raisonnée*), кошорое и шрудно досташѣ.

Мы уже говорили о Меркуріѣ. Онъ былъ всегдашнимъ наслажденіемъ праздныхъ людей въ ешюлицѣ и въ провинціяхъ и каждый номеръ его прогуливался изъ деревни въ деревню, мила на чешыре въ окружности.

Журналъ ученыхъ, читаемый немногимъ числомъ людей образованныхъ, предлагалъ, время ошъ времени, предметы важныя по наукамъ и хорошо изслѣдованныя, но сухой слогъ его не могъ нравиться людямъ ешѣшскимъ и людямъ со вкусомъ.

Иносшранный Журналъ и *Журналъ Вердюнскій* помѣщались въ томъ же разрядѣ. Однако полное собраніе перваго, сдѣлавшеся рѣдкимъ, уважася и нынѣ.

Революція, предославя полную свободу печашанію и мнѣніямъ всѣхъ родовъ, породила множештво новыхъ Журналовъ, предъ которыми скрылись всѣ иностранные листки, исключая Англійскихъ. *Парижскій журналъ* умолкъ предъ *Парижскою хроникою*, сославлявшеюся Нослемъ и другими Липерапорами въ духъ тогдашняго времени, и предъ *Парижскою газетою*, служившею органомъ жалобъ дворянства и духовенства. *Другъ Короля*, котораго главный издатель былъ Аббашъ Ройу, служилъ также подпорю сихъ двухъ классовъ. *Мониторъ* наконецъ появился и смалъ совокулялъ въ своемъ обширномъ объемѣ всѣ произшества, всѣ новости, всѣ пренія, произносимыя съ трибунала, всѣ часныя возраженія, всѣ объявленія Липерашурныя, коммерческія и драматическія. Но какъ онъ не захватилъ начала революціи, кою первой произшества были для всѣхъ любоншны; по спуси довольно времени сдѣлали къ нему дополненіе, въ кошоромъ всѣ сіи произшества расказаны, конечно уже не шакъ, какъ по сдѣлано было въ ту самую эпоху, когда мы были ихъ свидѣтелями.

Пренія различныхъ законодательныхъ собраній породили много другихъ полишческихъ листковъ, каковы: *Скорописецъ*,

Сократитель письма, *Журналъ преній*, *Разсвѣтъ дня*, *Вѣстникъ Парижа* и *Департаментовъ* и проч. Къ тому присовокупились письма, кошорыми многіе депуташы, между прочимъ и Мирабо, давали избравшимъ ихъ опчешъ въ своихъ дѣйшвіяхъ.

Какъ подписка на Журналы была слишкомъ дорога для нисшаго класса народа, а между шѣмъ, ими наиболее можно было распроспранить между народомъ духъ революціонный; по еседневно, упромъ и вечеромъ, разносились крикунами по улицамъ листки, продаваемые за весьма низкую цѣну, даже не болѣе двухъ су. Таковъ былъ вечерній Журналъ брашьевъ Шеньо (Chaigneau), и гуль эпого имени, нѣсколько лѣтъ сряду, раздавался по всѣмъ улицамъ и перекрешкамъ сподицы, какъ и во всѣхъ окрешныхъ деревняхъ.

Пока сущешвовало Законодательное Собраніе, Журналамъ предославлялось еще нѣсколько ихъ первоначальной свободы. Но съ шѣхъ шоръ, какъ Конвеншъ присвоилъ себѣ всю власшь, надлежало и Журналамъ покориться влеченію общошательствъ. Тогда кровавыя листки Мараша, подъ названіями: *Другъ народа*, *Журналъ Якобинскаго общества*, *Старый Кордельбергъ*, *Отецъ Дю-*

ишь, *Журналъ свободныхъ людей*, овладѣли всѣми классами чипашелей, и роялись не смѣли уже возвысить голосъ, а должны были предоспаивать имъ обманывавъ народъ и раздражать его противъ почиашелей Королевской власти.

Къ симъ Анархическимъ Журналамъ надобно присовокупить еще возмущительные пасквили, копорые, каждое ушро, прибывались къ домамъ на самыхъ многолюдныхъ улицахъ и возбуждали вниманіе проходящихъ, изъ коихъ нѣкоторыя брались шолковать ихъ самымъ революціоннымъ образомъ.

Среди ужасной необузданности всего, что каждый день или каждую недѣлю порождалъ духъ анархіи, попомешво отличить *Парижскіе перевороты* (Révolutions de Paris), еженедѣльный сборникъ Приюдомма. Это самая подробная и вѣрная картина всѣхъ явленій, происходившихъ въ Парижѣ въ сіи плачевныя времена. Издатель не довольствовался тѣмъ, что описывалъ ихъ слогомъ самымъ приличнымъ всей ихъ гнусности, но еще представлялъ взорамъ чипашеля въ изображеніяхъ, копорыхъ цинизмъ столь же возмущителенъ, какъ и варварство.

Вмѣстѣ съ владычествомъ звѣрства (le règne de la terreur) скрылись и преданные ему

Журналы, или переменяли свое заглавіе и мнѣнія, *Парижскій Журналъ*, *Журналъ преній*, *Французская газета* и *Мониторъ* возвысили голосъ умѣренности, не боясь уже улики и наказанія. *Журналъ свободныхъ людей*, сохранившій еще нѣкоторыя опшѣнки Якобинства, вскорѣ подвергся участи тѣхъ, кому мечпалъ быть премникомъ.

Вмѣсто приглашенія гражданъ къ грабительству, раздраженія ихъ другъ противъ друга, доносовъ, расказовъ о кровавыхъ подвигахъ нѣкоторыхъ изъ представишелей народа, и ишчисленія несчастныхъ жершвъ, ушрашившихъ на эшафотѣ свои головы, Журналамъ доставалось уже шолько бесѣдовать съ своими чипашелями о шоржесивѣ нашихъ армій, хотя время ошъ времени, Директорія все еще подспрекала ихъ къ вопіянью противъ духовенства и эмигрантовъ. Послѣ долгаго молчанія, спала и Липерашура украшавъ цвѣтами своими *фельетонъ Журнала преній*, копорого Издательмъ былъ Жофруа; а наконецъ и *Модный Журналъ*, посвящаемый дамамъ, а не гражданамъ, осмѣлился довершитъ упадокъ гнуснаго *саикюлотства*. Науки воспользовались шакже симъ движеніемъ перерожденія: въ *Журналъ нормальныхъ школъ* спали по-

являясь их новыя открытія и новыя успѣхи.

Умы, обращенные къ предметамъ, болѣе достойнымъ ихъ вниманія, уже слегка полько преклоняли слухъ свой къ преніямъ трибуновъ Законодательнаго корпуса, по завладѣніи власти Бонапартомъ. Съ той поры главнѣйшія спашы находили для себя Журналы на поляхъ бившы, предоставляя на попеченіе *Вѣстника Законовъ* и *Монитера* увѣдомлять насъ о Консульскихъ постановленіяхъ и Указахъ Императорскихъ. Сверхъ того, стоабы ихъ наполнились кришикою новыхъ сочиненій и представляемыхъ, шапральныхъ пьесъ. Имъ дана была полная свобода, съ условіемъ, чшобъ не вздумали полько высавлять себя совѣтниками или судьями Правительствва. И шакъ, въ политическомъ отношеніи, цвѣтъ всѣхъ Журналовъ были одинаковы, пока *возстановленіе* не уничтожило Цензуры.

Подчиненные и послушные дошоль Журналы, вдругъ раздвляюшся и мещупъ другъ на друга своими грозными выходками. Выступающъ на поприще роаисны и почиатели конешисудіи, объявляющъ между собою вражду непримиримую и начинающъ воевашъ необузданно. Сіи двѣ паршіи образующъ прешью, даже четвершую, кошо-

рая успремляется противъ Министерства. Сперва это бивша Гораціевъ и Куріяцевъ — шрое на шрое, а пошомъ бивша чешырехъ противъ пяши, и въ шо же время одного съ однимъ и двухъ съ двумя.

Журналы, чивавшіеся прежде полько посьшишелями кофейныхъ домовъ и шѣми, кшо имѣль средства на нихъ подписывашся, нынѣ въ рукахъ послѣднихъ классовъ народа, для котораго ешедневное чшеніе ихъ сдѣлалось необходимію. На улицахъ, на площадяхъ, въ рабочихъ, въ погребяхъ, въ шрактирахъ, въ наемныхъ карешахъ, вездѣ чивающъ, поглощающъ дневные листки. Молочицы, продавицы масла, рыбы, овощей и фрукшовъ хощащъ знать происшествія стараго и новаго свѣша. Во время революціи, кака я нибудь жена мастерового разговаривала съ своими сосѣдками о Пипши и Кобургѣ, объ осадѣ Ліона, о Ваудейской войнѣ, о побѣдахъ нашихъ армій за Рейномъ и въ Ишаліи, о шоржествѣ Бонапарша: нынѣ она рассказываетъ имъ, что происходитъ въ Мексикѣ и въ Южной Америкѣ, въ Архипелагѣ и въ Морей. Правда, чшо большее число Журнальныхъ чивашелей не имѣеть обширныхъ свѣдѣній въ Географіи, и чшо естъ шакіе, которые принимающъ Пирей за имя человека, или думаютъ, чшо Греція лежишъ

опъ Франціи также далеко, какъ и Америка.

Многочисленныя библіотеки для членія, разсыяныя въ столиць и департаменты; возбуждають любопытство чинашей и облегчаютъ имъ средство удовлетворять ему. За пять саншмовъ они могутъ покойно прочесть все статьи одного Журнала, а за двадцать дозволяется войти въ комнату, сѣсть за зеленое сукно и насладиться всеми, сколько ихъ есть.

Кромѣ печатныхъ Журналовъ, появлялась нѣкогда, время отъ времени, рукописныя новости, получившія названіе *Ручныхъ новостей*. Ихъ издавали люди, хорошо или худо знавшіе происшествія, и можешь быть, за недоспашкомъ такихъ, сочинявшіе ихъ сами. Эти бумаги, часто наполнены саширами и разными злыми выходками, правились публикѣ, а шайна, съ какой онѣ раздавались, возбуждала живѣйшее любопытство. Изъ сихъ-то матеріаловъ составлены Записки Башомона. Во время Директоріи вздумалъ нѣкто, Лионскій уроженецъ, издавать такія *Ручныя новости*. Черезъ нѣсколько времени онъ исчезъ.

ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИЗОБРАЖЕНІЕ САНСКРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Продолженіе.)

Вошь весь составъ Науки, называемой священною; вошь шворенія, сияжавшія названіе книгъ по превосходству: *Sāstra*. Но есть другія двѣ Поэмы, которыя пользуются у Индійцевъ высокимъ уваженіемъ, и даже великимъ чествованіемъ. — Какъ при началѣ Греческой Литературы, являющіяся два Поэта знаменитыя: Гомеръ и Гезіодъ; такъ и здѣсь, можешь быть даже въ эпохи современныя, — мы видимъ двухъ знаменитыхъ древностію мужей: *Vālmiki* и *Vyāsa*. Одинакая неизвѣстность, одинакія баснословныя преданія упиваютъ существованіе и подробности жизни, и Греческихъ Поэтовъ и Поэтовъ Индійскихъ. Много предсказывали сомнѣній въ подлинности существованія Гомерова. Существовала ли дѣйствительно и *Vyāsa*? Пьснопѣніи его не суть ли *Rapsodii*, собранныя какимъ нибудь компиляторомъ? Вошь вопросы, кошо-

рые рѣшить весьма трудно; можешь быть даже и бесполезно пошому, что творенія существующь; а они всегда соспавляютъ важнѣйшую часть чловѣка. — Эпи два поэпическія созданія можно назвать исполнскими. Чпобѣ достигнуть возможность Поэмы въ двѣсти тысячъ стиховъ слишкомъ, надлежитъ припомнить и легкую небрежность Санскритскаго стихосложенія, столь же простаго, столь же свободнаго, какъ древняя Поэзія Грековъ, и, въ то же время, чрезвычайное шерпнѣе слушателей, для котораго писаны эти длинныя повѣствованія. Сидя спокойно, Индѣецъ съ бешелевымъ лискомъ во рту, слушаетъ съ набожностью (*). Ему нѣтъ нужды до зна-

(*) Въ нѣкоторые извѣстные мѣсяцы, въ день, считаеый счастливымъ, у кого-либо изъ людей богатыхъ собирается ошъ четырехъ до пяти тысячъ чловѣкъ подъ гангаромъ, покрытымъ соломою и ошъ всѣхъ споронъ опверженнымъ. Въ одномъ концѣ находишя мѣсто, предназначенное для чпеца; въ другомъ концѣ, который обыкновенно бываетъ поршикомъ дома, находишя завѣсь, изъ за коего смотрятъ и слушають женщины. Всѣ обыкновенно спятъ на циновкахъ, опдвляясь другъ ошъ друга по кашамъ. Прежде начатія чпенія, совершается поклоненіе книгѣ слѣдующимъ воззваніемъ: О книга, будь богиню просвѣщенія, подай мнѣ науку. — По-

ній Поэта; только бы ухо его поражалось звуками полными, а умъ былъ занятъ въ пріятномъ помелніи. Ему даже нельзя имѣть строгой взыскаемости. Всякое повѣшпованіе, рассказываемое Индѣцу, имѣешь уже само по себѣ достоинство, ибо по его понятіямъ оно изглаживаешь прегрѣшенія. И если, сверхъ того, рассказъ эпошъ пріятенъ, то слушаніе онаго, безъ сомнѣнн, для Индѣца шѣмъ сладостнѣе. Но во всякомъ случаѣ, не долженъ ли быть въ величайшей степени снисходительнымъ слушатель, который увѣренъ, что ошъ получитъ пользу ошъ повѣшпованія!

Сн двѣ Поэмы называются, одна Rāmāyana, а другая: Mahābhārata. Въ первой (*)

помѣ жертвоприношеніемъ, — даромъ цѣтвовъ и риса, — чествуютъ Автора и героя Поэмы. Наконецъ чпеніе начинается и въ мѣсахъ спранныхъ, живо спрорганые слушатели извѣляютъ чпеню свою признательность денежными подарками. Вечеру всѣ расходятся, и долго разговариваютъ о слушанномъ. На другой день и въ слѣдующіе помѣ снова всѣ сходяшя, продолжая такимъ образомъ до окончанія чпенія книги: такъ чпеніе творенія Mahābhārata, занимаешь четыре мѣсяца, а Bhāgavata— мѣсяцъ.

(*) См. разборъ сей Поэмы у Варда кн. II, стр. 187.

Válmiki представляешь похождение своего бога; Râma, Царя земли (Ayodhya), кошорый съ оружіемъ въ рукахъ ошправился для возвращенія супруги своей, похищенной жестокииъ владѣтелеиъ спраны Lanhá (Цейлонъ). Поэшь не подчинилъ себя правилу эпическаго единства; ибо рассказываетъ рожденіе своего героя и подвиги его юности; Поэма не оканчивается и по освобожденіи супруги Рамы изъ рукъ ея похищителя, ибо шуть пробуждающся въ мнимоиъ богѣ ревнивыя подозрѣнія, онъ изгоняешь супругу, за кошорую сражался; и хоши она возвращается съ двумя сынами, рожденными ею въ спранѣ изгнанія, но должна подвергнуться испышанію огня. Земля, разверзая иьдра свои, избавляешь ее отъ сего новаго оскорбленія. Râma, супругъ и братъ несчастливый, съ опчаяніа самъ полагаешь конецъ своему существованію. — Досель переведены шолько двѣ первыя книги сего шворенія. А. В. Шлегель общаешь намъ полное изданіе оной; и конечно для Поэша Индійскаго было бы большимъ счастиемъ найши издашеля въ мужѣ споль ошличнаго вкуса и знаній, каковъ Г. Шлегель.

Поэма Mahâbhârata еще менѣ известна. Если исключишь эпизодъ Nala, нѣсколько ошпрывковъ обнародованныхъ ученииъ и шру-

долубивыиъ Боппомъ, и пѣснь, называемую Bhagavad-Gita, кошорая сначала переведена была Вилькинсомъ, и въ недавнія времена вновь обнародована въ прекрасномъ изданіи Г. Шлегеля; шо мы не иначе (можемъ судишь о сешъ швореніи, какъ по одиииъ слушамъ. Vyâsa повѣшнуешь въ восемнадцати пѣсняхъ (*) бѣдшвіа Царскаго семейшва, кошорое будучи преслѣдуемо самииъ шѣиъ, кому надлежало бы покровишельсшвовашъ ему, — изгоняешь изъ славнаго города Hastinapura. Юные пошомки Царя Bharata, не изнемогающъ подъ шяжешію бѣдшвіа, они вскорѣ возшающъ со славою и шоржешвомъ; ибо имѣющъ друга — въ почиашемъ ими богѣ: въ Vishnu, приняшемъ видъ Кришна. Предъ самымъ началомъ рѣшишельной битвы, сей богъ ошкрываетъ себя своему любимцу *Ardjuna*, коего наставляешь о происхожденіи и сущешвѣ всей вселенной. Вошь предметъ эпизода Bhagavad-Gita, нами вышеоиманушаго, — шворенія чрезвычайно замѣчательнаго, — не какъ образецъ яснаго разсужденія Философическаго; но какъ любопышный памятникъ древней Литературы шакой націи, кошорая ужъ съ

(*) См. Разборъ эшой Поэмы у Варда кн. I. стр. 542.

давнихъ времениъ ничего болѣе не производишь на поприщѣ искусствъ и знаній.

При эпошъ Поэмъ находишь какъ бы нѣкошораго рода добавленіе, подъ названіемъ *Harivansa* (*), дѣ кошорой помѣщены нѣкошорыя подробности о семействѣ героевъ, дѣйствующихъ въ большой Поэмѣ, и другія повѣствованія, кошорыя не могли имѣть мѣста въ сей послѣдней. Это собраніе замѣшательно разнообразіемъ предметовъ, въ немъ заключающихся.

За сими двумя писателями, Царями Эпической Поэзіи у Индійцевъ, слѣдуютъ четыре другіе, шворческому таланту коихъ принадлежатъ семь поэмъ, спяжавшихъ у Индійцевъ названіе *великихъ* (*Magâcâvya*). Они сосшавляютъ образцовыя шворенія свѣтской Литературы Индійцевъ. Три изъ сихъ поэмъ приписываются пому изъ Поэшовъ Индіи, кошораго шворенія я почитаю наиболѣе прочихъ остроумными и обработанными, я разумью пѣвца *Câledâsa*. Эши при поэмы сушь: 1, *Cumâra-Sambhava*, или рожденіе *Sâr-*

(*) Слово *Harivansa* означаетъ семейство Гаріево. *Harî* есть имя бога *Vishnu* и бога *Śrîcṛṇa*, кошо приключенія повѣствуются въ сей книгѣ. Въ ней говорятся также и объ участіи его семейства.

tckeua бога войны (*); 2, *Raghu-Vansa* (**), въ восемнадцати пѣсняхъ, или Исторія пошомковъ *Raghu*, предка шого *Râma*, кошорый воспѣвается въ *Râmâyana*; наконецъ 3) *Megha-Duta* или облако-посланникъ. Се последнее швореніе, переведенное ученымъ Вилькинсомъ, можешь бышь, названо *великимъ*, по уваженію, коимъ оно у Индійцевъ пользуется; а не по своей обширности и числу стиховъ: ибо оно заключаетъ въ себя только сто шестнадцать спанцъ. Это есть нѣкошораго рода описательная Идиллія, въ коей мимолетному облаку поручаются вздохи супруга несчастнаго и изгнанаго. Четвертая Поэма принадлежитъ *Bhârata*, и называется *Kirâtârdjuniya*; она содержитъ въ себя повѣствованіе о войнѣ, кошорую *Ardjuna* велъ прошивъ дикихъ племень — предметъ незанимательный и самъ по себѣ, и преимущественно по шемности и сбивчивости изложенія. Пятая Поэма, болѣе богатая описаніями, нежели происшествіемъ и завязками счастливыми, есть *Néchadiya* ца-

(*) Это швореніе, по видимому не полное: ибо обмѣшивается бракосочетаніемъ матери *Cârṭckeua* — говорять, что оно состояло изъ 22 пѣсней.

(**) См. Разборъ сего шворенія въ 10 шомѣ стр. 426 *Assâtik Res.*

ря Svi-Narcha. Предметъ ея заимствованъ изъ Mahâbhârata: это есть не иное что, какъ распространенный въ двадцати двухъ пѣсняхъ Эпизодъ о Nala, царь спраны Nichada. Въ семь пвореніи рассказываетя Исторія Государя, кошорый, будучи ослабленъ злымъ духомъ, проигрываетъ въ кости свои царство, и становится причиною несчасія дочери царской, избравшей его супругомъ своимъ. Эпозъ же предметъ послужилъ основаніемъ для другой Поэмы въ чешырехъ пѣсняхъ, называемой: *Nalodaya* и приписываемой стихосворцу *Caliddasa*. Но едва ли можно съ справедливостію украшивать имъ-немъ сего превосходнаго Поэша пвореніе, замѣчательное только по необыкновенному соединенію спранныхъ и трудныхъ рчемовъ и размѣровъ; или же должно признаться, что оно есть только игрушка воображенія сего Поэша столь разсудительнаго, кошорый, спяжавъ себѣ знаменитость Поэмою о временахъ года и своими драмами, не нуждается для славы своей въ подобномъ произведеніи.

Mahâbhârata же доставила предметъ и для шестой Mahâcârua, произведенія, обязаннаго существованіемъ своимъ болѣе благородному покровительству наукамъ, нежели Поэшическому таланту Царя Mâgha. Творе-

ніе сіе называется *Sisupâla Badha* (*), смерти *Sisupâla*; въ немъ рассказываетя въ двадцати пѣсняхъ и нѣсколько съ излишнею подробностію война, возникающая между *Crichna* и царями, кошорые, завидуя его побѣдамъ соединились съ *Sisupâla*.

Подобно Поэтамъ Греческимъ и Римскимъ, предпочтительно заимствовавшимъ предметы для своихъ пѣснопѣній изъ событий въ войнахъ Эвесской и Троянской, писатели Индѣйскіе всегда возвращались къ Исторіи героя *Râma* и ихъ бога *Crichna*, кошорая была неисчерпаемымъ источникомъ Поэшическихъ вымысловъ. Они не устращались идти по слѣдамъ соперниковъ, уже увѣнчанныхъ успѣхомъ. Такимъ образомъ, послѣ *Valmiki*, многіе другіе прославляли героя спраны *Ayodhya*. — Поэмъ *Ramâyana*, считалось нѣсколько, и самъ *Vyâsa* испыталъ свои силы на семь же предметъ. — Иные писатели заимствовали изъ большихъ Поэмъ вводныя приключенія, кошорыя, подъ перомъ ихъ, сдѣлались драмами привлекательными, или прелестными стихоспвореніями. Такъ *Bhavabhûte*, *Murâre-Misra*, *Pakchadhara-Misra* воспѣвали несчасія и войны ге-

(*). См. разборъ сей Поэмы. *Asiat. Res.* Tom. X. p. 407.

роя Râma; а Djîva-Goswâmi, Rupa-Goswâmi, Gorâla-Deva прославляли любовные подвиги бога Cricna.

Поэшь Câlîdâsa, одаренный талантом гибким и разнообразным, сочинил о пра-вилах стихосложенія особое разсужденіе (sruta-bodha), въ которомъ преподавъ вмѣстѣ и правила и примѣры. Bhartṛi-Narî написал о Грамманикъ Поэму въ двадцать двѣ пѣсни, которая называется *Bhatti-Cârya*. — Предметомъ этой Поэмы пошь же Râma; а цѣль Поэша показать правила и образцы всякаго рода рченій. — Всегда сохраняя гладкость и ясность, не смотря на шрудно-сти предначертаннаго плана, онъ умѣлъ совершить шрудъ достохвальнѣйшій. Но я не могу одобришь цѣли другаго шворенія, называемаго Râghava-Pândaviya, сочинитель коего самъ себя именуешь Caverâdjâ (*). Эта Поэма ешь плодъ усилій неимовѣрныхъ, — но бесполезныхъ; оно ешь удивительное, но ничтожное произведеніе челоука съ отличнымъ дарованіемъ: каждое слово, прин-канное съ шрудомъ и искусствомъ величай-шимъ, предспавляетъ такой смыслъ, что можешь по волю чинашеля, бышь примѣне-

(*) Слово сіе означаетъ *Царь-Поэтовъ* или *Царь-Поэтъ*.

но и къ Ишторіи Râma, внука Raghu, и къ Ишторіи сыновъ Pandu, покровительствуе-мыхъ богомъ Cricna. Появленіе подобныхъ швореній почишаю я плачевнымъ знакомъ въ Липерашурѣ: они возвыщаютъ время сла-бости и упадка, когда умъ, уже обезсилѣвъ для новыхъ созданій, — не имѣешь ни мощ-ности, ни воображенія, а шолько память и шерпѣіе. По словамъ самаго Caverâdjâ, ему подали эпошь гибельнѣйшій примѣръ Subandhu и Vana-Bhatta, первый въ аллегорическомъ романѣ, въ которомъ прославляюшя любов-ные подвиги Caudarpakétu и Царевны Vâsava-dattâ; вшорой въ швореніи описательнаго рода, не оконченномъ и называющемся: Câ-dambarî. Книги эти, также какъ и Dasacu- târa, сочиненная Dandî, заключаюшь въ се-бѣ рядъ аллюзіи двоякаго смысла. Аллегорія конечно ешь фигура ошпроумная; но она спановишя холодною, если бываешь слиш-комъ продолжена. — Вошь недоставокъ сихъ сочиненій, недоставокъ, который од-нако же успунаешь въ спранности сочи-ненію: Râghava-Pândaviya, гдѣ двѣ различныя Ишторіи расказаны въ однихъ и шѣхъ же выраженіяхъ.

Сіи послѣднія произведенія называются Поэмами, хотя и писаны прозою: но эта проза самая красивая, цвѣтущая, и кошо-

рую иногда возвышаетъ размѣръ и періоды поэтическіе. Особый родъ сочиненій, называемыхъ *tchamru*, представляетъ разнообразное и искусное смѣшеніе стиховъ и прозы. Число ихъ весьма велико; но преимущественно кажется опличается *Nala-Tchamru*, въ кошоромъ сочинилъ, *Trivicrama-Bhatta*, излагаешь своимъ собственнымъ образомъ бѣдствія Царя *Nala* и его супруги *Damayanti*. Вошь оная предметъ, кошорый, какъ мы уже видали, былъ обработанъ въ другихъ формахъ.

Но преимущественно часно Индійцы вводящъ эпо смѣшеніе прозы и стиховъ въ свои драмы.

У всѣхъ образованныхъ народовъ Писатели недовольствовались однимъ расказомъ событій: они любили также представлять ихъ предъ взорами зрителей внимательныхъ, и сообщая имъ, обманчивостію драматической игры, по дѣйствительное существованіе, кошорое для нихъ было невозможно. Театральныя зрѣлища искони услаждали досуги Индійцевъ. Драматическія піесы ихъ называются *pāsa*. Изъ шрехъ единствъ Аристошелевыхъ, имъ извѣстно одно только единство предмета. Они дѣлать свои піесы на дѣйствія (акты), но число оныхъ не опредѣлено. Піеса, подъ названіемъ

Nāyārnava (океанъ шутокъ) въ шрехъ дѣйствійхъ; драма *Sacuntalā* — въ семи; *Mālatī-Mādhava* въ десяти.

Между писателями, упражнявшимися въ семь родъ, двое пользуются особеннымъ отличіемъ: *Bhavabhūte* и *Calidāsa*. Первый славится піесою, подъ названіемъ: *Mālatī-Mādhava* (*), въ коей все вымыслено, и въ кошорой завязка основана на препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ любовью *Mālatī* и *Mādhava*. Опцы ихъ, занимающіе званіе Министровъ у двухъ могущественныхъ Царей, согласились соединить дѣшей своихъ, чинобы тѣмъ еще болѣе утвердить свою старинную дружбу. Но одинъ изъ Царей хочеть отдать юную *Mālatī* въ супруги старому любимцу своему: Министръ боится прогнѣвить своего Государя; но и ужасается мысли принести собственную дочь на жершву. Послѣ долгихъ приключеній, въ коихъ дѣйствуютъ и колдуны и волшебницы, — успѣвають, посредствомъ комическаго предвѣанія, внушить любимцу Царскому опвращеніе къ супругѣ, назначаемой ему покровительствомъ Государя, — и піеса оканчивается свадьбою молодыхъ любовниковъ.

(Окончаніе впрѣдъ.)

(*) См. Разборъ сей піесы въ томѣ X, стр. 453. *Asiat. Res.*

К Р И Т И К А

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢЧАНІЯ НА КНИЖКУ: КРАТКОЕ
ИЗЛОЖЕНІЕ ПРАВИЛЪ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ
РУЧНАГО СЛОВАРЯ НЫНѢШНЯГО ЯЗЫКА
РУССКАГО.

Въ 75 и 76 NNo Сѣверной Пчелы прошедшаго, и въ 12 No Московскаго Телеграфа нынѣшняго года помѣщены разборы моей книжки, подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ изданной (*). Благодаря усердѣннѣе Г-дъ Кришниковъ за вниманіе къ труду моему, обязанностию починаю объявить предъ всѣми, въ чемъ, въ слѣдствіе ихъ убѣжденій, я соглашаюсь съ ними, и на что, по причинамъ, о коихъ упомяну, не могу съ ними согласиться. Начну, по порядку времени, съ Сѣверной Пчелы.

Почтеннѣйшій Рецензентъ мой Н. И. Гречъ, Филологъ, котораго мнѣнія по части языкознанія доспойно уважаюся, пода-

(*) Небольшая книжка сія будетъ напечатана вся въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности, учрежденнаго при Московскомъ Университетѣ.

гаешь *во-первыхъ*, что азбучный порядокъ, въ кошоромъ я думалъ расположить ручной Словарь свой, несомвѣстенъ съ качествами хорошаго Русскаго Словаря. Такъ, и я согласенъ, ежели дѣло идетъ о большомъ Словарѣ, о *подробномъ*; шаковой Словарь, назначаемый для библиотеки ученаго, необходимо долженъ быть производный; ибо главная цѣль занятой ученаго Филолога есть изслѣдываніе коренныхъ началъ языка, слѣд. и разсматриваніе корней словъ. Но названіе *ручной* предполагаетъ иную цѣль — облегченіе употребленія; и кто же не согласится, что легче приписывать слова по одному алфавиту расположенныя, нежели справляться съ индексомъ, рыться въ листахъ книги, и наконецъ просматривать множество производныхъ, хотя бы шо и на одной указанной страницѣ? Кажется сего доспапочно въ защиту азбучнаго порядка ручнаго Словаря Русскаго; но я прибавлю еще нѣскольکو словъ на слѣдующія замѣчанія Г. Греча. Онъ говоритъ: „Всякій Русскій Словарь долженъ быть словопроизводный. Симв средствомъ, во первыхъ, облегчающаго опредѣленія, ибо въ оныхъ нужно будетъ показывать только уклоненіе въ смыслъ оиъ главнаго или первообразнаго слова. Во-вторыхъ, Сочинитель избѣжитъ непрерывныхъ повшо-

реній и ссылокъ...“ Не знаю, много ли облегчашся опредѣленія сими средствомъ. Возьмемъ въ примѣръ слово *домъ*; производныя его *домовый*, *домовой*, *домашній*, *домовничать* и сложныя *домочадецъ*, *домоводецъ*, *домовладыка* и пр. не должны ли имѣть каждое свое особое опредѣленіе? Что же касается до уменьшительныхъ *домикъ*, *домишка*, то безъ сомнѣнія они должны бытъ помѣщены съ своимъ кореннымъ. Равнымъ образомъ существительныя, происходящія отъ прилагательныхъ, (означающія свойство), нарѣчія происходящія отъ прилагательныхъ, причастія и вообще всѣ шѣ слова, для объясненія которыхъ довольно указашъ на ихъ происхожденіе, могутъ находиться при своихъ ближайшихъ корняхъ. Алфавитный порядокъ чрезъ это не нарушился, ибо главные слова все будутъ расположены по оному; нужно только будетъ сперва стовориться, какимъ образомъ отъ шаковыхъ производныхъ возвращаться къ ближайшимъ корнямъ ихъ.

Во-вторыхъ, Г. Гречъ думаетъ, что имена собственныя лучше помѣстить въ особомъ Словарѣ; это думаю и я (спран. 5). На замѣчаніе же его о словахъ искусственныхыхъ скажу, что я разумѣлъ подъ симъ названіемъ шѣ техническіе термины, копо-

рые число въ липерашурномъ сочиненіи, шакъ какъ и не въ ученомъ разговорѣ, вброшно никогда не встрѣшятся; какая напр. нужда въ *ручною*, слѣд. возможно-крашкомъ Словарѣ, объясняшъ слѣдующіе математическіе термины: *конхоида*, *циссоида*, *логориелика*, *квадратисса*, *циклоида*? Мнѣ кажется, это принадлежишь во-первыхъ Математическому Словарю, и во-вторыхъ Словарю языка подробному (*). Г. Гречъ совѣтуетъ еще помѣщать ремесленныя слова; но они принадлежашъ къ проснонароднымъ, а что сіи должны бытъ помѣщаемы, я говорилъ о томъ на спран. 7. Впрочемъ мнѣ слѣдовало бы сказашъ о семъ предметѣ болѣе.

Втретьихъ, Рецензенту моему не правился Словарь, наполненный изящными мыслями (думаю, что я понялъ его). Бышь шакъ, и я не противнаго мнѣнія (спран. 10); но какъ не пожелаешъ, чшобы фразеологія Словарей нашихъ была исправнѣе, полнѣе, и съ болѣшимъ вкусомъ отношительно выбо-

---

(*). Къ тому жъ надо бы то сказашъ, что ежели, на *первый слугай*, помѣщать всѣ возможныя искусственныя слова, то недоспанешъ жизни человѣческой для сей работы. Буастъ, имѣя уже многихъ предшественниковъ, 25 лѣтъ составлялъ Словарь свой.

ра, а эшаго достигнушь можно выписками изъ лучшихъ Писателей и даже переводами.

Въ четвертыхъ, замѣчаніе его относитъ ся до антонимовъ. Будто антонимы не нужны? И почему они особенно не нужны въ Словарь производномъ? Одно средство приобрьташь идеи точныя — сравненіе; но сравнивая вещи, что мы усмащриваемъ? Что онъ сходны или несходны, тождественны или противоположны. Такъ и въ языкѣ: синонимы суть подобнозначія слова; антонимы — слова противоположныя. И что можешь лучше ограничить пространство значенія слова и высавить оное въ большемъ свѣтѣ, какъ не такія противоположности? Живописцу пѣни необходимы.

Кончивъ общія замѣчанія, Г. Гречъ приступаетъ къ частностямъ: „опредѣленія кажутся намъ не всегда досмашочными“ — говоришь онъ, и я согласенъ, что опредѣленія словъ *сердце*, *архитекторъ*, *стратегія* можно исправить и дополнить; соглашаюсь также, что выраженіе *благорастворенный ептеръ* неправильно, хотя оно иногда и употребляется; но слово *любезный* дѣйствительно значить *достойный любви*: эшо злоупотребленіе слова, когда мы называемъ любезнымъ человека, незаслуживающаго любви. Давъ Г. Гречъ предлагаетъ со-

вѣшь пользовашся ясными, рѣшенными, доказанными словопроизводствами, и въ примѣръ догадочнаго и сомнительнаго, приводишь мое произвожденіе слова *сердце* отъ *среда* (средина). Конечно, эшо догадка; но едва ли она сомнительнѣе произвожденія сего слова отъ Гречскаго *кажда*, Латинскаго *сег* или Нѣмецкаго *Segz*. На чемъ основано сіе произвожденіе? На сходствѣ одной или двухъ буквъ! Но и самъ Г. Гречъ не рѣшилъ еще, отъ котораго изъ сихъ трехъ словъ оно происходитъ; онъ говоришь только, что *сердце* имѣетъ одинъ корень съ вышеприведенными словами. И такъ, гдѣ же искать сей корень? Не въ Санскритскомъ ли языкѣ! А моя догадка основывается на слѣдующемъ: замѣчаю я, что слово *сердце* имѣетъ одинакую форму съ словами *бердце*, *крыльце*, *кольце* (берцо, крыльцо, кольцо отъ бедра, крыла, кола); вижу, что окончаніе онаго есть явно Русское, откидываю нарощеніе *це*, и получаю коренное *сердъ*, употребляемое еще и нынѣ въ сложныхъ *милосердъ*, *сердоболіе*. Извѣстно, что древній языкъ нашъ любилъ иногда перестановку гласной чрезъ одну согласную (напр. *бревно* прежде писали *бервно*); перемѣщая въ слѣдствіе сего букву *е* въ словѣ *сердъ*, и получаю наконецъ *средъ*, *средь*, *среда* (ко-

нечная буква могла измѣниться). Повторяю, это догадка, но едва ли не болѣе основательная указаній Г. Греча; впрочемъ, я усуплю охотно, какъ скоро мнѣ покажутъ дословѣрнѣйшее мнѣніе. Но можно ли согласиться на происхожденіе слова *счастіе* отъ *часъ*? Если такъ, то по правиламъ этимологии, слѣдовало бы говорить *счасіе*; откуда же взялась буква *т*? А что глаголь *рисовать*, происходитъ отъ Немецкаго *reiben*, повѣрить можно; равно какъ должно согласиться, что не худо бы было представить образцы словъ Ташарскаго происхожденія.

„Покажемъ нѣкошорыя отдѣльныя несправности, продолжаешь Г. Грець. Въ словѣ *душа* пропущено значеніе крестьянина мужскаго пола, а просто приведенъ примѣръ *тысяча душъ*“ — замѣчаніе справедливое. „Также не упомянуто, что *душкою* называется внутренняя подкладка въ скрипкѣ“ — На сіе Г. Авторъ Пишемъ на Кавказъ, уже сдѣлалъ основательное возраженіе, что названіе подставки въ скрипкѣ *дужка* происходитъ отъ слова *дуга* (*). Слово

горница, дѣйствительно чаще употребляется въ Малороссіи. Замѣчаніе о словѣ *листь* справедливо частію: *листами* называющіяся и листья дерева, или вообще расшнїя, хотя съ нѣкошорымъ различіемъ въ употребленіи:

А только въшровъ свистѣть, *листы* деревъ шептали.

Держ.

Листы по дереву, шумя, зашептали. Крыл.

Но я не могу съ нимъ согласиться въ томъ, чтобы опредѣленія словъ *сердце*, *душа* и имъ подобныхъ, были излишни для Словаря ручнаго; не распространяясь много, укажу только на ручные словари другихъ языковъ. Опасеніе же его на счетъ огромности Словаря, содержащаго опредѣленія всѣхъ помѣщенныхъ въ немъ словъ, должно весьма уменьшиться, когда ему угодно будетъ сличить число строкъ въ моихъ пробныхъ листахъ и въ Словарѣ Академіи, при однихъ и тѣхъ же словахъ. Возьмемъ для примѣра первыя шесть словъ: у меня слово *душа* объясняется на 33 строкахъ — въ Сл. Ак. на 99; *сердце* у меня занимаетъ 17 строкъ — въ Сл. Ак. 90; *воля* у меня 8 — въ Сл. Ак. 16; *земля* у меня 27 — въ Сл. Ак. 42; *вода* у меня 30 — въ Сл. Ак. 23; *жаворонокъ* у меня 13 — въ Сл. Ак. 85; а число буквъ на одной строкѣ Сл. Ак. едва ли одною осьюю меньше числа буквъ въ строкѣ моихъ пробныхъ листовъ. При томъ же слѣдуетъ замѣтить, что мои опредѣленія и фразеологія полнѣе и подробнѣе; и что, для большей ясности перваго опыта, я мало обращалъ вниманія на краткость.

(*) Сынъ Отечества 1827 г. No 9, стр. 74. Г. Сочинившій сей спашы согласенъ со мною въ расположеніи ручнаго Словаря по азбучному порядку.

„Въ отношеніи Грамматическомъ, скажемъ (говоришь Г. Гречъ), что Авторъ напрасно полагаетъ глаголы въ первомъ лицѣ настоящего времени. По нашему мнѣнію они должны находиться въ Лексиконѣ въ неокончательномъ наклоненіи, ибо во-первыхъ: первое лице въ правильныхъ глаголахъ, происходитъ отъ неокончательнаго наклоненія, а не оброчно; во-вторыхъ: всякій глаголъ имѣетъ неокончательное наклоненіе, но настоящее время и первое онаго лице, находится не во всѣхъ: во многихъ оно не употребительно.“
Общее мнѣніе, что началомъ Русскаго глагола должно почитаться неопредѣленное наклоненіе, подвержено великому сомнѣнію, и даже, рѣшительно скажу, ложно; не распространяясь здѣсь въ доказательствѣхъ мнѣнія прошлаго, которое подтверждается, впрочемъ Грамматиками языка Польскаго, единоплеменнаго съ нашимъ, я буду отвѣчать только на возраженія Г. Греча. Онъ говоришь, что первое лице правильныхъ глаголовъ, происходитъ отъ неопредѣленнаго наклоненія — это несправедливо. Правильные глаголы суть шѣ, кои въ первомъ лицѣ кончатся на *аю, яю, тыю, ую, юю, ну* и на *ю* съ предъидущею согласною (съ немногими исключеніями; также и нѣкоторыя на *у* съ предъидущею согласною же), ибо

они правильно производятъ всѣ свои формы отъ одной какой-либо (см. мою спашью: новая Теорія спряженій Русскихъ, въ VI части Сочин. въ прозѣ и стихахъ — Трудовъ Общ. Люб. Росс. Слов.). Сравнимъ же теперь окончанія перваго лица ихъ съ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія: *дѣлаю* — *дѣлать*, *мнѣнію* — *мнѣять*, *имѣю* — *имѣть*, *рисую* — *рисовать*, *линюю* — *линевать*, *вию* — *вицать*, *говорю* — *говорить*; не должно ли согласишься въ большей сложности окончанія неопредѣленнаго наклоненія, и не легче ли переимѣнять одну конечную букву для произведенія прочихъ формъ глагола, нежели двѣ, три, даже четыре? Совѣтую любознательнымъ прочесть со вниманіемъ мою спашью; тамъ, въ приложенной таблицѣ, увидятъ они, какъ легко производятъ имъ формы глагола отъ перваго лица; тамъ же увидятъ они, въ противность общему мнѣнію, что Русское спряженіе (т. е. переимѣна окончаній глагола) несравненно правильнѣе спряженій всѣхъ прочихъ языковъ Европейскихъ, и что число неправильныхъ глаголовъ нашихъ, менѣе числа оныхъ въ другихъ языкахъ. Послѣдующее возраженіе, еще легче опровергнуть. Первое лице не употребляется, едва ли въ 30 глаголахъ; но что значатъ 30 глаголовъ

противъ 30,000 — полнаго числа глаголовъ Русскихъ? Ясно, что сіи глаголы составляютъ небольшое исключеніе, а ошибюдь не общее правило.

Далѣе, Г. Грець выписываетъ изъ моихъ пробныхъ листовъ Грамматическія формы глагола *блещу*, въ доказательство *сбивчивости* моего способа означать ихъ — и, въроядно, имѣя худо опечатанный экземпляръ, выписываетъ неправильно. Окончаніе *бшь* у меня нѣтъ; на стр. 24 надъ буквою *е* находишься знакъ крашкаго слога, (а не двѣ почки), означающей, что удареніе перенесено съ послѣдняго слога на предпослѣдній, и что слѣд. должно выговаривать не *блещебшь* (какъ надлежало бы по произношенію перваго лица), но *блещешь*. Нельзя также подумать, чтобы согласныя, предшествующія сему слогу были *ст*, ибо въ первомъ лицѣ, ось кошораго происходишь второе, находишься буква *щ*; опсупленіе же ось сего правила, показано у меня слогомъ *стишь*. Окончанія *щишь*, *щаль* конечно нами не употребляютъ, и ихъ не было бы нужды высавлять даже и въ скобкахъ, ежели бь они не употреблялись еще въ провинціяхъ; смѣишь только послушай Малороссіянъ. Вольношолько Пинщическія у меня ошибюдь не въ числѣ правилъ, но замѣчены какъ особенности,

для уразумѣнія Писателей пужныя; что же касается до прекраснаго глагола *чешутъ*, то неужели нельзя осмѣлиться принять его въ словарь только потому, что еще одинъ Державинъ употребилъ его, и что въ прещемъ лицъ? Впрочемъ, я согласенъ, что можно отбросишь провинціализмы, и выставилъ ихъ самъ, болѣе для полноты перваго опыта.

„Въ отношеніи Орѳографіи, говоритъ Г. Грець, надлежало бы держаться какого-нибудь общаго Писателя, напр. Карамзина, а въ предисловіи упомянуть объ общихъ правилахъ и главнѣйшихъ варіантахъ или уклоненіяхъ.“ Точно такъ; но о какомъ предисловіи говоритъ Г. Кришкѣ? О предисловіи къ Словарю, еще не существующему! А для перваго опыта, не должно ли было высавить все различія въ правописаніи? „Держаться одного“ я такъ и поступалъ, заключая уклоненія въ скобки. Орѳографію словъ *душинька*, *листочикъ*, я не согласенъ признашь неправильною. Неужели правильнѣе писать *душенька*, *листочекъ*? Обратимъ вниманіе на произвожденіе перваго слова: коренное *душа*, ось него прищажательное неупотребительное *душинъ*, (есть фамилія Душинъ), и, по подобію сего слова, уменьшительное *душинька*. Такимъ

же образомъ происходятъ *маминька* отъ *мама*, *маминъ*; *Петинька*, отъ *Петръ*, *Петл*, *Петинъ* и проч. Окончаніе *чикъ* есть шахарское, и означаетъ уменьшеніе; и такъ правильнѣе пишешь *листогикъ*. *Черный*, *любезный* въ просторѣчій кончатся на *ой*, для того я и поставилъ сіе окончаніе въ скобкахъ. Въ разсужденіи окончаній *ый*, *ой* надлежитъ замѣнить слѣдующее: въ нашемъ языкѣ есть высокія слова, которыя никогда иначе не употребляются, какъ съ окончаніемъ *ый*, таковы напр. *именитый*, *блаженный*; есть слова, употребляемыя часто въ противорѣчій, которыя всегда бы должно оканчивать на *ой*, таковы *всякой*, *земляной*; наконецъ есть слова, употребляемыя равно и въ высокомъ и въ простомъ слоgѣ, а посему долженствующія имѣть двѣ орѳографіи; таковы *черный* и *чорной*, *любезный* и *любезной*. Въ подкрѣпленіе сего моего мнѣнія, приведу слѣдующій примѣръ: отъ высокаго слова *шелкъ* (произнося букву *е* за *е*) происходитъ прилагательное *шелковый*, употребляемое стихотворцами; отъ простаго слова *шолкъ*, происходитъ прилагательное *шолковой*, употребленное въ просторѣчій; не явное ли это доказательство, что надлежитъ дѣлать различіе въ правописаніи словъ языка высока-

го и простаго? А такихъ словъ много. Прибавлю еще: нѣкоторыя совѣшуютъ послѣ буквы *и* пишешь всегда букву *е*, вмѣсто *о*, которая слышна въ произношеніи; какъ же узнаешь иностраницу, когда выговариваешь букву *е* за *е*, и когда за *о*, наприм. въ шомъ же словѣ *шелкъ*? И правильно ли онъ произнесешь слово *горшокъ*, когда мы, въ свѣдѣніе поманушаго правила, напишемъ оное чрезъ *е* — *горшекъ*? Раздѣленіе правописанія словъ высокіхъ и простыхъ необходимо; симъ весьма облегчашся правила Просодіи нашей (словопроизношенія) для иностраницевъ, а съ шѣмъ вмѣстѣ и правила нашей Орѳографіи для нихъ и для насъ самихъ. Послѣднее замѣчаніе Г. Греча относится къ обоюдному употребленію слова *тяжелѣйшій*. Окончанія *ыйшій*, *айшій*, *дѣйшій* имѣютъ обоюдное употребленіе — въ сравнительной степеніи и въ превосходной (относительной). Примѣры того и другаго:

Сравн. ст. Гряди, *краснѣйшая денница!* Ломон.

Блѣднѣею снѣговъ порфиною одѣта.

Хераск.

Прев. ст. *Легчайшій* въперокъ, едва спрующій воду,
Ужасенъ для себя, какъ буря въ непогоду.

Дмитр.

Милостивѣйшій Государь!

Въ заключеніе ошвѣща моего Г. Гречу, повшоряю искрениѣйшую мою благодарности за его замѣчанія копорыя я умью цѣнить. Теперь приступлю къ ошвѣщу на Кришику Г-на неизвѣстнаго, подписавшагося въ Московскомъ Телеграфѣ буквами Кс.

Г. Рецензентъ, выписывая слова мои, что мы пользуемся большимъ Словаремъ Академіи, но не имѣемъ еще ручнаго Слoваря языка Рускаго, и что всякому любителью Словесности, было бы пріятно появленіе такой книги, и учащемуся юношескву даже необходимо, говоришь: „Эшо мнѣніе подлежишь сильной Кришикѣ. Словарь Академическій ушарѣлъ во многихъ отношеніяхъ; пошому что послѣ перваго изданія онаго, языкъ Россійскій далеко подвинулся впередъ. Да и какъ первый опытъ, онъ не могъ бытъ возможно - совершеннымъ сочиненіемъ.“ Но кто же называетъ его совершеннымъ? Сказавши, что мы давно пользуемся онымъ, я сказалъ правду; пошому, что за неизмѣнимъ лучшимъ, мы принуждены въ него заглядывашь. „2, продолжаешь Рецензентъ, любителямъ Словесности должно бытъ не только пріятно, но необходимо (но и необходимо?) изданіе крашкаго и вмѣстѣ полнаго Слoваря языка Рускаго, ибо шеперь

у насъ почти нѣгдѣ справишься въ сомнительныхъ случаяхъ...“ Не знаю, почему Г. Рецензентъ называетъ *сильного критикo*ю такія свои замѣчанія; мнѣ кажется, ош недоспапка ручнаго Слoваря все-таки шерпяшь болѣе учащіяся, нежели просто любители Словесности. Далѣе: „последнихъ словъ Автора: *юношескву необходима небольшая уютная книжка, гдѣ бы въ многихъ строкахъ заключалось все нужное* — мы не понимаемъ. Если Авторъ говоришь о Слoварѣ, то юношескву нуженъ Словарь подробный, ибо опышному Писателю не такъ часто и не такія обширныя справки нужны, какъ юношѣ.“ Что я говорю о Слoварѣ, то легко поняшь изъ предшешствующихъ словъ; но чтобы учащимся бытъ нужнѣ Словарь подробный, на эшо я не согласенъ. Ошявляя уже неудобство упошребленія большой книги, спрошу у Г. Рецензента, на что ученику подробности, нужны для ученаго, когда онъ находишь въ ручномъ Слoварѣ все для себя необходимое? Ручной Словарь назначается именно для учащихся, и для шѣхъ Любителей Словесности, которые не посвящаютъ себя глубокому изслѣдованію языка. Выраженіе *на нашемъ отечественномъ языкѣ дѣй-*

спивительно лишнее; а слова *все* нужное, справедливо, следовало бы пояснить.

„Определение Грамматики и Словаря, представляемое Авторомъ, говоритъ Рецензентъ, кажется намъ также недосмачнымъ. Вошь слова его, (по е. мой): *Предметъ Грамматики есть аналитическое изслѣдование языка, изъясненіе механизма его и систематическое изложеніе правилъ составленія рѣчи*. Напрощивъ, предметъ Грамматики есть синтетическое изслѣдование языка, (ибо во всѣхъ Грамматикахъ идущъ ошь общаго къ частному) и систематическое изложеніе законовъ построенія періодовъ.“ Грамматика каждаго языка должна бышь основана на общей философской; а въ сей упопреляется и синтезисъ и анализъ. Законы нашей мыслишельной способности шаковы, что намъ легче идти синтетическимъ путемъ, но эшо шогда шолько, когда общія основанія Машаматически шочны; въ противномъ случаѣ, какимъ шособомъ можемъ мы скорѣе приблизиться къ истинѣ? Скажу еще шакъ: надобно сперва взойти на дѣшницу, шчтобы умѣшь низойти съ оной. „Систематическое изложеніе построенія періодовъ“ говоритъ Рецензентъ; но эшо шо же, что и *систематическое изложеніе правилъ составленія рѣчи* —

шолько другими словами. Далѣе Г. Рецензентъ продолжаетъ выписывать: *Предметъ Словаря, есть храненіе и изъясненіе словъ, яко матеріаловъ языка, и собраніе неподлежащихъ постояннымъ правиламъ примѣчаній, относительно каждаго слова*. И попомъ говоритъ: „По опредѣленіямъ Автора нельзя ошличить Грамматики ошь Словаря, ибо и Грамматика шакже заключаешъ въ себѣ изъясненіе словъ, какъ Словарь аналитическое изслѣдование языка.“ Прощу Рецензента внимательнѣе сличить мои опредѣленія: развѣ *изслѣдование языка и изъясненіе словъ* одно и шо же? Развѣ *систематическое изложеніе правилъ и собраніе примѣчаній* *неподлежащихъ правиламъ*, все равно?

„Далѣе встрѣчаемъ, продолжаетъ Рецензентъ, очень смѣлое и не совѣшь справедливое мнѣніе, что *наша Грамматика еще младенцествуетъ*. Можно ли сказашъ эшо послѣ прозы Карамзина, Жуковского и шькоторыхъ другихъ Писателей, послѣ всѣхъ старыхъ и новыхъ изслѣдованій, *свершешныхъ* нашими и иностранными Филологами?“ *Не младенцествуетъ языкъ*, послѣ прозы Карамзина и Жуковского; но младенцествуетъ Грамматика, ш. е. наука языка. Покажите мнѣ писанную или печатную *воз-*

ужасную Грамматику языка Русскаго, и я признаю себя неправымъ. Сказанное за тѣмъ Рецензентомъ уничтожается, какъ слѣдствіе неправильнаго положенія.

Далье Г. Рецензентъ говоритъ, что „для Словаря Русскаго языка единственныи порядокъ, есть этимологическій.“ Почему для *ручнаго* Русскаго Словаря нуженъ порядокъ азбучный, я говорилъ о томъ до-спашочно въ отвѣтъ Г. Гречу.

Пошомъ Рецензентъ выписываетъ изъ моей книжки правило 11-е. *Полнѣе слова древіяго языка нашего, слова едино-племенныхъ намъ народовъ и слова об-ластныхъ, ежели только, при богатствъ своего значенія, они близки къ нынѣшнему общеупотребительному нарѣчію.* И продолжаетъ: „Съ этимъ мы никакъ не согласны, пошому что Авторъ въ 1-мъ правилѣ именно говоритъ: *собрать все Русскія слова общеупотребительныя въ нынѣшнемъ чистомъ разговорномъ и книжномъ языкѣ нашемъ.* Если же помѣщать шшь древія, областныхъ и другихъ Славянскихъ народовъ слова; шо многія слова будутъ три раза повшоряемы не шолько безъ пользы, но да-же ко вреду нашего языка, и Словарь бу-детъ ни одного, а шрехъ языковъ? „А за-чѣмъ ему бытъ Словаремъ шрехъ языковъ?

зачѣмъ повшорять три раза одни и шѣ же слова? Пусть Рецензентъ обратишь внима-ніе на условіе помѣщенія: *ежели слова сіи близки къ нынѣшнему общеупотребитель-ному нарѣчію.* Много ли же найдется та-кихъ словъ? „Ненужная роскошь“ говоритъ онъ; нѣтъ, полезная, какъ скоро будутъ из-бираемы слова *богатыя значеніемъ*; ниже онъ и самъ совѣдуетъ допустить област-ныя: *тундра, чаркі, хворость, бурны, хивунъ* и пр. „И знаешь ли Авторъ, про-должаешь Рецензентъ, что ввело его въ это ошибочное положеніе? То, что онъ хочеть соснавить Словарь не производный, а по азбучному порядку. Неудобства азбучнаго Словаря Русскаго очевидны, ибо въ нашемъ языкѣ большая часть словъ наши производныя, а если при каждомъ производномъ сло-вѣ ставишь, отъ какого оно происходишь; шо весь Словарь будетъ испещренъ ссылка-ми, и это сдѣлаешь его, можешь бытъ, огромнѣе, нежели нѣсколько листовъ азбуч-ныхъ реэспровъ въ концѣ производнаго Сло-варя.“ А для чего при каждомъ производ-номъ ставишь его корень? въ V правилѣ на спран. 7 я говорю именно сими словами: *Происхождение и сложность словъ Русскихъ, далеко уклонившихся отъ своего начала, означитъ* и пр. И шакъ, указываешь на кор-

ни, должно тогда только, когда правила Грамматики недоспащны для опысканія корня; а такихъ случаевъ не много.

Рецензентъ продолжаетъ: „Авторъ упустилъ изъ виду важную опрасть языка: слова ремесленные и употребляемыя промышленнымъ классомъ народа.“ На сіе я уже отвѣчалъ Г. Гречу. „Мы увѣрены, говоришь Рецензентъ, что десяный изъ насъ не съумѣетъ поддержать разговора съ ремесленникомъ“ и пр. На спран. 7 я говорю: *Простонародныя слова должны войти въ предполагаемое изданіе: часто они не имѣютъ равнозначущихъ; да и кому не случается обращаться съ простыми людьми, съ которыми должно говорить ихъ языкомъ.*

Далѣе онъ выпиываетъ IV мое правило: *Грамматическое значеніе каждаго слова показать со всѣми необходимыми этимологическими переѣнами, неправильностями и особенностями, съ приложеніемъ замѣчаній для Синтаксиса, Просодіи и Орфографіи.* „Это такъ шемно сказано, говоришь потомъ Рецензентъ, что мы истинно не знаемъ, чего хочешь Авторъ. Каждое слово изъяснишь Грамматически? Для кого же это? Для знающихъ Грамматику довольно замѣчать неправильности

въ измѣненіи словъ, ибо это бываетъ нужно, особенно въ словахъ малоупотребительныхъ. Еще шемнѣе у Автора изъясненіе этого положенія, особенно, когда онъ ссылается — на Г. Болдырева!“ Если это шемно для Г. Рецензента, то я постараюсь ему изъяснить. Возьмемъ для примѣра два слова, находящіяся въ пробныхъ листахъ моихъ: *блещу* и *листь*. Нужно ли сказать, что *блещу* есть глаголь средній и пр., а *листь* существительное? — Вошь Грамматическое значеніе словъ. Нужно ли высавишь окончаніе вшораго лица *стишь*, помянушаго глагола, и родишельный надежь существительнаго *листь*, въ кошоромъ перенесено удареніе на а? — вошь этимологическая переѣна, кошорую необходимо должно знать, и замѣчаніе для просодіи (словопроизношенія). Нужно ли замѣнишь, что глаголь *блещу*, вшорое лице оканчиваешь также и на *щешь*, а существительное *листь* имѣешь во множественномъ числѣ *листы* и *листья*? — Вошь неправильность (въ глаголь) и особенность (въ существительномъ). Для синтаксиса замѣчено, что глаголь *блещу* можешь шребовать и падежа; для орфографіи показано различіе въ способѣ пишашь слово *счастіе*. И такъ, оди ли неправильности замѣчать должно? Совѣтую Г. Рецензенту,

прочитайшь спашью мою: Опытъ правиль для составленія Русскаго *производнаго* Словаря, въ трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности напечатанную. Также прошу его взглянуть на 9 стран. моей книжки; шамъ найдешь онъ, что я самъ говорю о возможномъ сокращеніи сего IV Правила. Что же касается до замчанія его при ссылкѣ моей на Г. Болдырева (всякой знаетъ, чѣмъ мы обязаны сему ученому Филологу, въ отношеніи къ системѣ глаголовъ нашихъ), то рекомендую ему въ отвѣтъ другую спашью мою въ трудахъ того же Общества: новая Теорія спряженій Русскихъ.

„И Г. Калайдовичъ, говоришь далѣе Г. Рецензентъ, въ слѣдъ за другими, видишь сходство между *oculus*, око, и подобными имъ!“ Да это и всякой видишь; а что *нѣтъ необходимости* выславляшь въ Ручномъ Словарѣ такіа подобозвучныя слова, я самъ замшилъ это на стран. 10.

„Едва ли было бы хорошо, продолжаешь Рецензентъ, выбирашь опредѣленія важнѣйшихъ предметовъ изъ лучшихъ Писателей, какъ сдѣлалъ Буасиъ; пошому что и при богатствѣ Французской Литературы, у Буасиа въ примѣрахъ по большой части несносное пустословіе, а у насъ не изъ чего выбрать и краснаго выраженія для мно-

гихъ словъ.“ Не изъ чего выбрать для *многихъ* словъ, но можно выбрать для *нѣкоторыхъ*, а это лучше, нежели сочиняшь собственныя, и опшюдь не значишь подражашъ пустословію.

„Синонимы, антонимы и примѣры могутъ чрезвычайно увеличипь Словарь“ говоришь онъ. Десятью лиснами на сто. На стран. 10 я сказала: *Изящныя мысли знаменитыхъ Писателей и примѣры различнаго употребленія словъ прилагать тогда только, когда потребуетъ* необходимость. Впрочемъ, я бы согласенъ былъ опдѣляшь синонимы и антонимы опъ ручнаго Словари, если бы мы имѣли уже опдѣльные Словари оныхъ.

„Мы также несогласны съ Авшоромъ, продолжаешь Рецензентъ, что изъ Словари надобно исключипь *слова искусственныя*, и. е. принадлежащія особенно къ наукамъ и искусствамъ. По этому правилу надобно будеть исключипь слова: *человѣкъ, орель, слонъ, рѣзецъ, свѣтотѣнь* и многія другія; ибо всѣ они относятся къ Естественной Исторіи и Изящнымъ Искусствамъ. Буасиъ, на котораго оная ссылается Авшоръ, несправедливо опдѣлялъ опъ наспоющаго Словари номенклатуру Естественной Исторіи и Медицины; надобно исключипь только *собствен-*

ныя имена, и пошому имена Историческія, Мнѳологическія, названія городовъ, рѣкъ и пр., естественнѳо не войдутъ въ Словарь, а слова, употребляемыя въ Наукахъ и Искусствахъ, какъ нарицательныя, никакъ не могутъ бытъ исключены.“ Рецензентъ мой самъ себя прошиворѣчишь: онъ говоритъ, что слова искусственныя суть тѣ, кои принадлежатъ особенно *Наукамъ и Искусствамъ*, и пошомъ приводитъ для примѣра оныхъ слова: *человѣкъ, орелъ* и пр. Развѣ слова сіи употребляются только въ Естественной Исторіи? На стран. 6 у меня сказано: *слова искусственныя, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ собственно Литературныхъ, должны имѣть мѣсто въ предполагаемомъ изданіи*. Какія же изъ нихъ почитаю я лишними для Словаря *ручнаго*, о шомъ говорилъ я выше, въ ошвѣщъ Г. Гречу.

„Напрасно Авторъ полагаетъ, что Словарь долженъ бытъ составляемъ однимъ лицомъ, пишешь Рецензентъ: въ именахъ наукъ и ремеслъ, ему необходимы соудники.“ Мысль моя кажется проситъ: всякое предпріятіе производится успѣшно тогда только, когда управляется одною головою; помощники же безъ сомнѣнія необходимы, и что иное значить мое выраженіе: *подъ надзоромъ одного лица* (стран. 10)?

„Касательно пробныхъ листовъ Словаря, приложенныхъ въ концѣ, говоритъ Рецензентъ, замѣшивъ, что они, какъ следствіе правилъ, съ которыми мы во многомъ несогласны, и какъ первый опытъ, не могутъ подлежать нашей Критикѣ.“ Жалью, что Г. Рецензентъ не разсудилъ сказать нѣсколько словъ и о пробныхъ листахъ моихъ; мнѣ пріятно бѣ было воспользоваться его дѣльными замѣчаніями, и, я не польился бы возразить на оныя, если бѣ они показались мнѣ недѣльными. „Во всякомъ случаѣ, заключаешь Г. Незвѣстный, просимъ Автора принять замѣчанія наши, съ шѣмъ же радушіемъ, съ какимъ мы старались изложить оныя.“ Благонамѣренная Критика для меня всегда пріятна, пошому что, во первыхъ, всякому сочинителю пріятно, когда обращаютъ вниманіе на его сочиненіе; и во вторыхъ, я вѣрю пословицу: умъ — хорошо, а два — лучше. Доказательствомъ же, что я съ радушіемъ принялъ замѣчанія Г. Незвѣстнаго, есть ошвѣщъ мой. На бранчивую критику я не ошвѣчалъ бы.

Наконецъ, долженъ ли я упомянуть не о Критикѣ, но о похвалѣ моихъ *правиль ручнаго Словаря*, напечатанной въ Маршвской книжкѣ *Revue Encyclopédique* нынѣшня-

го года? Похвала конечно мною не заслуженная, но я все обязанъ благодарить неизвѣстнаго мѣя Г. Корреспондента сего изданія.

Иванъ Калайдовичъ.

С. П. б.

IV.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Прогулка Ватертона по некоторымъ областямъ Южной Америки и Соединенныхъ Штатовъ.

(Продолженіе.)

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я держалъ Тихохода въ своей компаніи, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ. Часно я выносивъ его изъ дому и клалъ на землю, для наблюденія за его движеніями. Когда поверхность была бугристая, онъ ходилъ довольно твердо, всегда въ направленіи къ ближайшему дереву; но когда клалъ его на гладкой и боевой дорогѣ, то показывалъ онъ величайшее смѣшеніе. Любимымъ его мѣстомъ была спинка стула, и какъ только бывало расположиться на ней свои лапы, то и нач-

нешъ слабымъ крикомъ привлекалъ мое вниманіе. Онъ спарался, хотя нѣсколько объяснить симъ способомъ, сколько можешь выражаться Тихоходъ, какой образъ жизни болѣе ему свойственъ.

„Тихоходъ, въ состояніи дикомъ, проводитъ почти всю жизнь свою на деревьяхъ и никогда ихъ не оставляетъ, развѣ по принужденію, или по какому нибудь случаю. Провидѣніе опредѣлило, челоуку ходить по земной поверхности; орлу парить въ воздушномъ пространствѣ; обезьянъ и векшъ обитать между древесными вѣтвями; но сіи послѣдніи могутъ сходить безъ дальнихъ неудобствъ. Не такъ бываетъ съ Тихоходомъ, который не иначе можешь опуститься внизъ, какъ съ великимъ спраданіемъ. Удивленія досшойно, что онъ ходитъ по вѣтвямъ не прямо, какъ обезьяна и векша, а спиною внизъ. Онъ всегда виситъ на деревѣ, какъ двигаясь по оному, такъ во время отдыха и сна. Эшо доказываетъ, что организациа его во всемъ отличается отъ другихъ животноныхъ.

„Сіа организациа, кажущаяся ешоль не совершенною и спранныю, не есть какая либо казнь, но благодѣяніе Неба; Тихоходъ наслаждается бышіемъ въ такой же мѣрѣ, какъ и прочія животноныя, и служить по-

вымъ убъжденіемъ Высочайшей Премудро-
сти Творца вселенной.

„Замѣтимъ, что Тихоходъ не клонитъ
головы внизъ, подобно непопырю. Когда хо-
чешъ спать, онъ прицѣпляется къ суку,
проспертому надъ землею параллельно. Онъ
хвашается за вѣшью сперва одною переднею
лапою, потомъ другою, а послѣ задними, и
кажешся совершенно покоенъ въ такомъ по-
ложеніи. Длинный хвостъ, могъ бы во мно-
гомъ мѣшать ему; если бы онъ подогнулъ
его подъ себя, то препятствовалъ бы дви-
женію лапъ; если бы оставилъ висящимъ,
предалъ бы его на волю вѣтра. И такъ,
онъ имѣетъ причину почищать себя сча-
стливимъ, что хвостъ его длиною не болѣе
полупшора дюйма, и это есть новое благо-
твореніе Провидѣнія.

„Даже въ самой его шерсти, есть нѣ-
что особенное, отличающее его отъ про-
чихъ животныхъ, и что, полагая, не было
еще замѣчено ни однимъ изъ естествоис-
пытателей. Она груба и чрезвычайно гу-
ста, между шѣвъ, какъ корень ея шонѣ са-
мой паушины. Мѣхъ его имѣетъ цвѣтъ дре-
веснаго моху, отъ котораго трудно рас-
познашь его въ спокойномъ положеніи.

„Спина самца покрыта полососою пре-
красной черной шерсти, которая оканчи-

ваешся нѣсколько ниже лопашки; по спо-
ронамъ оной, висятъ желныя космы, также
весьма шонкія и имѣющія видъ, какъ бы
слегка опаленной шерсти. Если разсмотрѣ-
мъ переднія его лапы, то увидимъ, сколь-
ко онъ швердосію мускуловъ своихъ мо-
гушъ поддерживашъ шяжешъ его шѣла, ко-
гда онъ взлѣзаетъ на дерево, или на немъ
опдыхаешъ; и вмѣсто того, чтобы повно-
ришь порицаніе ихъ уродливости, какъ шо
сдѣлалъ одинъ знаменитый естествоис-
пытатель, мы должны, напротивъ, удивляться,
съ какою попечительностію природа при-
способила ихъ для такого необыкновеннаго
употребленія.

„Хоша Тихоходъ живешъ въ первобыт-
ныхъ лѣсахъ, лежащихъ подъ пропиками,
гдѣ безчисленныя деревья шѣсно сплешающъ
вѣтви свои, при всемъ томъ шрудно объ-
яснишь, почему онъ пишашся шолько на
одномъ какомъ-либо изъ нихъ, и для чего
объѣдаетъ на немъ дочисша всѣ листья;
ибо наиболѣе бывающъ обнажены шѣ деревья,
кои онъ избралъ своимъ жилищемъ. Я пола-
гаю, что по мѣрѣ того, какъ онъ доѣдаешъ
послѣдніе листья, первые, опущошенныя
имъ сучья, покрывающъ новою зеленью:
вошъ какова сила растительности въ сихъ
знойныхъ спранахъ!

„Индійцы утверждаютъ, что Тихоходъ пускается въ путь шокмо во время вѣпра. Въ погоду шихую, остаётся онъ покойнымъ, вѣроятно отъ робости, чтобы несломались концы вѣшокъ, когда перелазить съ одной на другую. Но лишь только подуетъ вѣперъ, сучья ближайшихъ деревь сплещаются между собою, и Тихоходъ переходить по нимъ и продолжаетъ путешесствіе свое безопасно. Рѣдко бываетъ совершенная тишина въ сихъ лѣсахъ. Вѣшеръ подымается, обыкновенно, около десяти часовъ утра; а пошому Тихоходъ можетъ опираться въ путь шончасъ послѣ завтрака и зайши далеко до обѣда. Вообще онъ идетъ проворно, и если бы случилось видѣть вамъ, какъ шо мнѣ удалось, когда онъ перелазитъ съ одного дерева на другое, шо конечно не рѣшились бы приписывать ему несправедливое названіе лѣнивца.

„Однажды, когда мы переправлялись чрезъ Эсеквебо, я увидѣлъ Тихохода на берегу. Никто не могъ объяснить мнѣ, какъ онъ здѣсь очутился; Индійцы увѣрили, что никогда не видали шамъ ни одного Тихохода. Онъ пришелъ не для того, чтобы пить, ибо выше и ниже того мѣста, вѣшви деревь касались до самой воды и открывали ему возможность утолить жажду легчай-

шимъ образомъ. Какъ бы шо ни было, деревь находились отъ него почти въ двадцати шагахъ, и онъ не имѣлъ времени до нихъ добраться прежде нашего прибытія. Лишь только подошли мы, онъ легъ на спину и пригосновился смѣло защищаться передними своими лапами. „Не пугайся, бѣдненькой!“ сказалъ я, „я не хочу пользоваться твоимъ несчастіемъ. Лѣсъ довольно пространенъ для насъ обоихъ. Я пойду подъ деревьями, тогда, какъ ты будешь пробираться по ихъ вершинамъ. Вѣроятно, тебѣ не удастся болѣе имѣть новое свиданіе съ человекомъ. И шакъ, проси.“ Сказавъ это, взявъ я длинную палку и поднесъ къ нему; едва онъ за нее уцѣпился, я отнесъ его и посадилъ на прекрасное дерево *мору*. Онъ ползъ съ удивительною скоростію и въ минушу достигъ почти самой верхушки; потомъ, обращаясь въ сторону, схватился за вѣшви ближайшаго дерева и пустился въ средину лѣса. Я слѣдовалъ за нимъ глазами, доколь позволяло зрѣніе, удивляясь быстрому и необыкновенному его бѣгу. Ни въ одномъ живомъ не случалось мнѣ замѣнить такой проворной походки.“

По истинѣ, ничего нѣтъ занимательнѣе сего защитительнаго слова Тихоходу. Сперва онъ поставленъ предъ нами въ положе-

ній, возбуждающемъ наше участіе; Г. Ва-
першонъ представляешь его на землѣ, об-
щемъ поприщѣ страданій его и челоуѣка, и
его взглядъ выражаешь чувство мученія:
*пожалуйте обо мнѣ, я достоинъ вашего
состраданія!* Для него споль же непріятна
гладкая дорога, какъ для насъ двуногихъ из-
рыпая. Находясь на ровной землѣ, онъ упо-
доблялся Ирландіу въ Лондонѣ; онъ не мо-
жешь ходишь, ибо не вспрѣчаешь никакихъ
трудностей къ преодолѣнію. Природа не
такъ сотворила Тихохода, чѣобы онъ по-
нималъ пріятности усовершенствованія;
она назначила ему жишь въ непроходимыхъ
лѣсахъ и научила его ходишь съ одной вѣш-
ви на другую живошомъ вверхъ. Такимъ об-
разомъ, онъ доказалъ, чѣо мы приписы-
ваемъ Тихоходу наименованіе совершенно
ошибочное, ибо, привыкнуши судишь о мно-
гомъ поверхносно, разманиривали его вишь
свойственнаго ему круга. Для уснраненія
сего-шо неправильнаго понятія, Г. Ва-
першонъ изображаетъ Тихохода въ мѣстахъ
его пребыванія, шо есть, въ лѣсахъ, и го-
воришь о быспрошѣ, съ какою пробѣгаешь
онъ по деревьямъ, при качаніи ихъ вѣшромъ;
кешами, можно здѣсь упошребишь одну по-
говорку нашихъ мапсросовъ: чѣо онъ споль-
ко же дѣянелень, хошя гораздо невиниѣ,

чѣмъ бѣсь въ вихрѣ. Чипная сіе описаніе,
невольно увлекаешь чувствомъ уваженія
къ споль предприимчивому пушешествени-
ку. Слава Г. Вапершону, умѣвшему защи-
шишь одно изъ произведеній Творца, поно-
симое челоуѣкомъ!

Съ шакимъ же успѣхомъ онъ защищаешь
и *дятла*: вошь сильное и краснорѣчивое
возваніе его къ нашей справедливости и
разсудку въ пользу сей пшички!

„Говоряшь, чѣо ежели собакъ дадушъ
дурное прозвище, хошя бы даже шого и не
заслуживала, шо оно осшаешь при ней на-
всегда. По оному она слывешь повсюду злою,
ее часто бьють и никшо за нее не вшпу-
наешь. Такова учашь и несчастнаго *дятла*
(*charpentier*) (*). Владѣльцы лѣсовъ въ
Европѣ винашь его, чѣо поршишь ихъ де-
ревья, продавливая щели, коими вода про-
бираешь внушрь и производишь гніеніе.
Американскіе садовники жалуешь на шожѣ.

(*) *Плотникъ*. Такъ прозвали сію пшичку на запа-
дѣ. Г. Вапершонъ, примѣняя слово *Charpentier* къ
дурному прозвищу собаки, напоминаешь шѣмъ сію
пословицу: *По шерсти собакъ чимя дано*. Въ Ливнѣ
называютъ дятла *лѣсовникомъ*. Слово сіе часшо упо-
шребляешь вмѣсто брани. Во многихъ мѣстахъ по-
ложена даже извѣстная плаша за ишребленіе дят-
ловъ. *Прим. Руск. Перев.*

Если бы дятель, подобно пшцамъ Овидія, обладалъ даромъ слова, тогда безъ сомнѣнія легко могъ бы онъ оправдаться. „Могущественный обладаешь льсовъ, сказала бы онъ челоуку, зачѣмъ поносишь меня споль несправедливо? Для чего убиваешь меня за одно мнимое оскорбленіе? Я никогда не ѣмъ ни одного листка, а шѣмъ менѣ швои дерева. Безжалостная рука швоя поражаетъ меня въ самое шо время, когда дѣлаю шебѣ добро. Слабое швое зрѣніе не позволяешь шебѣ видѣть, или швое высокоуміе препяшшувешь замѣшишь услугу, оказываемую шебѣ шакою маленькою пшичкою, какъ я. Если шы не совсѣмъ лишень добршты, кошорую шебѣ присвоиваешь; шо прошу шебя, пожертвуй хошя однимъ днемъ на изслѣдованіе моихъ дѣйствій. Никогда не касаюсь я деревьевъ совершенно здоровыхъ; я пропалъ бы, если бы на шо отважился. Твердая кора будешь прошивишься усиліямъ слабого моего носа, и если даже пробью ее, шо не найду подъ нею никакой для себя пици. Правда, я часшо посѣщаю льса швои, но сдѣлавъ одинъ, или два удара носомъ, я шошчасъ вижу, ешть ли шамъ чшо для меня годное; и когда бы шы прислушался внимательнѣе къ производимому мною звуку, шо легко узналъ бы, въ хоршемъ или худомъ

положеніи швои дерева. Кора и дерево не составляютъ моей пици. Я кормлюсь одними насѣкомыми, кои водятся въ деревѣ и ему вредны. По звуку узнаю я о скрывающейся добычѣ, упопробляю дѣлане часы, чшобы достать ее и шѣмъ шберегаю дерево отъ дальнѣйшей порчи. Такъ преслѣдую сокрышаго врага швоего, производящаго опущенія въ шакой шайнѣ, чшо шы не можешь имѣть о томъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Проходи мимо дерева, шы можешь увидѣть прокляванную мною щелочку, для изловленія опасныхъ червей. Я оставляю ее признакомъ, чшо дерево шо слишкомъ вешхо. Безчисленныя насѣкомыя, зародившіяся отъ гнилости, шочашъ и испребляють его въ молчаніи. Послѣши же срубишь его и пощадн добраго, но злополучнаго дятла!“

Можемъ ли мы послѣ сего сказать, чшо на 138 страницѣ, мы видимъ нашего сочиншела изувѣчившагося, во время преслѣдованія красноглаваго дятла, коего хошѣлъ онъ *застрѣлить*! Безъ сомнѣнія, чшпашель легко замѣшишь шакою несообразностью. Но не должно забывать, чшо Г. Вашершонъ ешть пламенный испытатель Природы и умерщвласць живонныхъ, для начинки, не

по вкусу Г. Глассиса (Glasses) (*), но для лучшего доставления ихъ въ Бришанскій Музей. Ежели онъ убиваешь изъ своего ружья какую-либо птицу, то сіе дѣлаешь для приведенія въ большую извѣстность ея породы.

Теперь выслушаемъ оправдательное слово *полуночника* (engoulevent).

„Ошь времена Аристошеля досель, невинный полуночникъ всегда находился въ немилости у челоуѣка. Ошь опща къ сыну, и ошь одного естествоиспытателя къ другому, переходило по преданію, что это ночной хищникъ, питающійся молокомъ ошь стада. Бѣдное созданіе! какъ много оклеветала себя невнимательность, съ каковою разсмаширивающъ предметы Естественной Исторіи, и сколько поспрадало ты ошь ошибочныхъ заключеній! Но я поспышу къ тебѣ на помощь и докажу шоржешвенно, что ты никогда ничего не похипилъ у челоуѣка и не опнялъ у козы ни одной капли молока.

„При свѣтѣ луны можеше ты весьма удобно наблюдашь за дѣйствіями полуночника. Ты увидише его, какъ онъ увиваетсѣ около коровъ, козь, овецъ, прыгая по ихъ

(*) Сочинишель книги о *Поваренномъ искусствѣ*.

подживошью. Приблизьшесѣ къ нему; онъ не пугливъ, ибо не сдѣлалъ никакого зла. Смотрише, какъ ночныя бабочки осаждающъ стадо, и съ какою ловкостію онъ поглощаешъ ихъ, когда онъ усаживающъ на подбрюшья, бедрахъ и сосцахъ бѣдныхъ шѣхъ живопныхъ. Замѣише же шакже, какъ сіи послѣднія бывающъ при шомъ покойны, и какъ онъ чувствуюшъ цѣну его услуги; онъ не давишъ его своими ногами и не опгоняющъ хвостами, какъ безпокойнаго поспышителя. Разсѣкише и разсмотрише его желудокъ; ты въ немъ не найдеше молока; онъ наполненъ насѣкомыми, безноколыми стадо.“

Если бы мы были полуночниками, то созналисѣ бы чистосердечно, что сей способъ убѣждашся въ нашей невинности, посредствомъ разсѣченія шѣла, былъ бы для насъ не по вкусу. Онъ напоминаетъ слишкомъ рѣзко о приговорѣ Баязеша. Извѣстно, что когда одна бѣдная женщина обвиняла какого-то его чиновника въ похищеніи молока, то сей Государь спросилъ обличаемаго; *справедливо ли такое показаніе?* Чиновникъ опровергалъ шорѣшительно и увѣрялъ даже, что не пилъ молока во весь шомъ день. „Хорошо, сказалъ Баязешъ, мы узнаемъ шомчасъ, правъ ли ты, или вино-

вень. Спражи, распорите ему упробу! « Вскрышіе внушренности подтвердило справедливостъ жалобы. Обстоятельство сіе неоспоримо доказываетъ, что Баязеть былъ одаренъ необыкновенною способностію проникать и изслѣдовать зло; но, можешь быть, оно возбуждаетъ болѣе любопытства, нежели довѣрія къ правосудію; ибо, если бы упомянутый чиновникъ оказался невиннымъ, подобно полуполицамъ Г. Вапершова, то сколь ли очевидно была бы доказана симъ опредѣленіемъ вся несправедливостъ его обвиненія, однако, едва ли бы то понравилось ему.

Мы уже говорили, что главною цѣлію путешествія нашего сочинителя по Гвіянь, было собраніе нѣкотораго количества яда, извѣснаго подъ именемъ *вурали* (*wourali*). Большая часть его книги наполнена любопытными подробностями о семь необыкновенномъ ядѣ, приготавливаемомъ въ тамошнихъ пустыняхъ въ чрезвычайно жесткой степени. Съ давняго уже времени оный извѣстенъ Естествоиспытателямъ и описанъ въ Европѣ въ разныхъ системахъ *Toxicologii* (*toxicologie*), подъ названіемъ яда *Вурарскаго* (*Wourara*). Кажется, оный составляется изъ многихъ нравъ, но по увѣренію Доктора Банкрофта (*Bancroft*), всю

оного силу должно приписать нѣкомутому распенію, вьющемуся около кустовъ. Сіе мнѣніе подкрѣпляетъ и нашъ путешественникъ, утверждая сказанное различными Писателями о дѣйствіи сего страшнаго произведенія.

(Окончаніе впрѣдъ).

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя книги.

1827.

36. *Переводы въ прозѣ В. А. Жуковскаго. Изданіе второе. С. П. б. въ шипогр. И. Глазунова, 1827. — 3 тома, въ бол. 8. (Въ 1 томѣ 330, во 2-мъ 411 и въ 3-мъ 240 стр.)*

(Многіе, и даже нѣкоторые Литераторы, ошибочно судя о дарованіяхъ, думаютъ, что хорошій Поэтъ не можешь быть хорошимъ прозаикомъ; что языкъ и слоги его, споль послушные въ стихахъ, не свободны въ прозѣ. Чтобы не распространять-

ся въ примѣрахъ и доказательствахъ про-
пивнаго шому, мы укажемъ на сочиненія и
переводы въ прозѣ В. А. Жуковскаго: онъ
совокунилъ въ себѣ и Поэта и прозаика
превосходнаго. Въ прозаическихъ его пере-
водахъ, мы видимъ всю гибкость, всю сво-
боду шаланша истиннаго: каждый перево-
димый имъ Писатель, сохраняетъ на на-
шемъ языкѣ характеръ своего слога; опъ
шого повѣши и другія спашы, имъ пере-
веденныя, правятся, кромѣ другихъ выпол-
ненныхъ имъ условій образцоваго слога, сво-
имъ разнообразіемъ. Новое изданіе сихъ пе-
реводовъ, сошвъшшвуецъ внушреннему ихъ
достоинству: шенерь мы имѣемъ полное
собраніе всѣхъ доселѣ напечатанныхъ сочи-
неній и переводовъ Г. Жуковскаго, въ спи-
хахъ и прозѣ, изданное въ одномъ формашѣ
и со всѣми совершенствами хорошихъ из-
даній.)

ГРАФЪ

Александръ Ивановичъ

ВАСИЛЬЕВЪ.

I.

И С Т О Р І Я.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯ

НАПОЛЕОНА.

Соч. Вальтера Скотта.

Корсика. — Семейство Бонапарта. — Наполеонъ родился 15 Августа 1769. — Его дѣтство. — Посланъ въ Бриенскую Военную школу. — Его успѣхи въ Математикѣ. — Мѣнѣе учился классической Литературѣ. — Анекдоты о его пребываніи въ Бриеннѣ. — Посланъ въ Парижскую Военную школу. — Произведенъ Подпоручикомъ артиллеріи въ 17 лѣтъ. — Его первая политическія чувства. — Произведенъ въ Капитаны. — Паскаль Паоли. — Наполеонъ присоединяетъ къ партии за Французское Правительство противъ Паоли. — Онъ изгнанъ изъ Корсики съ браномъ своимъ Люціаномъ. — Никогда шуда не возвращается, — и никогда тамъ не любимъ.

Островъ Корсика замѣчашеденъ въ древнія времена пѣмъ, что служилъ мѣстомъ изгнанія Сенеки; а въ послѣднемъ вѣкѣ онъ отличался достопамятными усиліями своихъ жителей, вооружавшихся на защиту вольности своей противъ Генуэзцевъ и

Французовъ, въ войнѣ, показавшей непоколебимое мужество оспровианъ, особливо при той запальчивости и мспишельности, какія свойственны спранъ и климашу ихъ.

На семь-то оспровъ, наиболее ошь того и получившемъ свою значительность, родился Буонапарте или Бонапаршъ (*). Его семейство было изъ дворянъ, хотя не знатныхъ и не богатыхъ. Лестъ хотѣла въ послѣдствіи вознестси до древнѣйшей эпохи имя, имъ прославленное; для сего разрыты

(*) Объ орографическомъ описаніи его имени возникла смѣшная споръ, сдѣлавшійся, какъ и много другихъ ребячествъ, предметомъ возшанія паршій. Буонапарте переспала употреблять въ своемъ имени бесполезную букву *и*, писавшуюся ошцемъ его, и принялъ въ семь случаевъ новѣйшую орографію. Спали утверждать, что это есть покушеніе приблизить имя свое къ Французскому выговору; и, какъ будшо въ шомъ была хотя малѣйшая важность, гласную опять помѣстили въ его имя нѣкошорые Писатели, считавшіе большимъ политическимъ дѣломъ, не позволять счастливому Генералу ошкладывать эшотъ слабый признакъ его Итальянскаго происхожденія, кошорое вовсе не было возможности ни ошвергать, ни скрывать, если бъ даже онь и вздумалъ. Въ свидѣтельствѣ о его рожденіи поставлено Napoleone Buonaparte, хотя ошецъ его подписывался Carlo Buonaparte. Кажешся, считали все равно, писать такъ или иначе.

были самые старинные архивы и выкопаны: одинъ Бонапаршъ, написавшій книгу, другой, подписавшій шраکشанъ; женщина шого же имени, давшая бышіе Папъ, и множество другихъ прикрасъ, кошорыя Наполеонъ, по справедливости, считалъ вздорными и его недоспойными. Имперашору Австрійскому, кошорый хотѣлъ произвести родъ своего зяпша ошь одного изъ небольшихъ Государей Тревизскихъ, данъ имъ былъ ошвѣтъ, что онь Рудольфъ Гансбургскій своей фамиліи; а какому-шо Генеалогу, кошорый ставилъ себя въ достоинство, что ошрылъ его происхожденіе ошь одного древняго поколѣнія Князей Готскихъ, велѣлъ онь сказать, что считаешь свою родословную съ Моншенпскаго сраженія, шо есть съ первой побѣды своей.

Въ немногихъ словахъ можно сказать все, что съ достоверностию извѣстно о фамиліи Наполеона. Въ среднихъ вѣкахъ Бонапаршъ считались въ числѣ людей значительныхъ; ихъ имя вписано было въ Тревизскую золотую книгу, и гербъ ихъ можно еще видѣть на многихъ зданіяхъ во Флоренціи; но преданные паршій Джебеллиновъ, во время междоусобныхъ войнъ, они были преслѣдуемы Гвельфами и выгнаны изъ Тосканы; одинъ изъ членовъ фамиліи скрылся въ

Корсику и осталася памь на жишь. Потомки его постоянно вписывались въ число дворянъ сего острова и пользовались памь всеми правами дворянства.

Карль Бонапаршъ, онецъ Наполеона, былъ главный преемникъ или глава сего изгнаннаго семейства. Онъ слушалъ въ Пизъ полный курсъ Правовѣденія. Наружность его была, какъ сказывають, привлекательна; одаренный отличными краснорѣчiemъ и смѣлливостію, передалъ онъ сіи свойства и сыну своему. Хорошій гражданинъ и воинъ, онъ принималъ участіе въ мужественныхъ усиліяхъ, какія Паоли употреблялъ на сопротивленіе Французамъ. Утверждають, что онъ хотѣлъ эмигрировать съ Паоли, который былъ другъ его и родственникъ, но ему воспрепятствоваль братья его онца, Люціанъ Бонапаршъ, Архидіаконъ кафедральной церкви въ Аяччіо и самый зажиточный человекъ изъ всего семейства.

Среди самыхъ междоусобій и распрей, Карль Бонапаршъ женился на Лещици Рамоллини, одной изъ прекраснѣйшихъ Корсиканскихъ дѣвицъ, одаренной большою твердостью характера. Она раздѣляла опасность своего мужа во время междоусобной войны и сочувствовала ему, сказывають, верхомъ на лошади въ какой-то воинской

экспедиціи, или можешь быть, въ какомъ нибудь внезапномъ бѣгствѣ, незадолго до произведенія на свѣтъ будущаго Императора Французовъ. Оставшись вдовою еще очень молода, имѣла она отъ мужа шинадцать человекъ дѣшей, изъ которыхъ пятеро мальчиковъ и при дѣвочки пережили онца своего. Первый былъ Иосифъ, старшій, который хотя и пославленъ былъ брашомъ своимъ въ затруднительное положеніе, какъ навязанный Испаніи Король, но шѣмъ не менѣе приобрѣлъ имя человека добраго и умѣреннаго; второй, Наполеонъ самъ; третій, Люціанъ, который не уступалъ брашу своему въ честолюбіи и въ дарованіяхъ; четвертый, Людовикъ, извѣстный своею крошкостію и желавшій лучше отказаться отъ короны, нежели согласиться на ушесненіе своихъ подданныхъ; пятый Геронимъ, который былъ, сказывають, ошмѣнно склоненъ къ разсѣянности. Дочери были: I. Марія-Анна, послѣ великая Герцогиня Тосканская подъ именемъ Элоизы; II. Марія-Аннионсиада, сдѣлавшаяся Маріей-Паулиной, Принцессой Боргезе; III. Шарлотта или Каролина, жена Мюраша и Королева Неаполитанская.

Послѣ эмиграціи Паоли, фамилія Бонапаршовъ пристѣлилась къ Французскому Правительству и была покровительствуема

Графомъ Марбефомъ, Французскимъ Губернаторомъ въ Корсикъ, по предшашельству кошораго Карль попалъ въ число Депушашовъ, посыланыхъ ошь дворянства острова къ Людовику XV, въ 1776. Сльдшвиемъ сего посольства, было назначеніе его Совѣшникомъ въ Аячійское судилище, и доходы по сему мѣсцу служили ему пособіемъ къ поддержанію безпрестанно прирасшающаго семейства, съ кошорымъ не легко бы ему было, при маломъ досташкѣ и при сдѣланныхъ привычкахъ къ нѣкошорымъ расходамъ. Карль Бонапаршь, отецъ Наполеона, умеръ, лѣшь сорока, ошь ракообразной язвы (*) въ желудкѣ, 24 Февраля 1785. Сынъ его, сшоль знаменитый, погибъ жершвою шой же болѣзни. Во время величія Наполеона, градское правленіе въ Монпелье изъявило желаніе воздвигнушь памятникъ Карлу Бонапаршу. Ошвѣпъ на сіе Наполеона замѣчашедень прешшою и здравомысліемъ. „Если бѣ я пошерялъ ошца вчера, сказалъ онъ, шо ешешественно, что почшилъ бы памашь его сообразно шеперешнему моему положенію; но прешло уже двадцашь лѣшь, какъ эшо случилосъ, и онъ изъ нѣхъ людей,

(*) Такой переводъ слова ulcère сдѣланъ съ совѣша одного ученаго врача. *Пер.*

кошорые не могушь занимашь собою Публику. Ошавимъ въ покоѣ мершвхъ.“

Наполеонъ Бонапаршь родился, по самымъ вѣрнымъ докуменшамъ и по собственному его ошзыву, 15 Августа 1769, въ Аячю, въ домѣ своего ошца, занимающемъ одну сторону двора, мимо кошораго идешъ улица Св. Карла (*). Не безъ участія чпшашемъ, что машь его, по крѣпости своего сложенія и силѣ характера, слушала обѣдню еще въ самый день рожденія своего сына (въ день сей былъ праздникъ Успѣшнїа), по должна была воропншсь изъ церкви домой; и какъ не было пригошовлено ни кровати, ни комнашы, она родила будущаго побѣдоносца на ложѣ, пригошовленномъ наскоро и покрышомъ старыми обощи, на коихъ изображалась герон Илїады. Дпша былъ окрещенъ именемъ Наполеона. Свшашаго, сего имени, не было въ календарѣ, пока Папа не помѣшшилъ его, опредѣливъ днемъ шоржештва для сего пашрона 15 Августа, день рожденія Наполеона и подписи конкордаша.

Юный Наполеонъ получилъ воспитаніе прешное и суровое, общее вѣшь жпшелямъ ошрова, на коемъ онъ родился. Дѣшство его не замѣчашедень ничѣмъ, кромѣ шой жи-

(*) Esquisse de la Corse par Benson. p. 4.

востпи разума, того своенравія и той неперпльзливостпи въ бѣдствіи, какія обыкно-венно отличаютъ дѣшей ранней смѣшливо-сти и чувствительности. Семейство ошца его проводило всегда зиму въ Аяччіо, гдѣ сбереглась еще и показывается понынь, какъ игрушка, воинскаго предзнаменованія, Напо-леона-дипляши, модель бронзовой пушки въ шридцать фуншовъ вѣсу (*). Предоставля-емъ философамъ разсудить, случайнымъ ли шолько обладаніемъ сей игрушки возбудился въ немъ въ послѣдствіи шоль воиншвен-ный духъ, или врожденная склонность по-будила его къ выбору оной; или наконецъ, сія дѣшская забава, какъ и природный вкусъ его, не имѣли взаимнаго дѣйствія и проши-водѣйствія, способшвауя вмѣстѣ къ разви-шію характера воина.

Тотъ же пушешвенникъ, кошорымъ расказанъ приведенный выше анекдотъ, дѣ-лаешь любопытное описаніе дѣшняго сель-скаго жилища Бонапаршова семейства.

Вдоль по морскому берегу, на милю ошъ Аяччіо, прошивъ оспрова Сангвиньера, вид-ны два каменные сполба, ошпахокъ боль-шихъ ворошъ, кошорые ведутъ къ *Вилль*, ны-нѣ въ развалинахъ, а прежде принадлежав-

(*) *Esquisses de la Corse*, p. 4.

шей родному брашу г-жи Бонапаршъ, шого самаго, кого Наполеонъ превращилъ пошомъ въ Кардинала Феша (*).

Къ дому приближаешь по дорогѣ, об-росшей смоковницею и другими шѣнистыми деревцами, шоль обильными въ жаркомъ климатѣ. Тамъ находите садъ и поляну, кошорые, при всемъ запустѣніи, еще со-храняють часть прежней своей красоты. Домъ окруженъ кушарникомъ, распушимъ тамъ и сямъ въ беспорядкѣ. Здѣсь-шо было лѣшнее пребываніе г-жи Бонапаршъ и ея семейства. Полуокрытая подъ масличными и миндальны-ми деревьями, подъ смоковницею и ломоносомъ (расшѣніе), уединенная гранишная скала, называемая громомъ Наполеона, какъ будшо вопрошвилась разрушенію и беспорядку, господшвующимъ въ окрешности. Еще видны подъ сею скалою ошпахки небольшой бесѣдки, кошорой входъ почти загражденъ фиговымъ деревомъ съ огромными вѣшвами: сюда часно приходилъ Наполеонъ, когда ошпускали его изъ школы къ родителѣямъ, въ ваканціонное время. Какъ усиливаешь воображеніе сосшавишь себѣ поняшіе о шѣхъ

(*) Машъ Лешиціи Рамоллини, жены Карла Бона-парша, послѣ смерти ошца Лешиціи, вышла за Швейцарскаго Ошцера, находившагося во Француз-ской службѣ, по имени Феша.

видахъ, какіе, въ семь уединенномъ и живописномъ мѣстѣ, должны были являться глазомъ будущаго героя сна багалай!

Графъ Марбей, бывшій, какъ мы сказали, Губернапоромъ въ Корсикъ, принявъ участіе въ молодомъ Наполеонѣ и опредѣливъ его въ Бріеннскую Военную школу, въ кошорой воспитывались, на счесть Короля, молодые люди, говорившіеся къ инженерной и артиллерійской службѣ. Такая благосклонность и покровительство казались современнымъ испорикамъ подозрительными; они приписывали ихъ особому нѣжному расположенію Графа къ г-жѣ Бонапарш; но Графъ Марбей былъ уже въ такихъ лѣтахъ, что подобныя отношенія не могутъ быть предполагаемы, а при томъ клеветы сей между жителями Аяччо совсѣмъ не слышно.

Поприще ученія, столь счастливо окрившееся юному Бонапаршу, было всего нужнѣе для его генія. Усердіе къ наукамъ ошвлеченнымъ обратилось въ немъ въ пристрастіе, а къ тому присоединилась необыкновенная способность приравливать ихъ ко всему, что принадлежитъ къ военному искусству, между шьмъ, какъ охота его къ изысканіямъ любопытнымъ и глубокомысленнымъ подспрекаема въ немъ была еще болѣе врожденнымъ честолюбіемъ и же-

ланіемъ отличался. Почти всѣ Бріеннскіе Профессоры, привыкшіе изучать характеръ своихъ воспитанниковъ и обязанные по должности апшествовать каждаго изъ нихъ, говорили съ удивленіемъ о дарованіяхъ Бонапарша и объ успѣхахъ его. Много преувеличено, много выдуманно на счесть юности чловѣка, сподъ достопримѣчательнаго. Мы знаемъ изъ достовернаго источника то, что предлагаемъ читателю (*).

Наполеонъ велъ себя между поварищами, какъ молодой чловѣкъ прилежный и спешенный, швердо предпріявшій усовершенствовать свое воспитаніе и спарающійся избѣгать случаетъ къ пустой прашѣ времени. У него мало было друзей, искренняго — ни одного; однако, когда хотѣлось ему, онъ сильно дѣйствовало на своихъ поварищей; а когда случалось исполнять какое-либо предпріятіе общими силами, его почти всегда избирали Дикшаноромъ сей маленькой республики.

(*) Сія подробности сообщены были автору г-ми Іосифомъ и Людовикомъ Ло (Law), братьями Генерала Барона Лориспона, любимаго Адъюшанша Бонапаршова. Г-да Ло, покрайней мѣрѣ Іосифъ, воспитывались въ Бріеннѣ, но послѣ Наполеона; а братья ихъ былъ его современникомъ.

Однажды зимою, Бонапаршъ уговорилъ своихъ поварищей построить изъ снѣгу крѣпость со рвами и бастіонами, по всѣмъ правиламъ фортификаціи. Всѣ изумились шѣмъ необыкновеннымъ понятіямъ, какія развернулись въ юномъ инженерѣ для произведенія работъ его ремесла; и крѣпость была сильно апшакowana и защищаема воспитанниками, раздѣлвшимися на два ополченія; но наконецъ бывша сія такъ разгоричила ихъ, что начальники почли за нужное провозгласить перемиріе.

Юный Бонапаршъ оказалъ свое искусство и предпримчивость еще при слѣдующемъ случаѣ. Въ окрестностяхъ Бриенны была ежегодно ярмарка, на которой пипомцы Военной школы проводили обыкновенно одинъ день для своего удовольствія. Но по ссорѣ, произшедшей у нихъ съ жищелями, или по другой какой-либо причинѣ, начальники рѣшились не пускашь пипомцевъ, въ день ярмарки, со двора школы, окруженнаго стѣною. Однако у нихъ, подъ руководствомъ молодого Корсиканца, сдѣланъ уже былъ заговоръ, воспользоваться обыкновеннымъ днемъ ошдыха. Они подкопали стѣну съ такимъ искусствомъ и такъ тайно, что работа ихъ не была никому извѣстна до самаго дня ярмарки, когда часъ стѣны

вдругъ обрушилась и образовала свободный проходъ для зашворниковъ, кошорые пошчасъ воспользовались шѣмъ и убѣжали въ заповѣдное мѣсто.

Хотя въ семь обспояшельствѣ, а можешъ бышь и въ другихъ, Бонапаршъ, при обыкновенныхъ чертахъ юношескаго характера, оказалъ изобрѣшательность и даръ повелѣвать другими, чѣмъ въ послѣдствіи онъ сполько опшичался; однако вообще велъ онъ себя въ школѣ, какъ ученикъ спепенный и несообщательный, приобрѣшající размышленіемъ и собирающій въ своей памяти пошъ удивительный рядъ обширныхъ соображеній, посредствомъ кошорыхъ умѣлъ онъ въ послѣдствіи приводить къ проснымъ началамъ предпріяшя самыя шрудныя и самыя сложныя. Его учитель Машемашики гордился юнымъ оспровишяниномъ, сосшавляющимъ гордость и всей школы; по другимъ наукамъ Профессоры имѣли равныя причины бышь имъ довольными.

Бонапаршъ оказалъ менѣ успѣховъ въ изученіи языковъ. Онъ не выучился даже писашъ безошибочно по-Французски; а еще менѣ на другихъ языкахъ. Бриенскіе монахи не могли похвалиться успѣхами своего воспитанника въ семь родѣ ученія; вся сила его разума успремлена была на ученія изы-

сканія по военной наукѣ, ему оставалось мало времени или охоты для другихъ занятій.

Хотя Ишалионецъ происхожденіемъ, Бонапарть не имѣлъ рывшительной склонности къ Изящнымъ искусствамъ, и писанное имъ показываетъ, что онъ увлекался пристрастіемъ къ необыкновенному, и надушному. Онъ употреблялъ всегда выраженія самыя преувеличенныя; и даже очень рѣдко бюлешени его представляющъ черты возвышенныя, которыя основывались бы на благородствѣ и простотѣ изложенія.

Не взирая на крошечность наружную и еепенность всѣхъ поступковъ, сей человекъ, предопредѣленный на столь блистательныя дѣла, началъ уже и въ то время, когда былъ только пищикомъ Бриенской школы, чувствовашъ въ себѣ стремленіе къ почестямъ и боязни приспѣженія, или другимъ словами, шу безпокойную и раздражительную любовь къ славѣ, которая бываетъ пружиною необыкновенныхъ предпріятій. Искры такого огненного характера проблескивали иногда. Однажды, на будущаго Императора, за какую-то легкую вину, наложено было спрогимъ надзирашаемъ наказаніе, одѣвшись въ смурое плашье (*habit de pénitence*) и обдашь за особымъ столомъ,

отдѣльно отъ другихъ воспитанниковъ. Этимъ пакъ сильно возмутилась его гордость, что онъ получилъ нервный припадокъ, болѣзнь, которой, не смотря на крѣпкое его сложеніе, былъ онъ подверженъ, когда что-нибудь очень его раздражало. Опець Пепро (*Pétrault*), его Профессоръ Математики, успѣшилъ освободить своего любимого птенца отъ наказанія, споль шякко его пошрясаго.

Утверждающъ также, что еще въ Бриеннѣ замчено въ Бонапарть расположеніе къ республиканскому образу мыслей. Пишегрю, споль прославившійся въ послѣдствіи и бывший его ренешиторомъ въ Военной школѣ (обстоятельствовъ весьма замѣчательное), свидѣтельствовалъ о первоначальныхъ его правилахъ, какъ и о стойкости, упрямствѣ его характера. Спустия долгое время, когда совѣшовались съ Пишегрю о средствахъ склонить Генерала Ишалинской арміи на сторону роялизма, онъ отвѣчалъ: „значило бы перянь только время на попышку; я зналъ его въ молодости, его характеръ неколебимъ; что началъ онъ, того не перемѣнишь.“

Въ 1783, Наполеонъ Бонапарть, тогда еще только четырнадцатилѣтній, былъ назначень, г-номъ Келаріо, Инспекторомъ двѣ-

надцати Военныхъ школъ, къ переводу въ Парижскую Военную школу для окончанія шамъ воспитанія, хотя онъ не имѣлъ еще пошребныхъ къ тому дѣль. Эпою благоклонносною былъ онъ обязанъ преждевременности успѣховъ своихъ въ Математикѣ и постоянному прилежанію. Въ Парижѣ аштесовали его столь же хорошо, какъ и въ Бріеннѣ. Изъ различныхъ обществъ, какія шамъ нашель, избралъ онъ для себя домъ знаменишаго Аббаша Рейналя, и былъ принявъ въ его литерашурныхъ собраніяхъ. Вкусъ его не очистился шѣмъ, но увеличился значительно жаръ къ ученію всякаго рода; и не смотря на большое число швореней, читанныхъ имъ каждый день, памяти его досшавало на удержаніе всего; а разсудокъ его довольно уже созрѣлъ для привденія въ порядокъ и распредленія приобрѣшенныхъ знаній шакъ, чшобъ во все шеченіе дѣяшельной его жизни имѣшь къ нимъ приближище. Плущархъ былъ любимый его авшоръ, и онъ столь много сообразовался съ его мнѣніями и видами, что Паоли сказала однажды: „вошь молодой человекъ съ древнимъ характеромъ, похожій на героевъ Плущарховыхъ.“

Нѣкоторыя изъ его біографовъ приписывали ему анекдотъ, случившійся, около

шого же времени, съ кѣмъ-то изъ воспитанниковъ Военной школы, который просилъ, чшобъ воздухоплаватель Бланшаръ взялъ его съ собою на ладью, прицѣпленную къ шару, и который шакъ огорчился опказомъ, что употреблялъ всевозможныя усилія проколосъ шаръ своею шпагою. Этому обстоятельству даюшь мало вѣры; и дѣйствительно, оно не согласуется съ характеромъ героя, столь же глубокимъ и разсудительнымъ, какъ дерзкимъ и рѣшительнымъ; на похождение суетное и ребяческое онъ вѣрно не опважилъ бы своего рѣзкаго мужества.

Изъ анекдота, болѣе достовѣрнаго, мы узнаемъ, что въ то же время, въ письмѣ къ семейству своему, выражался онъ весьма не почшительно къ особѣ Короля. По обычаю школы, ему надлежало опдашь письмо свое на просмотрѣніе г-ну Домерону, Профессору Словесности. Сей, замѣвши оскорбительное мѣсто, настаивалъ, чшобы письмо сожгли и сдѣлалъ Бонапаршу спрощій выговоръ. Долгое время спустя, въ 1802, Домеронъ получилъ приказаніе явиться къ Наполеону, который хотѣлъ поручишь ему воспитаніе брата своего Геронима Бонапарша. Первый Консулъ напомнилъ тогда, сѣючись, шпарому Профессору, что многое пе-

ременилось съ шѣхъ поръ, какъ онъ сжегъ письмо его.

Семнадцати лѣтъ получилъ Наполеонъ патентъ на званіе Подпоручика въ одномъ артиллерійскомъ полку, и почти непосредственно за шѣмъ былъ онъ повышенъ въ Поручики съ опредѣленіемъ въ корпусъ, составлявшій гарнизонъ въ Валансъ. Являсь въ полкъ, онъ спалъ чаще, нежели когда либо, посѣщая обществу; показывался въ публичныхъ собраніяхъ, и старался нравиться, на что имѣлъ обильныя средства, когда только хотѣлъ употребить ихъ въ дѣйство. Не мало способствовала тому и краса умнаго, выразительнаго лица его, гибкій станъ, хоша и не высокій, его обращеніе, которое, если не можешь быть названо вкрадчивымъ, то по крайней мѣрѣ своею живостію, измѣчивостію своихъ приемовъ и нерѣдко горделивою стойкостію, замѣняло то, чего недоставало ему со стороны прелести и привлекательности.

Ему хотѣлось снискивать и либературныя почести: онъ былъ изъ числа сосязателей въ предложенной Лионскою Академіею награды за разрѣшеніе Рейналева вопроса: „какими правилами и постановленіями можно сдѣлать наиболѣе счастливыми людей.“ Награда досталась молодому офи-

церу. Любопытство невольно побуждаетъ узнать, на какой системѣ правительства основанъ молодой человекъ, который вскорѣ возымѣлъ власть привести въ дѣйство всѣ теоріи, какія бы только вздумалъ. Но вѣроятно его прежнія понятія не очень согласовались съ опытностію, болѣе зрѣлою: спусти нѣсколько лѣтъ, когда Талейранъ досталъ сей опытъ изъ Академическаго архива и подаль его автору, Бонапартъ, прочитавъ нѣсколько страницъ, разорвалъ шепрадь. Онъ покушался написать еще путешествіе на гору Ценисъ въ Сперновомъ родѣ, но, къ счастью усюялъ прошивъ искушенія. Жеманство, ошличающее слогу Сперна и его особый родъ писанія, конечно не сдѣлались бы проще подъ перомъ Бонапарта.

Быстро приближались времена мрачныя; нація была тогда совершенно раздѣлена паршіями, которыя породили революцію. Офицеры Бонапартова полка раздѣлились также на роялистовъ и шакъ называвшихся паптріотовъ. Легко представивъ себѣ, что молодой офицеръ, иностранецъ и безъ покровителей, принялъ мнѣнія, къ какимъ и прежде оказывалъ уже нѣкопоруую склонность, и которыя общали раскрыть обширное поприще для шѣхъ, кто опирался на собственное поль-

ко достоинство. „Утверждаютъ, что онъ сказалъ: „если бь я былъ Генераль, по осмался бы преданъ Королю; но въ званіи подчиненномъ, присоединюсь къ папріошамъ.“

Былъ слухъ, что въ споръ съ полковыми офицерами о дьлахъ того времени, Бонапаршь употреблалъ столь оскорбительныя выраженія, что раздраженные товарищи бросили его въ Рочу, гдѣ онъ едва не погибъ. Но это неспотный только расказъ бывшаго съ нимъ приключенія: купаясь въ Ронѣ, онъ вдругъ получилъ спазмы, и поварищи не безъ труда его вытащили; однако опасность его была только случайная.

Наполеонъ сказывалъ самъ, что онъ былъ пылкій республиканецъ во все время Конституціоннаго собранія, но во время Законодательнаго, мысли его поколебались. Если такъ, то первоначальныя чувства его вновь пробудились; ибо вскорѣ послѣ того, мы видимъ его въ связи съ людьми, которые занимали первыя революціонныя мѣста.

Въ началѣ 1792, Бонапаршь произведенъ былъ, по старшинству, въ Канишаны артиллеріи; и въ томъ же году, въ бытность его въ Парижѣ, былъ онъ свидѣтелемъ двухъ возмущеній, 21 Іюня и 10 Августа. Онъ

обыкновенно говаривалъ о возмушителяхъ, какъ о низкихъ разбойникахъ, и утверждалъ, что какой нибудь рѣшительный офицеръ легко бы могъ осановить все эти шайки, но наружности грозныя, но незнающія подчиненности и прусливыя. Съ какими различными чувствами смотрѣлъ бы Наполеонъ на сію разъяренную чернь, на сихъ Швейцаровъ, все пропивающихся, хотя и гнѣшомыхъ числомъ, и на сей воспылавшій дворець, если бы какой нибудь провидѣць, сказалъ ему: „шъ, кошорому суждено бытъ Императоромъ, эта кровь и эти убійства приготавлиють тебѣ путь къ будущей Имперіи!“ Не предвидя могущественнаго ваянія, какое сіи обстоятельство должны были имѣть на судьбу его, Бонапаршь, въ безпокойствѣ о безопасности машери своей и семейства, желалъ иногда осавить Францію и отправиться въ Корсику, гдѣ подобныя явленія происходили на оеашрѣ, менѣ обширномъ.

Однимъ изъ удивительныхъ дѣйствій Французской революціи было то, что знаменитый Паскаль Паоли, давно изгнанный изъ Корсики, кошорой независимость защищалъ онъ столь мужественно, возвратился изъ мѣста своего изгнанія въ десной надеждѣ бытъ еще свидѣтелемъ возрожденія

независимости въ родномъ своемъ краѣ. Провзжая чрезъ Парижъ, онъ былъ шамъ принявъ почти съ восшоргомъ, и какъ Национальное собраніе, шакъ и Королевская фамилія, шарались наперерывъ оказывашъ ему знаки величайшаго уваженія. Будучи назначень Президентомъ Депаршаментна и Начальникомъ національной гвардіи на оспровѣ, онъ упошребилъ въвреннюю ему влашь съ большимъ благоразуміемъ и преданностію своему краю.

Но мысли, какія Паоли составилъ себѣ о независимости, были очень различны отъ шѣхъ, какія начали, по несчастію, распрошраняшь во Франціи. Ему хотѣлось устроишь шу независимость, кошорая не разрушаешь ни чьей собственности, а покровишельствуешь ей, не спремилъ къ идеальному совершенству, а доспавляешь счастье на самомъ дѣлѣ, словомъ онъ спарался освободишь Корсику отъ господствовавшей въ ней заразы Якобинства, и въ награду за шо, его обнесли предъ Собраніемъ. На приказаніе явилъсь къ ошвѣшу, Паоли извинилъ невозможностію предприняшь путешествованіе въ его аьша; но изьявилъ готовность удалишьсь съ ошрова.

Большая часть жителей объявила себя на споронѣ давнишняго поборника ихъ не-

зависимости, когда Конвеншь прислалъ экспедицію подъ предсѣдательствомъ комиссаровъ, Лакомб-Сен-Мишеля и Салически, одного изъ депушатовъ Корсики, съ обыкновенною инструкціею на устроеніе убійства и грабительства.

Во время сихъ произшествій, Бонапаршь былъ въ Корсикѣ въ ошпуску, и хошь съ Паоли связывало его дружество, а нѣсколько и родство, но молодой артиллерійскій офицеръ не поколебался на счешъ шого, какую приняшь паршю. Съ жаромъ спалъ онъ дѣйствовашъ за Конвеншь, и первыми воинскими подвигами ошличился въ междоусобной войнѣ на своей родинѣ. Въ 1793, онъ посланъ былъ изъ Бастіи, находившейся тогда во власши Французской паршii, для нападенія на Аяччіо, мѣсто его рожденія, кошорое занималъ Паоли со своими приверженцами. Бонапаршь былъ названъ временно башаліоннымъ командиромъ національной гвардіи. Онъ прибылъ въ Аяччійскій заливъ съ командою человекъ въ шашъдесять, чшобъ завладѣшь укрѣпленіемъ, называемомъ Torre di Capitello и лежащимъ съ противоположной залувы спороны, почти предъ самымъ городомъ. Ему удалось взять эшошь пошь; но какъ случился пропшвный вѣшрь, мѣшавшій сообщенію его съ Фрегатомъ, на кошо-

ромъ онъ прѣхалъ, но въ собственномъ его завоёваніи былъ онъ осажденъ противниками и приведенъ въ такое бѣдствіе, что долженъ былъ, съ гарнизономъ своимъ, кормиться лошадинымъ мясомъ. Черезъ пять дней получилъ онъ пособіе отъ фрегата и оставилъ башню, послѣ пшениаго покушенія взорвать ее. На Torre di Caritello, видны еще признаки сдѣланныхъ тогда поврежденій и на эти развалины можно взирать съ любопытствомъ, какъ на первое позорище сраженій того, предъ кѣмъ:

„Temple and tower
Went to the ground (*).“

(*) Такъ повѣствуютъ Корсиканцы объ экспедиціи, предполагаемой первою, знаменитаго ихъ соотечественника (См. Esquisses de Benson, p. 4). Но, кажется, Бонапартъ былъ употребленъ еще въ Февралѣ 1790. Адмиралъ Триге (Triguet) съ весьма значительнымъ флотомъ и многочисленнымъ высаднымъ войскомъ, оставался на якорѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, въ Корсиканскихъ портахъ, провозглашая о высадѣ въ Сардинію. Получивъ подкрѣпленія, онъ поднялъ паруса для совершения экспедиціи. Полагаютъ, что Бонапартъ сопутствовалъ Адмиралу, о кошоромъ ошзывается онъ съ презрѣніемъ въ *Mémoires de Sainte-Hélène*. Бонапарту удалось овладѣть нѣсколькими башарями въ проливѣ С. Бонифація. Но какъ экспедиція не имѣла никакого успѣха, то се скоро оставили.

Родственникъ Наполеона, по имени Массерио, защищалъ съ успѣхомъ Аяччіо противъ употребленныхъ на сію экспедицію войскъ.

Партія Паоли возраспала съ каждымъ днемъ и Англичане расположены были помогать ей, почему Корсика не могла уже быть надежнымъ убѣжищемъ для Бонапартовъ. И дѣйствительно Наполеонъ и братья его Люціанъ, какъ приверженцы Французовъ, осуждены были на изгнаніе. Подъ ихъ защитою, г-жа Бонапартъ съ тремя дочерьми и Геронимомъ, еще ребенкомъ, съѣла на корабль и удалилась, сперва на нѣкоторое время въ Ницу, а потомъ въ Марсель, гдѣ все семейство жило, какъ сказываютъ, въ величайшей бѣдности, пока не возродилось счастье Наполеона и не доставило ему средствъ къ вспоможенію.

Послѣ сего происшествія, никогда уже Наполеонъ не видалъ Корсики и, кажется, не чувствовалъ къ ней никакого влеченія. Небольшой водометъ въ Аяччіо былъ единственнымъ украшеніемъ, какое удѣлилъ онъ отъ щедротъ своихъ для своей родины. Можеть быть, считалъ онъ дѣломъ неполическимъ, напомнить чѣмъ-либо спранъ, въ кошорой онъ царствовалъ, свое чуждое происхожденіе. Дѣйствительно, немногаго недоспавало, чшобъ ему родиться вовсе чуж-

дымъ Франціи; ибо Корсика не прежде присоединилась къ ней или вошла въ составъ ея, какъ въ Іюнь 1769, за нѣсколько недѣль до рожденія Наполеона. Этому роду пашна была часно напоминаемъ врагами его, и нѣкоторые изъ нихъ упрекали Францію за то, что она упрочила властелиномъ своимъ челоука такой страны, откуда Римляне не захоушли бы взять и невольника. Наполеонъ, принимая, можешь быть, къ сердцу такой упрекъ, не хоушлъ показывать ни малѣйшаго присраснія къ мѣсту своего рожденія, чтоуь не возбудишь въ шомъ слишкомъ живо вниманіе великой націи, съ коуорою казался онъ съ семействомъ своимъ, связаннымъ неразрывными узами. Но по словамъ путешественника, на котораго уже мы ссылались, и коуорый болѣе, нежели кто нибуь, былъ въ состояніи узнать свойства гордыхъ ошровишлянъ: „Корсиканцы оспались еще настоящими патриотами и влюблены въ свой край. Никакое достоинство, по ихъ мнѣнію, не можешь испуишь презрѣнія къ землѣ, на коуорой мы родились.“ По сему-то Наполеонъ никогда не былъ любимъ въ Корсикѣ и память его шамъ не уважается (*).

(*) Esquisses de Benson sur la Corse, p. 121.

Такия чувшва были естественны съ шой и съ другой стороны. Наполеонъ едва малымъ чѣмъ привлекаемый къ своей родинѣ и вполне влекомый къ своему новому ошечеству, съ коуорымъ шѣсно было связано все, что онъ имѣлъ, все, что онъ перялъ (*), наблюдалъ въ ошношеніи Корсики, полинику, какой необходимо пребовало его положеніе; а гордые ошровишяне могушь ли быть порицаемы за то, что види одного изъ своихъ соошчицей на такой высошъ и забывающимъ прежнія съ ними связи, они воздавали ему холодношнію за презрѣіе.

(*) Однако не должно принимашъ это лишерально; ибо достойно примѣчанія, что когда онъ былъ на верху своего величія, то въ наследство его семейству досталось имѣніе въ Аяччіо. Первый Консулъ или Императоръ получилъ на свою долю маліишій садъ (Sketches of Corsica).

ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИЗОБРАЖЕНИЕ САНСКРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Окончание.)

Приводясь при драмы Поэта *Cālidāsa*: въ первой онъ изображаетъ любовь *Mālavikā* и *Agnimitra*, въ другой любовь *Kirāma sena*, сына *Indra*, и прекрасной *Urvāsi*, въ шрестей несчастія *Sacuntalā*, кои составляютъ также предметъ эпизода въ *Mahābhārata*. Сія послѣдняя пьеса, и пьеса Поэта *Crihna-Misra*, подъ названіемъ *Prabodha-Tebandrodaya* (*) (восходъ луны разумній), которая есть драма метафизическая, гдѣ дѣйствуютъ пороки и добродѣтели, вопль все, что доселѣ переведено изъ шастральныхъ пьесъ Индійскихъ. Кажется, что ученыхъ удерживала трудность особаго рода. Одна изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей сихъ сочиненій,

(*) Первая переведена Джонсомъ, вторая Докшоромъ Тайлоромъ. Утверждаютъ что Г. Вильсонъ, скорѣ издастъ переводъ или разборъ двѣнадцати пьесъ, въ числѣ коихъ будутъ многія, принадлежащія Поэту *Cālidāsa*.

есть та, что въ нихъ различныя классы дѣйствующихъ лицъ говорятъ различнымъ языкомъ. Брахманы, Цари и воины ихъ слушатели говорятъ по Санскритски; женщины же и люди низшихъ классовъ выражаются нарѣчіемъ, называемымъ *Prācrif*, которое также измѣняется сообразно съ лицами говорящими (*), и иже въ устахъ женщинъ, сильнѣе, грубѣе у мушницъ, занимающихся работами шажкими и сельскими. Въ Греческой трагедіи діалектъ измѣняется въ хорахъ и въ частяхъ Лирическихъ: здѣсь же это есть не иное что, какъ чрезвычайно любовишное соблюденіе самой природы, и можетъ быть, также правилъ общественныхъ; ибо для чего женщинамъ, привыкшимъ къ обществу мушницъ, не говорить одинакимъ съ ними языкомъ? для чего это различіе, понятное только въ отношеніи къ низкимъ классамъ? Или право говорить по Санскритски было особое преимущество? Какъ бы то ни было, это обыкновение вводило различныя діалекты въ драмы Индійскія, доселѣ препятствовало изученію оныхъ. Но прекрасное изданіе драмы: *Sacuntalā*, которымъ мы скоро будемъ обязаны скромной учености и шерифнѣю

(*) Замѣчаніе Г. Шези.

необыкновенному Г. Шези, доставивъ способности разрѣшить много трудностей; а новый переводъ, который онъ намѣренъ присоединить къ оному изданію, подастъ намъ случай еще болѣе удивиться той легкой прелести, той пріятности подробностей, той умилительной занимательности, которая *Cālidāsa* умѣлъ распространить по всѣмъ часямъ своего творенія, долженствующаго почитаться его образцовымъ произведеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, какая нѣжность, какая сладость въ описаніи игры прелестной *Sacuntalā* и ея подругъ; въ изображеніи ея перваго свиданія съ *Duchmanta*. Какое шайное очарованіе привлекаетъ насъ къ участи этой любовницы, которая, вскорѣ бывъ забыта своимъ супругомъ, съищетъ покинутая. Какая сцена благородная и сердце-раздирающая, когда *Sacuntalā* непризнана и отвергается супругомъ своимъ *Duchmanta*, невольнымъ орудіемъ проклятія оскорбленнаго пустытника! Съ какимъ душевнымъ беспокойствомъ ожидаемъ мы развязки, когда вѣнчальное кольцо — дивнымъ образомъ найденное, должно прояснить омраченные взоры *Duchmanta* и возвратитъ его супругъ, спрасшно его любящей! Безъ сомнѣнія пошребно глубокое познаніе человѣческаго сердца, пошребно искусство великое для

того, чтобы съ такою силою поддерживать любопытство наше и въ продолженіи семи дѣйствій занимать насъ несчастіями вымышленными; нельзя не согласиться, что эпитимъ великимъ искусствомъ *Cālidāsa* обладалъ. Конечно долженъ быть Писателемъ необыкновеннымъ эпошъ *Cālidāsa*, который, покрытый пальмами эпоецъ, и срывая шути миршы Эроической Поэзии или цвѣты Идиллій, захотѣлъ украсить чело свое вѣнцемъ драматическимъ.

Въ этой драмѣ можно найти образцы всѣхъ родовъ слога. Но невинныя картины любви, изображеніе самое естественное шѣхъ безпокойствъ, шой шоски сердечной, которыми шолько немногіе изъ Писателей умѣють описывать, преимущественно надлежитъ искать въ Лирическомъ твореніи Поэты *Djaya-Deva*; оно называется *Gēta-Govinda* (Пѣснь бога-пасыря) и переведено Джонсомъ (*). Это есть рядъ прелестнѣйшихъ картинъ, въ коихъ найдемъ все, что воображеніе можетъ имѣть радоснѣйшаго, умъ — нѣжнѣйшаго; а сердце человѣческое — проташельнѣйшаго. Герой Поэмы есть *Crichna*, богъ шполь же любезный, какъ и любимый. Говорятъ, что Аѣциане, по смерти

(*) См. *Asiat. Res.* t. III. стр. 183.

Софокла, оставляли ему почетное мѣсто въ театрѣ, и предъ началомъ представленій, припѣвали пѣснь его для присутствія при ихъ играхъ. Въ другихъ мѣстахъ торжествовались празднества въ честь Гомера. Индійцы не менѣе признавательны къ великимъ своимъ Поэтамъ. Въ Calinga (Cenduli) отечествъ Djaуа-Deva, ежегодно въ память его совершается ночное торжество, и Индійцы не знаютъ лучшаго воздаянія почестей сему славному Поэту, какъ то, что гимны его поются и Поэма его читается съ пышностію, испинно театральною.

Другое сочиненіе сего же рода, но не столь важное, есть *Ghala-Carparar*, переведенное Г. Шези. Неизвѣстный сочинитель сего шворенія, въ которомъ можно порицашь одну только крашкость, выражаешь въ ономъ съ удивительною прелестію слова и свѣжестію чувствованій съшванія супруги, удаленной отъ своего супруга (*).

(*) Нужнымъ почитаю замѣнить, что встрѣчая у Индійцевъ этошъ родъ Поэзіи, всякой шѣмъ болѣе изумишся, что законодательство сего народа, кажется, совершенно прошивно оному. Какого рода любовь можешь существовать въ странѣ, гдѣ супруга считается рабою? Въ семь случаевъ, какъ и во многихъ другихъ, природа воспоржествавала надъ законами человеческими.

Еще приводишся небольшое стихотвореніе въ пятьдесятъ стансѣхъ (*Tchora-Pant-chásird*), въ которомъ Поэтъ, осужденный на смерть за любовь къ нему Царицы, воспоминаешь о своемъ минувшемъ счастьи, и въ минушю казни торжествуеть воспоминаніемъ (*). Образцы сего рода Поэзіи находятся также въ собраніи разныхъ сочиненій Поэта *Djagannátha*, подъ названіемъ: *Bhâmani-Vildsa* и въ подобномъ же собраніи другаго стихотворца Govardhana, называющемся *Sapta-Satê*. Еще въ одномъ изъ шаковыхъ собраній, сослѣдствемъ изъ ста

(*) Это приключеніе приписывается Sundara, сыну Царя области Cantchiruga. Плъщенный красотою *Vidyá*, дочери Бурдванскаго (Burdwan) Царя *Vira-Singha*, онъ проникнулъ во дворець посредствомъ подземнаго хода. Однажды ночью онъ былъ открытъ и, какъ хищникъ, осужденъ умереть на висѣлицѣ. Идучи на казнь, онъ сочинилъ стихотвореніе, о коемъ теперь говоришся. Повѣствуешь, что въ самое мгновеніе совершенія казни, веревки, коими онъ былъ привязанъ, разорвались и палачи упали безъ чувствъ. Его снова отвели въ шемницу; а на слѣдующую ночь нѣкая богиня явилась будто бы во снѣ Царю *Vira-Singha* и открыла ему, что *Sundara*, по происхожденію своему, достоинъ сдѣлаться его зятнемъ. Бракосочетаніе вскорѣ потомъ было праздновано съ величайшею пышностію.

шансь, и приписываемомъ юнымъ лѣтамъ великаго Sancarâchâruga, другой Поэть, подъ именемъ Amaru, изложилъ нѣкоторыя изъ подобныхъ же мыслей, входящихъ въ область Поэзи Эротической. Но въ этомъ отношеніи должно ошдаться справедливость вкусу Индійцевъ: они умѣли обуздаться своею воображеніемъ въ семь родъ лишературы: изображенія ихъ хотя и снрасшны, но не перестаютъ быть благоприсшными. Стихи ихъ не осквернены картинами, какія Виргилій помѣстилъ въ своемъ *Алексисѣ*, заплавивъ такимъ образомъ позорную дань нравамъ Греціи. Это виновное чувство, прославляемое Гораціемъ и даже самими Философами Греческими, чуждо сочиненіямъ Индійскимъ: въ законодательствѣ сего народа, оно очернено названіемъ унизительнымъ, какъ порокъ чуждой націи (*Sankarî-Caranam*). Въ Санскрипскихъ сочиненіяхъ любовь бываетъ мисщическая или по крайней мѣрѣ добродѣтельная. — Снщдливость можеть иногда закраснѣться ошъ ихъ выраженій; но природа никогда не оскорблется.

Я обозначилъ почти всѣ замѣчательнѣйшія шворенія, представляемыя Индіею нашему любопытству; впрочемъ, я упоминалъ шолько о швореніяхъ, написанныхъ на

языкъ Санскрипскомъ. Но и различные диалекты, имѣ порожденные, имѣютъ каждый свою собственную Лишературу. Если бы кто захотѣлъ судить о богатствѣ сихъ Лишературъ по однимъ заглавіямъ книгъ; по шворенію Варда можеть убѣдиться его въ обилии сихъ произведеній (A view of the history, literature and mythology of the Indoos) не безъ основательности можно полагать также, что предубѣжденія лишаютъ насъ многихъ лишературныхъ сокровищъ. По всему пространству областей Индійскихъ господствуютъ многочисленныя и другъ ошъ друга отличныя секты: у нихъ должны быть книги, столь же совершенно различныя другъ ошъ друга, какъ ихъ мнѣнія. Это раздробленіе можеть принести пользу наукъ и испищъ, кошорая явсшвеннѣе обнаруживается ошъ противорѣчій. Время поможеть намъ узнать короче и научищъ насъ оцѣнищъ лучше разныя собранія исторій, анекдотовъ и нравоучительныхъ басней, собранія, кошорыя составлены для народа, и о кошорыхъ умолчать я не должень: такковы напр. *Vrihat-Cathâ*, швореніе, принадлежащее Somadêva, сочинителю Поэмы о смерти Nanda и возшествіи на престоль Tchandra Gupta; и *Vetâla-Pantcharimsati*, коего авторъ есть Swadâsa; шакowo шакже швореніе

Pantcha-Tantra (*), обильный источник или образец всѣхъ собраній апологовъ, которыя распространены были на востокъ тодь именами Езопа, Локмана, Пиальца; а между прочимъ и шворенія, называемаго *Hiterpadesa*. Это есть сочленіе правоучительное, раздѣленное на четыре главы: оно написано прозою, перемежанною со стихами, у лучшихъ Поэтовъ заимствованными. Сіе подражаніе шворенію *Pantcha-Tantra* приписывается *Vichnu-Sarmâ*, почтаемому сочинителемъ и самаго оригинала. Въ шестомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, въ одно время съ шахматною игрою, оно было введено въ Персію извѣстнымъ *Nushrivan*, который не погнушался повелѣшь перевести его. На Англійскомъ языкѣ оно дважды было издано Джонсомъ и Вилькинсомъ — честь, которой безъ сомнѣнія заслуживаетъ по простотѣ, господствующей въ повѣствованіяхъ онаго, и которая дѣлаетъ это швореніе оригинальнымъ.

Оканчивая сіе обзоріе, необходимымъ почтаю присовокупить нѣсколько словъ

(*) Г. Вильсонъ напечаталъ нынѣ разборъ сего шворенія, коего переводъ изданъ Г. Аббасомъ Дюбоа; но этошь переводъ сдѣланъ не съ Санскрипскаго шекша, а съ иреложія на нарѣчіе *telinga*.

во славу Индійскихъ Филологовъ. Филологія есть одна изъ шѣхъ наукъ, копорья сдѣлала весьма большія успѣхи въ сей справѣ. Съ честію именующія труды мужей, каковы *Vararutchi*, *Voradeva*, и преимущественно *Amara-Singha*, копорый удостоился найши издатели въ учепомъ Г. Коальбрукъ.

Представленное мною начертаніе богашевнвъ Литературы Индійцевъ необходимо влечетъ за собою вопросъ: Литература вша, каково впрочемъ ни было бы ея дошпоинство, не есть ли машь шѣхъ Литературъ, коихъ наши повѣйшія суть пшопицы? Творенія, ее составляющія, суть ли одни шолько подражанія образцамъ чужеземнымъ, или же по своей древности они сами могли служить образцами? Наконецъ, къ какой эпохѣ можемъ мы отнести ихъ? Вошь вопросы, копорые разрѣшитъ шрудно. Судя по сдѣланному мною изображенію характера Индійца, можно было предвидѣшь, что онъ мало заботился о счисленіи времени. У него нѣшь хронологіи, а если есть, — то совершенно баснословная. Народъ Индійскій живетъ со времянь шоль давнихъ, что смѣшиваетъ всѣ воспоминанія. Онъ подобенъ шѣмъ добрымъ спарикамъ, копорыхъ жизнь продлилась даље обыкновенныхъ предъшовъ жизни человѣческой: они нашошрѣлись на

такое множество предместовъ, что все образы вдругъ начертываются на невѣрной ихъ памяти, которая безъ всякой причины сближаетъ или удаляетъ эпохи. Для нихъ все воспоминанія жизни, такъ сказать, современны.

Мы не имѣемъ вѣрныхъ началъ, для того, чтобы съ основательностію опредѣлить хронологическій порядокъ въ Литературной Исторіи Индійцевъ. Однако же внимательное изученіе ихъ книгъ показываетъ намъ какъ бы три и даже четыре отличныхъ друга вѣка ихъ Писателей. Первый вѣкъ, который Джонсомъ полагается за тысячу лѣтъ сошь и даже болѣе лѣтъ до Рождества Христова, — есть пошь, въ которомъ сочиненные первыи три Veda; ибо послѣдняя Veda по слогу своему очевидно принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей. Языкъ эшихъ Veda, есть изкошораго рода устарѣлый языкъ Санскритскій: здѣсь не встрѣчается пошь особый родъ рима, который приписывается Válmiki, называется *Sloka*, и служитъ обыкновеннымъ основаніемъ для швореній слѣдующаго вѣка. И такъ эти Veda образуютъ отдѣльный періодъ въ Индійской Литературѣ; возможно даже, что онѣ суть произведенія чужія. Но во всякомъ случаѣ, если вѣришь Джонсу, Моисей

и Сочинители книгъ Veda были современниками.

Говорятъ, что около шести сошь лѣтъ до Рождества Христова, Пинегоръ привлеченъ былъ въ Индію славою ея мудрецовъ. Слава сія, далеко распространившаяся на западъ, долженствовала быть основана на молвъ многовѣчной, и это естественнымъ образомъ приводитъ насъ къ заключенію, что вторый вѣкъ Индійской Литературы относился къ эпохѣ весьма древней, къ эпохѣ, въ коей многіе Государи именуются кровнителями знаній, — какъ напр. Djanaka, Kekaya, Lomapáda, Sonaka, Yuddh'stiliira, и братья его Sahadeva и Nacula. Изъ числа произведеній сего втораго вѣка, назову сперва Поэму Пѣвца Válmiki, изобрѣшателя мѣтра Sloka; пошь законы Manu и шворенія древнихъ Философовъ; наконецъ почти все Purána и обширную Поэму стихотворца Vyása. Слогъ эшихъ сочиненій носитъ на себя вообще характеръ одинаковости, который, кажется, показываетъ, что они принадлежатъ къ одной школѣ: по всюду ша же простота, ша же продолжительность, и — должно признаться, часто ша же небрежность въ слогъ. Это мнѣніе подкрѣпляется преданіемъ, повѣшующимъ, что въ замѣну ушраны священныхъ книгъ, Vyása

(и это слово значить *собираетель*) собрал все, что только мог найти удивительного от древних творений, и сделал выбор из древних повествований, составил книги *Pûrana. Bhâgavata*, творение, которое по своему слогу изысканному и своим фразам иногда остроумным, носит в некоторых частях своих напечатание много вкуса, *Bhâgavata* представляешь его делящим между своими учениками труд восстановления национальной Литературы. Вместо этого лица, которое можешь быть вымышленным, предположише общество ученых Брахманов, одушевленное покровительством царя могущественного, каков *Djanamedjaya*, и тогда вам будет понятна огромность труда, для которого силы одного человека кажутся недостаточными. *Djanamedjaya*, сын *Parikshit*, есть лицо, которому рассказывается *Mâhabhârata*. Многим казалось удивительно, что имя его встречается в *Veda*; без сомнения оно включено туда в это уже время признательностию. Как Царь могущественный и друг посвященій, он заслужил эту почесть от Муз Индійских и покровительством, которое оказывал ученым, и величием своего сана. Весьма понятно, что послѣ кровопролитныхъ бореній, раздиравшихъ Ин-

дію при его предшественниках; послѣ такихъ ужасныхъ потрясеній, какія сохранены для памятованія въ *Mâhabhârata*, мудрый Государь долженъ былъ почувствовать необходимость, снова возжечь пламенникъ искусства, попухшій въ войны междоусобныя и чужеземныя. Подобно какъ въ *Ayodhya* (*Oude*) Государи династїи солнечной видали славу свою воспышою *Vâlmiki*, пѣвцомъ могучаго *Râma*, такъ въ столицѣ *Hastinapura* несколько позже *Vyâsa* прославилъ блестящую судьбу династїи луной, въ лицѣ *Ardjuna*. Если это предположеніе справедливо, то имя Государя *Djanamedjaya* можешь служить намъ указаніемъ одного изъ предѣловъ этой Литературной эпохи, ибо онъ существовалъ около тысячи лѣтъ до Рождества Христова (*).

(*) Ученый Гамильтонъ приписываетъ собраніе книгъ *Veda* и *Purana* нѣкому *Vyâsa*, предшественнику *Sânkarâchâryya*, котораго онъ относитъ къ одиннадцатому вѣку, основывая свое мнѣніе на некоторыхъ событіяхъ, упоминаемыхъ въ сихъ книгахъ, и случившихся послѣ начала нашего лѣтосчисленія. Мнѣ кажется, что это обстоятельство можно объяснить обыкновеніемъ добавленій и вставокъ, обыкновеніемъ, общимъ многимъ восточнымъ перипетикамъ.

Незадолго до вѣка Августа, царствовалъ въ Индіи Vicramāditeja, ко времени котораго можно отнести прешій вѣкъ Словесности Индійской. Такимъ образомъ, почти въ одно и то же время, духъ чело-вѣческой на двухъ концахъ міра, разливалъ самое яркое свое блистаніе. Это былъ вѣкъ Djaia-Deva и Горація, Cālidāsa и Виргилія. Подобно Августу, окружавшему себя превосходнѣйшими гениями своего времени, Vicramāditeja призывалъ ко двору своему людей отличнѣйшихъ умомъ и знаніями, и древній городъ страны Avanté, Udjdjayani (Ugecis) узрѣлъ въ сѣбѣ своихъ пошъ славный союзъ *девяти жемчужинъ* — счастливое братство талантовъ, которое наполняетъ Литературную Плеяду Александрійскую. Творенія, принадлежація къ этой эпохѣ, отличающіяся изяществомъ и вкусомъ просвѣщеннымъ. Въ нихъ болѣе ошдѣлки, чѣмъ въ древнихъ, ихъ слогъ разительнѣе, словосочетаніе разнообразнѣе. Около того же времени Царь Māgha собиралъ окрестъ себя Поэтовъ, которыхъ поощрялъ приманкою славы и богатствъ; назначивъ определенную плату за каждый стихъ, онъ издержалъ пятьдесятъ двѣ тысячи восемь сотъ рупій на Поэму о *смерти Sisupāla*, кото-

рую попомство не безъ причины наименовало Поэмою Царя Māgha.

Слѣдя далѣе, Литературу Индійцевъ, въ ея постепенномъ ходѣ, мы болѣе и болѣе замѣнимъ въ ней обычный упадокъ знаній; увидимъ, что обиліе заспущаешь мѣсто силы, что злоупотребленіе оспроумія приводитъ къ изысканности и даже жеманству. Таковъ характеръ нѣкоторыхъ твореній Санскритской Литературы, кои я считаю принадлежащими къ четвертому вѣку. Риема, которая упоотреблялась уже и въ вѣкъ предъидущемъ, сдѣлалась украшеніемъ необходимымъ и до излишества упоотребляемымъ; простилая красота риема благозвучнаго и мѣрнаго уже была неудовлетворительна; захошѣли обольщать слухъ повтореніемъ одинакихъ звуковъ, искусно накапливаемыхъ. Такимъ образомъ весь умъ начали прилагать къ словамъ, а не къ самымъ вещамъ; спали выше цѣнишь составъ фразы, нежели сущность самой мысли. Родная прелестъ древняго стихосочетанія не удовлетворяла вкусу Индійцевъ; они иногда заимствовали чуждыя красоты у Арабовъ и Персовъ. Чтобъ постигнушь то уваженіе, коимъ по видимому на нѣкоторое время пользовалась проза, надобно полагать, что здравый смыслъ націи снова обратился заблуждающаго Сло-

весность къ той простотѣ и естественности, ошъ которой Поэзія стремилась удалиться. Эпошъ переворотъ совершился въ десятомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, въ царствованіе Bhodja, другаго Царя земли Udjdjayanî (Ugecis). И при его дворѣ, были, какъ говорятъ, свои девять жемчужинъ; былъ и свой Cálidasâ, если вѣришь Вильсону; но эти перлы не сіяли уже блескомъ столь же чистымъ, какъ прѣжнія; но эпошъ Cálidasâ не имѣлъ изящнаго вкуса своего предшественника, и можешь быть ему-то должно предоставишь славу сочиненія Поэмы *Nalodaya*. Въ это же время жили Subandhu и Vâna-Bhatta. Bhavabhute почитается современникомъ Cálidasâ, который уважалъ его; но котораго Cálidasâ, древялго или позднѣйшаго? Какъ бы то нибыло, онъ по таланту своему достоинъ жить съ первымъ въ одно время.

Въ слѣдующіе вѣка Индійцы, воюемые оружіемъ чужеземнымъ, переходили ошъ одного властителя къ другому: эпо необходимо должно было имѣть послѣдствіемъ почти конечное испребленіе Литературы національной; и хоша въ наши дни Суашаъ древней Ayodhya печатаешъ на свой счетъ Словарь многошомный, но эпошъ Словарь — Персидскій, и ученія въ немъ —

Магомешанскія. Такъ гибнешъ для обыкновеннаго разговора общественной жизни, эпошъ языкъ древній, который теперь существуетъ еще подъ кровомъ Индійскихъ капищъ. Но образцовыя въ Литературномъ отношеніи творенія его, и нынѣ еще изучаемыя малымъ числомъ Брахмановъ, болѣе посвященныхъ, безъ сомнѣнія не заслуживають пренебреженія ученой Европы.

Предположимъ, что какой нибудь изъ пѣхъ прудолубивыхъ мужей, которые всю жизнь свою посвящаютъ на то, чтобы изъ праха Палимпсестовъ извлекать невѣдомыя сокровища Греческой и Римской древности, возвращая ихъ нашему удивленію; предположимъ, что вдругъ онъ восклицаетъ: вы долго сѣтовали объ управѣ Эпопей Варривыхъ, нѣкогда столь восхваляемыхъ, Элегій Галла, столь не искусно подложенныхъ; драматическихъ стихотвореній знаменитаго Палліона; Философическихъ разсужденій Панетія или Эпикура, знакомыхъ вамъ по одной полько молвъ: мы ихъ отыскали; мы представляемъ ихъ вашему ученому любопытству. Какія восклицанія! какія восторги радости повсюду въ Литературныхъ обществвахъ! Сколько похвалъ счастливцу, открывшему сія сокровища! Съ какою жадностію кинулись бы все на эпошъ

кладъ новообръщенный! За чѣмъ же Писатели Индійскіе, споль долгое время не-
 знаемые и внезапно возвыщенные міру уче-
 ному, за чѣмъ они не достойны бытъ при-
 няты съ такимъ же энтузіазмомъ? За чѣмъ
 они не могутъ бытъ удостоены чести за-
 нятъ мѣсто въ многочисленномъ ряду именъ
 знаменитыхъ, копорыми славится духъ че-
 ловѣческой? Парнасъ, на кошоромъ мы ви-
 димъ соединеннымъ все, что искусства про-
 извели ошличившаго, пусть эшотъ Пар-
 насъ перешанешъ бытъ исключительно
 Европейскимъ; и Музы нашего Запада да
 уступятъ подль себя мѣсто и Минервѣ Гап-
 геса — Индійской Saraswati! (*)

Ш.

Б И О Г А Р Ф И Я

Justum et tenacem propositi virum

Horat.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ
 Графъ А. И. Васильевъ, изъ Можайскихъ
 дворянъ, родился въ С. Пешербургѣ 27 Фев.

(*) Эшо Индійская Богиня наукъ и искусствъ.

раля 1742 года. Оспавшись по смерти ро-
 дителя своего двѣнадцати лѣтъ, воспитанъ
 подль руководствомъ доброй и благоразум-
 ной родительницы Ирины Андреевны Ва-
 сильевой, урожденной Володимеровой, кошо-
 рая сначала давъ ему домашнее воспитаніе,
 записала въ 1754 году въ Юнкерскую шко-
 лу, бывшую при Сенатѣ.

По окончаніи наукъ и по испытаніи
 его въ знаніи законовъ и дѣлопроизводства,
 пожалованъ Прошюколншомъ въ Сенатѣ,
 ошкуда вскорѣ взявъ въ Секретари къ быв-
 шему Генераль-Прокурору А. И. Глѣбову, а
 послѣ него къ бывшему Генераль-Прокурору
 Князю А. А. Вяземскому съ чиномъ Сенат-
 скаго Секретаря. Пошомъ сдѣланъ Прави-
 шелемъ Канцеляріи, а въ 1770 году пожа-
 лованъ въ Оберь-Секретари въ Правитель-
 ствующій Сенатѣ въ бывшую по части
 казенной экспедицію. Въ шеченіе сего вре-
 мени занимался по Коммиссіи Уложенія и
 сосшавилъ по части казенной, сводъ изъ За-
 коновъ ошъ самага начала до 1775 года.

Бывшая шюгда Шшашсъ - Кошшора не
 имѣла вѣрнаго свѣдѣнія о числѣ душъ и о
 Государшвенныхъ доходахъ и расходахъ; на
 него возложено было сосшавленіе Государ-
 ственной окладной книги. Книга сія и по-
 нынѣ служилъ по Министершву Финан-

совь основаніемъ; она поднесена была на Высочайшее утверждение блаженной памяти Государыни Императрицы Екатерины II, за что получилъ онъ въ вѣчное и пошественное владѣніе пристра душъ крестьянъ въ Могилевской Губерніи.

Вскорь занялся онъ учрежденіемъ Государственныхъ по казенному управленію чешырехъ экспедицій; за пригошовленное въ продолженіе сей работы Насавленіе Казеннымъ Палаатамъ, пожалованъ въ 1778 году въ Спашскіе Совѣшники.

Въ 1781 году при ошкрытіи Государственныхъ Экспедицій и уничтоженіи Шпашь-Ковшоры, пожалованъ въ Двѣшшительные Спашскіе Совѣшники и сдѣланъ управляющимъ Экспедиціею для ревизіи Государственныхъ счешовъ, къ кошорой пошомъ присоединены особыя еще Экспедиціи Горная, Винная и Соляная. Въ сіе время установилъ онъ формы для Казенныхъ Палаашъ, какимъ образомъ должны присылать годовые ошчеты, а пошомъ по Экспедиціямъ Горной, Винной и Соляной составилъ формы для присылки вѣдомостей и прочихъ свѣдѣній, и вполнѣ участвовалъ въ ошкрытіи и установленіи Экспедицій; за сіи труды въ 1784 году пожалованъ Кавалеромъ Св.

Равноопоснольнаго Князя Владшміра большаго креша 2 стешени.

По болзнии Князя Вяземскаго докладывалъ Государыни Императрицы, по дѣламъ Государешвеннаго казначея, и въ 1791 году пожалованъ въ Тайные Совѣшники.

Когда Графъ Самойловъ поступилъ на мѣсто Князя Вяземскаго, Графъ Васильевъ сдѣланъ Главнымъ Директоромъ Государешвенной Медицинской Коллегіи, и въ пошь же году вѣлно ему присушешвовашъ въ Сешашъ.

Тогдашнее положеніе дѣлъ сей Коллегіи нашель онъ въ крайнемъ расшройсѣшвъ. Она не въ силахъ была доставляшь Правительешству шшь пособія, какиа ошь нея требовались, какъ въ снабженіи войскъ медикамештами, шпакъ и въ пригошовленіи нужнаго числа знающихъ врачей, и съ шѣмъ вмѣстѣ задолжала разнымъ мѣшамъ и лицамъ до 600,000 рублей.

Шлоды десятишлѣшняго его управленія сею Коллегіею заключаались въ слѣдующемъ:

Уничшоживъ показанный долгъ, уменьшилъ вышнеску иносшранныхъ апшечныхъ матеріаловъ ешгогодно болѣе, нежели на половину прошивъ прешянаго, замѣняа иносшранныя вшупренними произвешеніями.

При хозяйственныхъ его распоряженіяхъ, съ первыхъ лишь начали оказываться по Коллегіи значительные изъ определенныхъ ежегодно суммъ ошпашки.

Чтобы сдѣлать вѣрное исчисленіе, до чего простирались могли шаковыя сбереженія, нужно только принять трудъ, обозрѣвъ оныя въ самомъ ихъ употребленіи. Обширныя зданія: а) На Выборгской сторонѣ, Медико-Хирургической Академіи съ учебными театрами и кабинетами Минеральнымъ, Физическимъ, Химическимъ и Анапомическимъ; б) на Аптекарьскомъ острову, главнаго магазина аптечныхъ матеріаловъ; с) взглянуть на заведеніе Хирургическихъ инструментовъ, до того въ его время усовершенствованное, что при немъ же прекращена выписка шѣхъ инструментовъ изъ чужихъ краевъ; d) на умноженіе Академической библіотеки, и е) на распространеніе и умноженіе новыми расшеніями садовъ ботаническихъ. Все сіе безъ всякаго ошъ казны денежнаго пособія совершено изъ сохраненныхъ имъ ошпашковъ.

Сверхъ того: во время управленія его Медицинскою частію, учреждены по Губерніямъ Врачебныя Управы, и для самой Медицинской Коллегіи изданы новыя шпашы.

Вновь составлены для шпашковъ и флотшпашъ и разряды, и самая Врачебная наука получила обширнѣйшій кругъ дѣйствія, прибавленіемъ въ новыхъ шпашахъ Физики, Математики, Фармаціи и Практической Клиники для внутреннихъ и наружныхъ болѣзней.

По возшествіи на престолъ Государя Императора Павла Петровича, сдѣланъ въ 1796 году Государственнымъ Казначеемъ и Членомъ Государственнаго Совѣща; получилъ Орденъ Св. Анны 1 класса. Въ 1797 году, при коронаціи, Всемилостивѣйше пожаловано ему въ вѣчное и попомшвенное владѣніе 2000 душъ въ Сарашовской Губерніи, въ то же время Баронское достоинство и Орденъ Св. Александра Невскаго; 12 Декабря 1797 года, пожалованъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣщники; въ 1799 году получилъ Орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и попомъ Командоршвенный Орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Въ сіе время, онъ первый положилъ основаніе, какимъ образомъ подавань ежегодно смѣшны о доходахъ и расходахъ, и годовые ошченны; формы, для сего имъ составленныя, крапки и удобны, а до того времени, составлялись обширныя смѣшны, годовые жъ ошченны во все не были подавае-

мы; заведя Бухгалтерію, сообразную съ ходомъ дѣлъ тогдашняго времени, учредилъ Придворныхъ Банкировъ и при нихъ Контролера, снабдилъ ихъ Инструкцію и часши сію поставилъ въ такое положеніе, что казна, при вѣдѣніи Государственныхъ переводахъ, вполне была обезпечена съ видимою при томъ для нея пользою.

Въ концѣ 1800 года ошъ всѣхъ должностей уволенъ.

При возшествіи на престолъ въ бозѣ опочившаго Государя Императора Александра Павловича, въ 1801 году введенъ во всѣ должности, прежде имъ занимаемыя; а въ день коронаціи удостоился получить Графское достоинство.

Въ 1802 году, съ Учрежденіемъ Министерствъ, вѣльно бысть ему Министромъ Финансовъ.

Не участвуя въ предположеніяхъ сего Учрежденія, въ послѣдствіи, когда оно состоялось, нарочито способствовалъ въ починъ распредѣленіи дѣлъ прежнихъ Государственныхъ управленій, назначеніемъ для оныхъ надлежащаго мѣста въ новыхъ Министерствахъ. Въ 1806 году, удостоился ошъ получить Орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра большаго креста 1 степени.

Съ Министерствомъ Финансовъ, принявъ въ свое вѣдѣніе Государственные Баанки, Заемный и Ассигнаціонный, распространилъ, по примѣру Санктпетербургской, Ученныя Конторы, съ изданіемъ новаго для нихъ Устава по городамъ, гдѣ торговля и промышленность преимущественно того требовали. Въ сіе же время, часши Винная, Горная и Лѣсная, снабжены имъ полезными постановленіями.

Сверхъ того, былъ Членомъ многихъ Комитетовъ, кончившихъ съ пользою порученное. Въ важнѣйшемъ изъ нихъ, о разборѣ долговъ Короля и республики Польскихъ, съ 1797 года до закрытія онаго Комитета, главнѣйше руководствовалъ его дѣйствіями. Удостоенный довѣренностію Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, призванъ былъ Ея Величествомъ къ соучастію въ вѣдѣніи по Совѣту Общества благородныхъ дѣвицъ.

Скончался на 66 году жизни своей въ 15 день Августа 1807 года, скоропостижно ошъ апоплексіи. (Въ концѣ прилагается копія съ Высочайшаго Указа, даннаго Правительствующему Сенату по его кончинѣ, какъ памятникъ, достойный Государя правосуднаго и признательнаго къ заслугамъ и добродѣтелямъ подданнаго.)

Съ малолѣтства приобученный къ трудамъ, въ зрѣломъ возрастѣ умѣлъ онъ обработать ихъ въ необходимую для души своей пошребность. Самая старость, ослабивъ шѣлесныя силы его, не могла ослабить привычки и, можно сказать, спраси его къ занятиямъ, коихъ первымъ предлогомъ было всегда исполненіе возложенныхъ на него должностей и первую цѣлю — польза службы; ошальное за шѣмъ, весьма не многое время, посвящала онъ чшенію. Въ семь отношеніи, вся жизнь его до послѣдняго ея предѣла представляла современному наблюдателю рѣдко встрѣчаемое единообразіе (*).

Одаренный умомъ проицательнымъ отъ природы, правильнымъ отъ непрерывнаго размышленія и упражненія, онъ приобрѣлъ отличную способность скоро обнимать

(*) Уволенный въ концѣ 1800 года отъ всѣхъ дѣлъ, до Февраля слѣдующаго года, былъ еще онъ занятъ сочиненіемъ отчета въ 4 годичномъ управленіи его Государственными доходами; но по опривленіи сего отчета, на другой день въ первые часы утра замѣтили въ немъ необыкновенное замѣшательство. Вскоръ однако жъ увидѣли его пишущаго съ лицомъ спокойнымъ и веселымъ. Любопытство побудило узнать, чѣмъ онъ нашелъ заняться? это была переписанный имъ на было шѣательно рукою Псаломъ: „Живий въ помощи Вышняго.“

разсмашриваемые даже новые для него предметы со всѣми къ нимъ прикосновенностями, и заключенія изъ того извлекашъ ясныя, здравыя и къ желаемой цѣли ведущія.

Съ сими единственно способами, не опираясь на знаменитость происхождения, не упошребляя собствениаго своего исканія, едва ли для него самаго примѣнно, дошелъ на поприщѣ службы до первыхъ степеней въ Государствѣ.

Главнѣйшія черты характера его составляли: трудолюбіе, духъ бережливости, безприсипрасніе и скромность.

Вѣрное исчисленіе трудовъ его по должностямъ, кои опиривала онъ, почти неудобовозможно; Архивы мѣспъ, бывшихъ подъ его ведомствомъ, наполнены его рукописями; время присутствія его въ Сенатѣ не въ однихъ совѣщаніяхъ пропекало; важнѣйшія рѣшенія или собствениоручно имъ излагались, или писаны по его диктованію. Рѣшенія сіи отличаются ясностью и опредѣлительностью, для исполнителей всегда удобными.

Онъ любилъ, и часто говаривалъ, что любилъ *видѣть конецъ въ дѣль*, но наконецъ въ досподолжномъ значеніи его. Однажды продолжали слушать давно начатое дѣло; одинъ изъ Членовъ, обратясь къ нему, ска-

заль, что онъ желалъ бы дойти до началъ въ этомъ дѣлѣ, „а я,“ ошвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ непернѣимъ: „хотѣлъ бы скорѣе довести его до пяти.“

Въ управленіи Государственными доходами, вмѣнялъ онъ себя въ обязанность руководствоваться болѣе правилами бережливости, нежели стремленіемъ возвышать ихъ; болѣе постояннымъ стараніемъ объ усовершенствованіи прежняго, нежели о введеніи новаго.

Неусыпное его наблюденіе за малѣйшими въ Финансахъ подробностями, приносило хотя поздніе и непримѣтные, но всегда вѣрные плоды.

Въ послѣднія девять лѣтъ дѣятельной его жизни, Россія имѣла съ 1805 до половины 1807 года съ Французами войну, требовавшую весьма значительныхъ чрезвычайныхъ издержекъ; съ удовольствіемъ ихъ однако же прибавка въ налогахъ и подажахъ сопряжена не была; курсъ послѣ того остался почти въ томъ же положеніи, какъ былъ и въ мирное время, и важнѣйшіе предметы народнаго продовольствія, на попеченіи Правительства лежавшіе, соль и вино, ни сколько цѣною не возвышены (*).

(*). Соль продавалась по 40 к. пудъ; вино по 4 р. ведро.

Особенно достойны примѣчанія отношенія къ его подчиненнымъ. Прощедъ на самомъ опытѣ всѣ степени службы, зналъ онъ обязанности, присвоенныя каждой; способности и знанія для каждой потребныя; былъ сообразно съ нѣмъ взыскашелемъ, насстойчивъ; по спрогъ былъ только къ самому себѣ. Не было въ вѣдомствѣ его шнашнаго чиновника, котораго бы онъ не зналъ. Сіе-то знаніе доставляло ему вѣрный способъ наименѣе ошибаться въ выборѣ людей, коихъ по временамъ употреблялъ онъ въ важныхъ случаяхъ, и всѣ они всегда находили въ немъ покровителя и вѣрнаго защитника. Едва ли можно привести болѣе одного случая, въ которомъ вынужденъ онъ нашедся удалити онъ должности подвѣдомственнаго ему чиновника.

Доступъ къ нему вообще для всѣхъ былъ свободенъ, особенно же для приходившихъ съ дѣлами чиновниковъ, безъ назначенія дней и часовъ, во всякое время. При спешеніи многихъ, начиналъ онъ работать преимущественно съ нѣмъ, у кого дѣла были важнѣе; упрямъ, въ скромномъ своемъ кабинетѣ, послѣ обѣда въ госпитной, въ присудствіи семейства и гостей; занимаясь и дѣломъ и гостями, не привлекая ни мало любопытства ихъ къ своему занятію. Между

дѣльцемъ и дѣломъ, послѣднее брало все его вниманіе; весьма часто случалось, что прочишавъ, подписывалъ и возвращалъ бумаги производителю, не сказавъ ему ни одного слова; но отдавая дѣла, сопровождалъ шакимъ крошкимъ и непринужденнымъ въ чертахъ лица его добродушіемъ, что безмолвія его никто не промѣнялъ бы на самую лестную похвалу.

Рѣдко видали его сердитымъ прошивъ подчиненнаго; одна явная неблагонамѣренность послѣдняго, могла возбуждать въ немъ полное негодованіе; впрочемъ при всей зыскаштельности своей за упущеніе порядка въ дѣлѣ, замедленіе и проч. виновный не слышалъ отъ него упрека чувствительнѣе того, кошорый обыкновенно заключался въ привычныхъ ему словахъ: „*непрогивайся и позволь себѣ сказать,*“ и только въ крайней мѣрѣ прибавлялъ: „*изъ рукъ вонъ.*“

Къ прошивурѣчіямъ по дѣламъ былъ онъ, можно сказать, болѣе, нежели великодушенъ; онъ любилъ слушать возраженія, основанныя на ясныхъ доказательствахъ и шопъ, кто убѣдилъ его въ истинѣ, могъ бышъ смѣло увѣрять въ приращеніи начальническаго къ себѣ вниманія и уваженія. Каждому отдавалъ онъ должную справедливость и чуждъ былъ всякаго себѣ присвоенія.

Достойная вѣчной признательности черта въ немъ была: отеческое шерпнѣе въ пригошовленіи молодыхъ людей, малочисленную канцелярію его составлявшихъ. — Онъ принималъ къ себѣ шѣхъ, кои шолько что оканчивали воспитаніе въ Училищахъ и Университетахъ съ шѣмъ, чшобы снова начать ихъ воспитаніе для службы. Кто вспомнишь переходъ изъ классовъ въ канцелярію, шопъ не можешь не сознаться, что первое время, годъ и болѣе, все въ гражданской службѣ кажется для новичка и мало важно, и дико, и неудобопоняшно, для самаго дѣла мало успѣшно, для начальника неудоблшворительно. При всѣхъ однако же важныхъ его занятіяхъ, никогда не обременялся онъ пошшенно исправлять неопышность; и заботливостию, вразумленіями успѣвалъ образовать молодаго человѣка въ короткое время годнымъ къ отправленію какой-либо должности.

Слогъ его былъ проспъ, крашокъ и ясенъ. Силу значенія слова предпочишала красивости, не всегда чуждой празднословія. Въ бумагахъ имъ написанной, сохранено все приличіе; не найдешь выраженія излишняго и едва ли замѣнишь имъ упошребленное другимъ равно сильнымъ. Слогъ его мо-

жесть служилъ образцомъ для дѣловаго чело-
вѣка.

Двадцать лѣтъ въ семь году прошло,
какъ не спало сего отличнаго мужа, вѣрою
и правдою, и всѣми силами своими послу-
жившаго Престолу и Отечеству.

Нигдѣ однако же по сіе время для вос-
помянутаго соотечественниковъ, не сообщено
публикѣ его жизнеописанія. Прочтя сіе, хо-
тя и слабое начертаніе онаго, кно не ска-
жемъ вмѣстѣ съ Г. Р. Державинымъ :

Я радъ отечества блаженству;
Дай больше, Небо! — шаковыхъ.

К о п и я.

Указъ Его Императорскаго Вели-
чества Самодержца Всероссійскаго изъ Пра-
вительствующаго Сенаша Господину Тай-
ному Совѣннику, Сенашору, Государствен-
ному Казначею и Кавалеру Ѳедору Алексан-
дровичу Годубцову. По Имлинному Его Им-
ператорскаго Величества Высочайшему
Указу, данному Правительствующему Сена-
шу сего Августа въ 18 день, за собственноруч-
нымъ Его Величества подписаніемъ,
въ кошоромъ изображено: „въ 15 день сего
мѣсяца, къ крайнему прискорбію Нашему
смершь прекратила посвященную болѣе 50

лѣтъ службъ отечества, жизнь Нашего Дѣй-
ствительнаго Тайнаго Совѣнника и Мини-
стра Финансовъ Графа Васильева. Неупо-
мятая дѣлательность, ревностнѣйшее усер-
діе къ пользамъ отечества и особенныя спо-
собности и знаніе въ дѣлахъ Государствен-
ныхъ, доспойно возвели его съ начальныхъ
степеней службы до управленія одною изъ
важнѣйшихъ частей Государственного Хо-
зяйства, и въ самомъ образованіи и устрой-
еніи коей, имѣлъ онъ ближайшее участіе въ
царствованіи блаженной памяти Бабки На-
шей Государыни Императрицы Екате-
рины II. Со вступленія на престоль въ
Бозѣ почивающаго Родителя Нашего и въ
царствованіе Наше, управляя всѣми отрас-
лями Государственныхъ доходовъ и расхо-
довъ, неусыльными трудами своими, содер-
жалъ онъ многосложную часть сію не только
въ спрожайшемъ порядкѣ и цѣлости, но
со времени образованія Министерствъ, вновь
усирилъ ввѣренный управленію его Депар-
таментъ, присовокупя къ оному новые ис-
точники доходовъ: и въ самыя трудныя
времена при чрезвычайныхъ Государствен-
ныхъ нуждахъ, благоразуміемъ и опытно-
стію своею избиралъ наилучшіе способы къ
исправленію всѣхъ оборотовъ, къ его части
принадлежащихъ, содѣйствовали штъ къ

облегченію важнѣйшихъ предпріяній, къ пользѣ и славѣ отечества обращенныхъ. Сверхъ шаковыхъ достоинствъ и заслугъ Государственнаго челоѣка, представлялъ онъ собою въ домашней жизни примѣръ добродѣтельнаго гражданина; и по всемъ симъ отношеніямъ, пріобрѣтшимъ ему всеобщее уваженіе, и Наше особенное благоволеніе и довѣренность, заслуживаетъ онъ пребыть въ памяти признательнаго отечества. Ошдавая сей долгъ Нашей благодарности къ шаковымъ заслугамъ, желаемъ Мы, чшобъ имя его сохранилось въ попомствѣ, и сообразно прошенію покойнаго, Всемилостивѣйше жалуемъ родному племяннику его, Кавалергардскаго полка Ротмистру Владиміру Васильеву, Графское достоинство Всероссийской Имперіи, наследственно и вѣчно, на что Правительствующій Сенатъ загошвишь и поднесетъ къ Нашему подписанію дипломъ. Супругъ же покойнаго, Графиня Варваръ Васильевой, Всемилостивѣйше поведъбаемъ производишь по жизни ея полное жалованье и сподовыя деньги мужа ея. Правительствующій Сенатъ Приказали: Сіе Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, Ротмистру Графу Владиміру Васильеву объявишь въ Сенатѣ; загошвление же на пожалованное

ему Графское достоинство диплома для поднесенія къ Высочайшему Его Императорскаго Величества подписанію, предоспавишь Герольдин, и о томъ въ оную дашь съ опредѣленія копию; а произвожденіе супругъ покойнаго Господина Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Министра Финансовъ и Кавалера, Графа Алексѣя Ивановича Васильева, Графиня Варваръ, по жизни ея полнаго жалованья и сподовыхъ денегъ, предоспавишь распоряженію вашему Господина Тайнаго Совѣтника и Кавалера, и о томъ къ вамъ послать Указъ. Августа 28 дня 1807 года. — Подлинный подписалъ, Оберъ-Секретарь Іосифъ Коржевскій, скрѣпилъ, въ должности Секретаря Ѳедоръ Токаревъ, справиль, Тишудлярный Совѣтникъ Михайло Ильинъ.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Прогулка Ватертона по некоторымъ областямъ Южной Америки и Соединенныхъ Штатовъ.

(Окончаніе.)

Въ Естественной Исторіи, конечно, всего занимательнѣе и наиболѣе заслуживающъ любопытства, различныя дѣйствія ядовъ на составъ животныхъ, а потому насъ весьма поразила ученая классификація сихъ дѣятельныхъ способовъ, начертанная Докторомъ Пари (Paris), въ послѣднемъ изданіи его *Фармакологіи*, сочиненіи, которое, по многимъ отношеніямъ, достойно великаго уваженія. Онъ раздѣляетъ всѣ яды на четыре разряда: къ первому описаны тѣ, кои дѣйствуютъ чрезъ нервы, не всасываясь и не производя мѣстнаго воспаленія. Сей разрядъ дѣлится еще на двѣ части, изъ коихъ одна заключаетъ въ себѣ яды, подавляющіе первую систему ослабленіемъ дыхательныхъ мышцъ и удушеніемъ; а другая содержитъ дѣйствующіе на сердце и умерщвляющіе обмороками. Во второмъ раз-

рядѣ Доктора Пари, описаны яды, дѣйствующіе путемъ кровообращенія, и очевидно сюда принадлежишь ядъ *сурара* или *сурати*; онъ, кажется, входитъ въ систему кровообращенія посредствомъ вены, а не чрезъ всасывающіе сосуды, какъ то предполагающъ. Это весьма убѣдительно доказано опытами Г. Броди (Brodie), въ Философическихъ запискахъ Лондонскаго ученаго Общества 1811 года. Онъ перевязалъ грудной протокъ собакъ, нѣсколько выше соединенія его съ кровеносными жилами; и ядъ *сурара*, приложенный попомъ къ ранѣ, нарязанной на заднемъ проходѣ, дѣйствовалъ съ обыкновенною силою. По вскрытіи шѣла, увѣрились однако, что сообщеніе было совершенно прервано въ грудномъ протокѣ. При другомъ опытѣ, *сурара* была приложена къ нижней оконечности и члѣпъ перевязанъ былъ крѣпко, чтобы пресѣчь сообщеніе посредствомъ кровяныхъ сосудовъ; но животное не ощущало обыкновенныхъ дѣйствій сего яда и нечувствовало никакой боли. Это доказываетъ, что *сурара* вбирается въ вены и доходитъ до мозга, который по этой причинѣ, страдаетъ неспособнымъ сообщить потребную степень нервнаго вліянія на дыхательныя мышцы, отъ чего животное прежде выпускаетъ духъ

въ сильномъ обморокъ. Но какъ сердце оспается невредимымъ, если дѣйствіе легкихъ будетъ поддерживаемо искусственными средствами, то и животное можешь быть спасено. Опышь, сдѣланный Г. Орфилою (Orfila), и въ кошоромъ спасли животное отъ смерти, вдуваніемъ лекарства въ легкія, подтвердилъ справедливость сего мнѣнія. Г. Вашершонъ, кажешся, зналъ о такомъ средствѣ, ибо полагаешь вдуваніе лекарства въ легкія, въ числѣ прошиводій; вообще всѣ его опыты и личныя наблюденія клоняются къ подкрѣпленію бывшихъ уже мнѣній о свойствѣ сего яда. Въ щрешьемъ разрядѣ, Докшоръ Пари помѣщаешь нѣшь только яды, кои входяшь въ кровообращеніе, и которые дѣйствуюшь исключительно на мозжечокъ въ позвонкахъ, не заражая прямо мозгового опшравленія. Животное, опшравленное такимъ образомъ, погибло въ конвульсіяхъ судорожныхъ. Къ сему-то опдѣленію принадлежишь сполько извѣстный ядъ, привозимый съ острова Явы. Четвертый разрядъ ядовъ Докшора Пари содержишь всѣ эссенціи ядкія, разспраивающія кишечную шрубую, и умерщвляющія, производя въ ней воспаленіе и аншоново огонь.

Но обратимся къ *вурали*. Въ глуши пущынь Демерарскихъ и Эссекебо, гово-

ришь Г. Вашершонъ, удаленныхъ отъ всѣхъ Европейскихъ поселеній, обитаешь одно племя Индійцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Макуши* (Macouchi). Хотя всѣ дикіе, живущіе между рѣками Амазонскою и Ореокомъ, дѣлають употребленіе изъ вурали, однако Макуши знають средство придавань ей особенную силу. А посему дикіе изъ Ріо-Негро, коимъ довольно извѣстно искусство онаго племени по сей часши, приходяшь въ обитаемыя имъ пущыни, покупаешь означенное произведеніе. Много было говорено о чрезвычайныхъ его дѣйствіяхъ. Нѣкошорые ушверждають, что они совершалась почти въ мгновеніе ока, по впущеніи въ кровь самой малой часшицы шого яда; другіе же опзываются, что они никакъ не могли умертвить животного, шолциною въ человекъ. Первые однако ошибающся, доврять слишкомъ обманчивымъ расказамъ.“

Г. Вашершонъ присовокупляешь, что не должно легко вѣрнись всему, что Индійцы разглашають о вурали, и въ доказательство шого, сколько они увеличивають его силу, сообщаешь расказъ нѣкогого Макуши, кошорый будшо бы видѣлъ въ сраженіи человекъ, умерщвленного однимъ прикосновеніемъ стрѣлы, намазанной ядомъ; но по другимъ слухамъ извѣстно, что сердце

того человека было пробило стрѣлою напродежь. Равнымъ образомъ увѣренія, что сей ядъ найденъ недоспащочнымъ для умерщвления живошнихъ, величиною съ человека, показываютъ, что слабо намазывали онымъ стрѣлы, или дѣлали опыты надъ ядомъ, гораздо низшаго достоинства. Кажется, что сырость производитъ пльсень въ ядѣ, который будучи подобнаго качества, осанавливается на пльѣ и не проникаетъ со стрѣлою.

Мы увидимъ шеперь, какимъ образомъ изгопвляется *еурали*. Вѣроятно, что призмываемыя къ оному составныя части, не увеличиваютъ его силы, а придаютъ только ужасному сему составу видъ нѣкотораго волшебнаго очарованія.

Индіецъ, приступая къ составленію яда, сперва собираетъ въ своихъ пустыняхъ растеніе, похожее на виноградъ и называемое *еурали*. Отъ его-то ягодъ, оны заимствуютъ свое имя и получаютъ свою силу. Зашѣлъ, достаетъ оны весьма горькій корень; послѣ, два рода луковичныхъ растеній, заключающихъ въ себѣ сокъ зеленешавый и клейкій. Наконецъ, оныскиваетъ въ лѣсу муравьевъ двухъ породъ: одни изъ нихъ бываютъ черныя и очень шолстые, коихъ угрызеніе столь ядовито, что

причиняетъ лихорадку. Другіе красныя и небольшіе, жаяшь, какъ иглою и кладутъ гвздо свое подъ кустомъ. Въ сей составъ примышляется оны также извѣстное качество самаго крѣпкаго Индійскаго перцу, который разводитъ оны для сего вокругъ своей хижины и потомъ прибавляетъ гтуда нѣсколько испершихъ зубовъ змѣй *лабарри* и *кунакуши* (*labarri et coupacouchi*), кои держитъ оны въ запасъ; ибо всякой разъ, когда убьешь змью, оны испоргаешь у нее зубы для сбереженія. Всю эту смѣсь оны ставитъ попомъ на огонь, и когда закипитъ, Индіецъ вливаетъ гтуда, сколько нужно, новаго настоя пльхъ же ягодъ *еурали*, и снимаетъ пльну листкомъ. Сей взваръ ославляетъ на огнѣ, пока оны не превратится въ густую пашоку темнокоричневаго цвѣша. Когда же наконецъ сгустится, шо обмакиваетъ въ него стрѣлы, для испшанія силы онаго. Если имѣешь уже досташочную степень ядовитости, шо сливаетъ ее въ лебольшой Индійской рабонш сосудъ, который покрываетъ двумя листками и кускомъ кожи дикой козы и завязываетъ веревкою. Сосудъ сей прячетъ въ хижинѣ въ самомъ сухомъ мѣстѣ, и по временамъ ставитъ на огонь, для уничтоженія сырости.

Взглянемъ теперь на дѣйствіе сего яда. По словамъ нашего Сочинителя, онъ пошчасъ умерщвляетъ, но безъ всякой боли. Оправленное онымъ животное впадаетъ въ нѣкоторый родъ мертвеннаго сна. Урали дѣйствуетъ такъ тихо, что больной, кажется, не ощущаетъ другаго мученія, кромѣ мгновенной боли, при пораженіи его спрыблю.

„Мы пробовали онаго силу, говоритъ Г. Вагнеронъ, на собакъ средняго росту, сдѣлавъ ей на бедрѣ рану, чтобы не заразить ни одной изъ жизненныхъ частей. Черезъ три или четыре минуты почувствована она дѣйствіе яда; она обнюхивала все, что ни окружало ее на землѣ, и смотрѣла приспально на уязвленное мѣсто. Вскорѣ пошомъ она закачалась, послѣ чего прилегла и уже не всакала. Она задала одинъ шолько разъ, но, казалось, не чувствуя боли. Визги ея были слабы и глухи и вскорѣ совершенно пошеряла голосъ. Она положила голову между четырьмя лапами, пошомъ приподнявъ ее немного, снова опустила на шпорону. Глаза ее сдѣлались неподвижны и, ошъ времени до времени, въ оконечностяхъ замѣшны были судорожныя движенія. Когда она слегла, шо бѣненіе сердца попеременно или ошанавдшвалоь, или дѣдалось сильнѣе

и скорѣе; но пульсы продолжали еще биться, хошя и слабо, между шѣмъ, какъ въ прочіе органы, по видимому, находились въ оцѣпѣншіи.

„При упомянутомъ случаѣ, жизнь, казалась, хошя нѣсколько боролась съ смершію; но въ приводимомъ ниже сего, животное околѣло безъ судорожныхъ движеній, безъ всякаго крику и шона. Сіе животное было *Ай* или *Тихоходъ* о шрехъ пальцахъ, принадлежавшій одному любителю, кошорый сосшавлялъ коллекцію для Ешественной Ишпоріи. Онъ хошѣлъ его умершвишь, чтобы сняшь съ него кожу; и ему присовѣшвали употребить для сего ядъ *урали*.

„Изъ всѣхъ животныхъ, не исключая чѣрепахи и лягушки, *Тихоходъ*, по видимому, шоль худо сложенный, живущъ болѣе прочихъ. Онъ существуетъ долго по полученіи ранъ, смершносныхъ для всякаго другаго животного; и если случится видѣшь *Тихохода* весьма шяжело проспрыбленнаго, шо, кажется, что жизнь ошпориваетъ у смерти каждый дюймъ его шѣла.

„*Аю* сдѣлана была рана на ногъ и его положили на землѣ, недалеко ошъ шола; однако онъ приползъ и прицѣпился къ его ногкѣ, какъ бы желая шуда взлѣшъ; но это было послѣднее его усиліе. Жизнь ис-

чезала быстро, хотя и безъ боли, и сіе живошное, одаренное ошъ природы способностію переносить разные смертоносные случаи, не могло устоять противъ дѣйствія урада.

„Сперва одна нога потеряла силу и повисла безъ всякаго движенія. Вскорѣ и другая опустилась такимъ же образомъ. Когда обѣ переднія ноги потеряли крѣпость, все его шудовище согнулось, и онъ склонилъ голову къ заднимъ лапамъ, кои держались еще за споль. Но коль скоро ядъ коснулся уже сихъ послѣднихъ, онъ скачился на землю, по шакъ шихо, что если бы вы не знали обѣ уязвленія его ядовитою сирѣлою, то никогда не повѣрили бы, что онъ при послѣднемъ издыханіи. Ротъ его былъ закрытъ и не было на немъ ни пѣны, ни слюны. Онъ не имѣлъ никакой *subsultus tendit* и никакого расстройства въ своемъ дыханіи. Черезъ десять минутъ по полученіи раны, онъ сдѣлалъ нѣкоторое движеніе, и вслѣдъ за шьмъ послѣдняя искра жизни угасла.

„Когда ядъ началъ дѣйствовать, шо подумали, что онъ впалъ въ безпробудный сонъ, и хотѣли было воскликнуть: *Pressitque*

jacentem dulcis et alta quies, placidaeque simillima morti (*).

„Вошь два неоспоримыхъ доказательствъ дѣйствій сего страшнаго яда, смерть собаки и шихохода. Но какъ ни одно изъ сихъ живошныхъ не было значительнаго росшу, шо по сему можно бы было сомнѣваться въ его вліяніи на живошныхъ гораздо большей величины безъ опына, нами здѣсь приводимаго.

„Огромный быкъ, вѣсомъ около тысячи фуншовъ, привязанъ былъ къ столбу на довольно длинной веревкѣ, дававшей ему свободу ходить взадъ и впередъ. Въ него пущены были шри сирѣлы, изъ коихъ двѣ прошли сквозь его ноздри.

„Ядъ подѣйствовалъ черезъ четыре минуты. Почувшовавъ какъ бы нѣкоторое безсиліе, быкъ спалъ держанься на ногахъ крѣпче и оставался около четверти часа неподвиженъ. Онъ обнюхалъ пошомъ землю и, сдѣлавъ шагъ или два, зашашался и повалился на бокъ. Глаза его, бывшіе за нѣсколько минутъ свѣшлыми, стали неподвижны и мушны, и хотя махали надъ ними.

(*) Лежащаго пріосѣнилъ сладкій и глубокій покой, весьма походяій на шихую смерть.

близко рукою, какъ бы желая его ударить, однако рѣсницы его нисколько не мигали.

„Ноги его находились въ судорожномъ положеніи, и ошь времени до времени, голова его невольнo подымалась къверху; дыханіе его сдѣлалось шруднѣе и роть наполнился пѣною. Судорожное сжиманіе нервовъ ослабвало мало по малу; заднія части позвоночника свою силу, и чрезъ двѣ минуты голова его и переднія ноги уже не двигались. Ничто не показывало въ немъ жизни, кромѣ біенія сердца, поспешенно уменьшавшагося. Спустиа двадцать пять минушь, послѣ нанесенія ранъ, исчезли въ немъ и послѣдніе признаки жизни. Мясо его было очень мягко и вкусно.“

Индійцы упошребляють *вурали* въ маломъ количествѣ, ошправляясь на охоту; эшимъ-шо сосавомъ намазываютъ они стрѣлы, пуцаемыя ими изъ *сарбакановъ* (*) Сіе просное, но спрашное орудіе испребленія, описано нашимъ пушешественикомъ весьма подробно; оно дѣлается изъ пущаго просника, длиною около десяти фушовъ, въ кошорый вкладываютъ стрѣлу.

„Смошрише, говоритъ Г. Вашершонъ, на Индійца Макуши, съ колчаномъ на плече,

(*) Родъ пищали.

чь, наполненнымъ ядовитыми стрѣлами и съ сарбаканомъ въ рукахъ, идущаго въ лѣсъ для ошысканія *маруди* (*maroudis*), *варакано* (*waracabos*) и другихъ птицъ, упошребляемыхъ имъ въ пищу.

„Сіи птицы садятся, вообще, на самыхъ густыхъ и высокихъ деревьяхъ, но шакъ, что Индеецъ можетъ досягать стрѣлою; ибо сарбаканъ бросаетъ оную на шришпа фушовъ вверхъ. Молчаливъ, какъ полночь, онъ прокрадывается въ лѣсъ и подходитъ шакъ оспорожно, что даже листья не шумятъ подъ его ногами. Онъ прислушивается къ малѣйшему шороху, и зоркіе глаза его, подобно рысьимъ, ошкрываютъ добычу въ самой глубокой тѣни вѣшвей. Чашо подражаетъ онъ голосу птицъ, и сею хитростію, заславаяетъ ихъ перелеташъ съ одного дерева на другое, пока онъ не усадунся въ выгодномъ для него положеніи. Тогда, взявъ намазанную ядомъ стрѣлу, влагаетъ въ сарбаканъ, и собравшись съ духомъ, пускаетъ ее.

„Въ концѣ двухъфушоваго швола утверждены два *Акуриные* зуба (*) для цѣли. Стрѣла выскакиваетъ, летитъ безъ шума и весьма рѣдко даетъ промахъ. Иногда под-

(*) *Acouri* звѣрокъ.

спрѣдленная птица оспашеся на деревѣ около прехъ минушь, и потомъ падаешъ къ ногамъ охотника. Если же она и слешшь, шо развѣ на небольшое пространство, и Индѣецъ, сдѣла за нею, навѣрное найдетъ ее мертвою. Какъ бы ни была легка язва, шо вуралл очень скоро сообщается съ кровью и шѣлсною влагою. Хопя раненная птица оспашеся на мѣстѣ, вообще, при минушъ, пока не почувствуешъ конвульсій, однако она впадаешъ немедленно въ нѣкошорый родъ ошмѣннй, кошорое обнаруживаешся нежеланіемъ сдѣлашь какое-либо движеніе.

„Однажды достали мы большую курицу, и чшобы не разспроишь ее раною, вонзили ей за кожу кончикъ спрѣлы, напоенной ядомъ. Въ продолженіе первой минушъ она ходила, шо тихо, и казалось ни сколько не шревожилась. Во вторую же, ошпановилась и начала клевашъ землю. Хвощъ и крылья ея повисли почти до земли. Въ концѣ шрешней минушъ, она легла, не въ силахъ будучи держашъ прямо голову, кошорую шо наклоняла, шо подымала вверхъ, шо ошашъ болѣе опускала, подобно упомишшемуся путешественнику, дремлющему споща. Глаза ея ошкрывались и смыкались попеременно. Она почувшвовала конвульсії въ

четвертую минушу, и жизнь ея кончилась на пятой.“

Моженъ бышь сш опыты покажутся несогласными съ человеклоубіемъ, приписываемымъ нашему путешественнику. Но пошщоряемъ, не должно теряшь изъ виду, чшо Г. Вашершонъ ешъ натуралистъ, и чшо благорасположеніе его къ живымъ произведеніямъ природы, устушаешъ иногда желанію проникнушь ея шайны.

Здѣсь мы ошпановимся. Если бы мы признали за нужное указашь и недоспащкш въ шакой книгѣ, въ коей заключаешся спощько хорошаго, шо довольно привешш одно мѣшшо, гдѣ Г. Вашершонъ поздравляешъ себя: „что успѣлъ безсловеснымъ тварямъ придать ишчто человекское.“ Сочинишель, говоря шакимъ образомъ, разумѣешъ рисунокъ, помѣщеннй въ началѣ его повѣшщиванія и представляющій голову, кошорую легко почешъ можно за спараго Греческаго разбойника или Турецкаго Пашу, шо кошорая въ самомъ дѣлѣ ешъ голова обезьяны, у коей носъ и подбородокъ вышшинушъ, а рошъ сжашъ. По нашему мнѣншю, шакковыя превращенія ни сколько не дѣлающъ чешшш ихъ виновнику. Г. Вашершонъ присовокупляешъ, чшо, пригошвляя извѣстншхъ чешвероногихъ для своего кабинета,

онъ успѣлъ дать имъ, или образъ восмидесятилѣтняго старца, или видъ молодого человека въ цвѣтущемъ возрастѣ; или же удалось ему напечатать на лицѣ характеръ благородства, между тѣмъ, какъ вся нижняя часть онаго, сохраняла видъ коварной обезьяны. Все сіи превращенія вмѣсто того, чтобы содѣйствовать лучшему познанію Естественной Исторіи, весьма для нея вредны. Сіи плоды насилія суть того же рода, кои побудили Доктора Шева (Shaw) опровергнуть съ презрѣніемъ, какъ бы нѣкое дурачество, представленный ему *первый видъ* (specimen) страннаго четвероногаго съ ушнымъ носомъ, которое названо: *Ornithorynchus paradoxus*. По чему и просимъ Г. Вапертона, при второмъ изданіи *Прогулокъ своихъ*, выбросить означенный рисунокъ, какъ недостойный такого превосходнаго сочиненія, коего назидательность столь же велика, какъ и приятность.

Съ Франц. И. Бутовскій.

Юня 1827.

Мыза Стрѣльна.

V.

К Р И Т И К А

Взглядъ на Математическіе Курсы, употребительнѣйшіе въ Россійскихъ училищахъ.

Пифагоръ, Платонъ, Архимедъ, Эвклидъ, сіи величайшія свѣтила языческой древности, считали Математику наукою, необходимою для человека-философа; и дѣйствительно они находили въ ней повѣрки своихъ умозаключеній. Не смотря однако на успѣхе сихъ необыкновенныхъ мужей, Математика не достигла еще въ то время высшей степени своей зрѣлости. Развернуть науку сію въ полномъ блескѣ, дать ей новое и высшее направленіе, предославлено въкамъ позднѣйшимъ. Родились знаменитые Декарты, Лейбницы и Ньютоны, и Математика, преобразованная ими, разрѣшаетъ законы движенія тѣлъ небесныхъ. Наконецъ Эйлеры, Лагранжи, Лапласы и другіе великіе Геометры, постигнувъ открытія своихъ предшественниковъ, положили легчайшіе пути къ истинѣ, словомъ, совершили все, чего можно было ожидать отъ послѣдовавшей мужей великихъ. Но всѣ ихъ открытія, были открытія Гегіевъ. Они достигая, шакъ сказать, вдругъ

самые результаты, применяли их къ шой или другой наукѣ, опредѣляли оными шой или другой законъ всеиенной. Обыкновенный умъ не можетъ идти ихъ путемъ; онъ прѣбуетъ, чшобы цѣль послѣдней приводила его къ истинѣ. Посему, должно было опредѣлить путь, ведущій къ Математическимъ истинамъ, указать отношенія ихъ, связь между собою, словомъ — представить Математику въ общемъ ея объемѣ.

По важности сего предмета, занявшись изслѣдованіемъ различныхъ Математическихъ сочиненій и разсматривая оныя безпристрастно, я старался увѣриться: дойдешь ли большая часть оныхъ до истинной цѣли — и собственная опытность моя въ преподаваніи Математики, убѣдила меня въ шой истинѣ, чшо слабые успѣхи, оказываемые многими учащимися, выпущеніе изъ памяти ихъ основныхъ истинъ, затрудненія, встрѣчаемыя ими въ приложенияхъ Математики къ различнымъ случаямъ общежитія, пронеходящъ наиболѣе отъ несовершенствъ шѣхъ швореній, по коимъ они изучались.

Ободраемый мужами, глубоко постигшими сію важную отрасль наукъ, и побуждаемый усердіемъ доставить пользу желающимъ пріобрѣсти познанія въ Математикѣ, я осмѣливаюсь изложить нѣкоторыя

мысли свои о семъ предметѣ, и сдѣлашь крашкій разборъ Курсовъ, находящихся на Россійскомъ языкѣ, обращаа преимущественно вниманіе на Арифметику и Алгебру, — какъ на два главнѣйшіе сполба, на коихъ все прочее основывается. Можетъ быть, я не достигну вполне своей цѣли, но меня ободряетъ желаніе по мѣрѣ силъ своихъ быть полезнымъ общему благу; шрудность моего предпріятія, да послужитъ извиненіемъ въ глазахъ людей просвѣщенныхъ!...

Прежде, нежели приступлю я къ разбору Математическихъ Курсовъ, считаю за нужное сдѣлашь вопросъ: чего должны мы шребовать отъ истинно классическаго сочиненія по части Математики? Вопросъ сей легко разрѣшить, когда вполне опстигнемъ цѣль Математики и пользу отъ познанія оной проишекающую. Приведемъ о семъ предметѣ слова одного извѣстнаго Автора:

„Математика можетъ быть разсматриваема съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ средство къ усовершенствованію поляшя, и какъ собраніе теорій, коихъ приложение для всѣхъ полезно, и даже необходимо нужно.“

„Математика болѣе, нежели всякая иная наука, обладаетъ средствами дѣлашь по-

спобанною нашу внимательность, въ порядкѣ направляешь ее, укрѣпляешь силу сужденія, развиваешь способность разсуждать, и открываешь путь къ истинѣ. Съ точностію опредѣляя предметъ изысканій, слѣдуя за происхожденіемъ нашихъ идей, переходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ простаго къ сложному, руководствуясь всегда свѣдѣніемъ очевидности, Математика пользуется въ высшей степени драгоценною выгодною соединяешь ясность съ точностію. Привыкнувъ къ сему ясному и строгому пути, умъ нашъ пріучился устремлять сильно вниманіе свое къ тому предмету, который онъ познавать желаетъ, учреждаетъ порядокъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, извлекаетъ изъ единого начала всѣ истины, изъ него происпекающія, обнимаетъ во множествѣ понятій связь, соединяющую ихъ между собою, однимъ словомъ, видяшь, чувствовалашь и находишь истину.“

„Если другія науки не представляють намъ путей же средствъ къ развитію способности разсужденія, это отъ того, что предметъ ихъ не столь простъ, и не подлежитъ такой строгой точности; отъ того, что онъ заключаешь въ себѣ много началъ, въ которыхъ не всѣ еще согласны; отъ того, что мечты воображенія не рѣдко скрываютъ

въ нихъ истину; и наконецъ отъ того, что способъ, коему слѣдуешь, часто бываетъ недостоверенъ и не естественъ.“

„Но дабы извлечь изъ ученія Математики драгоценную пользу образованія нашей мыслительности, распространенія способности сужденія и познанія пути, ведущаго къ истинѣ, не надлежитъ довольствоваться только доказательствами началъ науки, — должно постигнуть духъ ея, усмотрѣть связь всѣхъ идей, и порядокъ ихъ происхожденія; должно постигнуть причину всего, оплечать основныя истины отъ путей, кои суть только отдаленныя слѣдствія оныхъ; должно проникнуть духъ науки, а не довольствоваться познаніемъ упомянутыхъ и мелочныхъ подробностей оной; наконецъ, должно наблюдать ходъ человеческого ума въ изысканіи истины.“

„Доказывая начала Математики, упражняешь въ дѣйствіяхъ вычисленія, применяешь оныя къ различнымъ употребленіямъ въ обществѣ, есть дѣло весьма полезное; но ограничишь только симъ, не имѣя у себя въ виду усовершенствованія способности мышленія, приведенія Математическаго способа къ общимъ началамъ, кои можно бы было примѣнять къ другимъ изученіямъ; не наблюдаешь хода ума человеческого въ

спбянню нашу внимательность, въ порядкъ направлять ее, укрѣплять силу сужденія, развивать способность разсуждать, и открывать путь къ истинѣ. Съ точностію опредѣляя предметъ изысканій, слѣдуя за происхожденіемъ нашихъ идей, переходя отъ извѣснаго къ неизвѣстному, отъ простаго къ сложному, руководствуясь всегда свѣдѣніемъ очевидности, Математика пользуется въ высшей степени драгоценною выгодною соединяетъ ясность съ точностію. Привыкнувъ къ сему ясному и строгому пути, умъ нашъ пріучился устремлять сильно вниманіе свое къ тому предмету, котораго онъ познавать желаетъ, учреждаетъ порядокъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, извлекаетъ изъ единого начала всѣ истины, изъ него происпекающія, обнимаетъ во множествѣ понятій связь, соединяющую ихъ между собою, однимъ словомъ, видѣтъ, чувствовашъ и находишь истину.“

„Если другія науки не представляють намъ путей же средствъ къ развитію способности разсужденія, это отъ того, что предметъ ихъ не столь простъ, и не подлежитъ такой строгой точности; отъ того, что онъ заключаетъ въ себѣ много началъ, въ которыхъ не всѣ еще согласны; отъ того, что мечты воображенія не рѣдко скрываютъ

въ нихъ истину; и наконецъ отъ того, что способъ, коему слѣдуешь, частію не совершененъ и не естественен.“

„Но дабы извлечь изъ ученія Математики драгоценную пользу образованія на точности, распространенія сужденія и познанія пути, ведущія истинѣ, не надлежитъ довольствоваться только доказательствами началъ науки, достигнуть духъ ея, усмотрѣвъ истинныя причины ея, и порядокъ ихъ происхожденія, достигнуть причину всего, опираясь на истинныя отъ путей, кои суопдаленныя слѣдствія оныхъ; достигнуть духъ науки, а не довольствоваться познаніемъ упомянутыхъ и подробностей оной; наконецъ, достигнуть хода человеческого ума въ истинны.“

„Доказываетъ начала Математики занимается въ дѣйствіяхъ вычисленія оныя къ различнымъ употребленіямъ въ обществѣ, есть дѣло весьма ограниченное только сямъ, себя въ виду усовершенствованія мысли мышленія, приведенія Математики къ общимъ началамъ, бы было примѣнять къ другимъ предметамъ, не наблюдаешь хода ума человѣка

спобянною нашу внимательность, въ порядкѣ направлять ее, укрѣплять силу сужденія, развивашь способность разсуждашь, и открывашь путь къ истинѣ. Съ точностію опредѣляя предметъ изысканій, слѣдуя за происхожденіемъ нашихъ идей, переходя отъ извѣснаго къ неизвѣстному, отъ простаго къ сложному, руководствуясь всегда свѣдѣніемъ очевидности, Математика пользуется въ высшей степени драгоценною выгодною соединяшь ясность съ точностію. Привыкнувъ къ сему ясному и спроному пути, умъ нашъ пріучился усремлять сильно вниманіе свое къ тому предмету, кошорый онъ познашь желаетъ, учреждаетъ порядокъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, извлекашь изъ единого начала всѣ истины, изъ него происпекающія, обнимаешь во множествѣ понятій связь, соединяющую ихъ между собою, однимъ словомъ, видѣшь, чувствоваешь и находишь истину.“

„Если другія науки не предспавляютъ намъ пъхъ же средствъ къ развитію способности разсужденія, эшо отъ того, что предметъ ихъ не споль просшь, и не подлежатъ шакой спрогой точности; отъ того, что онъ заключаешь въ себѣ много началъ, въ кошорыхъ не всѣ еще согласны; отъ того, что мечшы воображенія не рѣдко скрываютъ

въ нихъ истину; и наконецъ отъ того, что способъ, коему слѣдуешь, часто бываетъ недословренъ и не еспешивенъ.“

„Но дабы извлечь изъ ученія Математики драгоценную пользу образованія нашей мыслительности, распространенія способности сужденія и познанія пути, ведущаго къ истинѣ, не надлежитъ довольствовашься только доказательствами началъ науки, — должно постигнуть духъ ея, усмотрѣшь связь всѣхъ идей, и порядокъ ихъ происхожденія; должно постигнуть причину всего, опличаешь основныя истины отъ пъхъ, кои суть только опдаленныя слѣдствія оныхъ; должно проникнуть духъ науки, а не довольствовашься познаніемъ ушомысленныхъ и мелочныхъ подробностей оной; наконецъ, должно наблюдать ходъ человѣческаго ума въ изысканіи истины.“

„Доказывашь начала Математики, упражняешь въ дѣйствіяхъ вычисленія, примѣняешь оныя къ различнымъ употребленіямъ въ обществѣ, есть дѣло весьма полезное; но ограничишь только симъ, не имѣя у себя въ виду усовершенствованія способности мышленія, приведенія Математическаго способа къ общимъ началамъ, кои можно бы было примѣняшь къ другимъ изученіямъ; не наблюдаешь хода ума человѣческаго въ

изысканій истины; значило бы лишать себя одной изъ величайшихъ выгодъ науки, которой прибрѣшеніе всего важнѣе для чело-вѣка, а именно: *разсуждать правильно и умлѣть находить истину.*“

„Къ сей-то полезной цѣли должны стремиться всѣ наши усилія, пѣмъ болѣе, что усовершенная такимъ образомъ орудія нашихъ изслѣдованій, мы спановимся болѣе способными проникать въ глубину наукъ, и дѣлать полезное приложеніе теоріи къ потребностямъ общечжшій.“

Такъ излагаешь цѣль Математики Г. Сюзанъ, въ своей превосходной статьѣ о способъ преподаванія оной, и не льзя не согласиться съ симъ почтеннымъ Писателемъ, что Математика, какъ дочь Философіи, болѣе, нежели всякая иная наука, до-стпавляетъ средствъ развивать и укрѣп-лять мыслящую способность, истина, въ которой не сомнѣвались всѣ великіе умы древности и новѣйшихъ временъ. Для достиже-нія сей цѣли потребно, чтобы излагающей науку не опускали изъ вида главнѣйшаго, а именно: строгого порядка и точности въ доказательстввахъ. Въ прошивномъ случаѣ, преподающие Математику бывающъ сами виновны, что большая часть юношества, по выходѣ изъ школъ, ослав-

ляютъ оную навсегда, утверждаясь на какомъ-то странномъ мнѣніи, къ сожалѣнію, еще существующемъ между нами, что нѣтъ пользы отъ сей сухой и прудной науки. Они правы, называя Математику прудною и бесполезною наукою, правы, потому, что имъ представляли оную въ видѣ собранія предложеній безъ всякой связи и доказательныхъ иногда весьма не спрого; потому, что ихъ заставляли зашверживать одинъ порядокъ дѣйствій, учить формулы, не побуждая выикать въ изслѣдованіе началъ, находишь истины, не обращая вниманія на связь ихъ съ другими, словомъ: они правы потому, что отъ нихъ требо-вали болѣе памяти, нежели разсужде-нія. Послѣ сего, можемъ ли удивляться, что нѣкоторые наши юноши, по выходѣ изъ школъ, не занимаясь Математикою по обязанностямъ службы, забываютъ ее въ короткое время такъ, что дѣлающа не въ состояніи оную ни къ чему приспособлять.

Должны ли мы усматриваемые нами недостатки въ познаніяхъ Математики, можемъ быть, большей части нашего юношества, относить нерадѣнію Гг. Преподавателей, и даже ихъ неумѣнью излагасть истины оной въ пѣвнѣйшей связи отъ другихъ, какъ того требуетъ Сюзанъ. Не

часто ли по различнымъ обстоятельствамъ они бывають принуждены держаться сочиненій, не только не выполняющихъ цѣль сей науки, но представляющихъ одинъ только механизмъ дѣйствій, да и шомъ споль недоспашочно, что учащійся, въ примѣненіяхъ онаго къ различнымъ задачамъ или случаямъ жизни, запрудняешя на каждомъ шагѣ. Дабы въ семъ удостовериться, разсмотримъ безпристрашно употребительнѣйшіе у насъ Курсы Математики, раздѣливъ оныя на два разряда; къ первому отнесемъ тѣ, которые служатъ для пріобрѣтенія первоначальныхъ познаній, а посему должны сшвують бытъ употребляемы въ пріготовительныхъ классахъ; къ другому же тѣ, въ коихъ Математика излагаетя вполне, и которые составлены для молодыхъ людей, могущихъ разсуждать, слѣдовательно и разсмащривать истины Математики съ точности возвышеннѣйшей. Къ первому разряду принадлежатъ Курсы, составленные Г. *Войтяховскимъ*, *Фуссомъ* и *Осиповскимъ*; ко второму же: Г. Безу, нѣкоторыми Французскими Профессорами, подъ руководствомъ *Беллавеия*, Г. *Лакроя* и наконецъ *Франкеромъ*.

Приспущимъ къ первому, а именно къ Курсу Математики *Войтяховскаго*. Сіе

твореніе издано въ первый разъ въ 1787, пошомъ появилось съ нѣкоторыми прибавленіями вторымъ изданіемъ въ 1789 году. Оно состоитъ изъ чепырехъ частей: 1-я содержитъ *Ариметику*, 2-я *Геометрію*, 3-я *Тригонометрію* и 4-я *Алгебру*. — Не спашу распространяшья о семъ сочиненіи; ибо полагаю, что въ нынѣшнее время мало найдется защитниковъ творенія, вышедшаго въ Россіи въ то время, когда самая Франція, имѣвшая уже Декаршовъ, Паскалей и другихъ — не имѣла еще порядочнаго Курса Математики. Однако не входя въ подробности, можно замѣнить слѣдующее: Алгебра помѣщена въ 4 части (*), Тригонометрія основана на однихъ началахъ Геометріи, и только нѣкоторыя предложенія оной рѣшены помощію Алгебры. Вообще, все писано весьма пространно и неудовлетворительно, опредѣленія темны, порядокъ неправиленъ, всякое предложеніе разсмащриваетя отдѣльно, а не въ связи съ другими. Словомъ преподаваніе Математику по Курсу *Войтяховскаго*, есть самое вѣрное сред-

(*) Авторъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что онъ сдѣлалъ сіе для того, что современники его находатся въ споль большемъ *негоднѣи*, что *почитаютъ Алгебру за весьма трудную и бесполезную науку!*

ство припустишь способности учащагося, забишь голову множествомъ предложеній, представляемыхъ въ видѣ задачъ, безъ всякой существенной пользы. Но оставимъ Войшяховскаго и припомнимъ къ слѣдующему.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія, Г. Ординарный Академикъ *Н. И. Фуссъ* составилъ *Начальныя основанія чистой Математики*. Сіе твореніе появилось въ трехъ частяхъ: 1 содержащій Алгебру, 2 Геометрію и 3 приложение Алгебры къ Геометріи, Тригонометрію, коническія сѣченія, Дифференціальное и Интегральное изчисленія. Я намѣренъ разсмотрѣть сіе сочиненіе подробнѣе Курса Войшяховскаго, ибо осмѣливаюсь дѣлать разборъ книги, написанной человекомъ, прославившимся своими познаніями, и по собственнымъ его словамъ — составившимъ оное изъ твореній знаменитаго Эйлера. Правда, что у Г. Фуссы порядокъ въ цѣломъ сочиненіи гораздо превосходнѣе, нежели у Войшяховскаго; поставляя прежде всего Алгебру и разсматривая дѣйствія Арметическія, какъ частный случай дѣйствій Алгебраическихъ, онъ доставляетъ своему сочиненію естественный Математическій порядокъ, и съ перваго взгляда засматриваешь уважишь оное. Но разсматривая его съ болѣ-

шимъ вниманіемъ, видимъ, что въ подробностяхъ не находишься ни надлежащаго порядка, ни яснаго и спорогаго изложенія испинъ. Г. Фуссъ, послѣ введенія въ Математику, объясняетъ дѣйствія съ простыми количествами, при чемъ раздѣляетъ оныя на положительныя и отрицательныя, и говоритъ: *что отрицательными количествами называются тѣ, которыя меньше нуля или ничего*. Учащійся не можешь ли спросить: что такое значатъ количества меньшія ничего, когда извѣстно, что количество вообще означаетъ собраніе единицъ? Выше, почтенный Авторъ говоритъ, что отрицательныя количества, могутъ быть разсматриваемы за долгъ какого нибудь чловѣка: учащійся не понимая значенія отрицательности, но основываясь на семъ пояненіи, будетъ всегда принимать сіи количества за отвѣченныя, и поему вспрѣтись вездѣ загадки для себя неразрѣшимыя. На прим. увидѣвъ, что произведеніе отрицательныхъ количествъ, есть величина положительная, или что корень четной степени изъ отрицательнаго количества, есть величина мнимая, съ перваго раза, онъ не пойметъ сихъ испинъ; и ежели, дабы убѣдиться въ оныхъ, вздумаетъ повѣрять слѣдствія своихъ выкладокъ примѣненіемъ

къ денежному долгу; по переходу изъ одного ложнаго положенія къ другому, изъ одной несообразности въ другую, болѣе себя запущаешь, получишь недовѣрія къ точности и ясности Математическаго метода и даже остановишься въ дальнѣйшихъ своихъ успѣхахъ. Но спянемъ продолжайшь далѣе свой разборъ: Спяшь о простыхъ и десятичныхъ дробяхъ, хотя и довольно ясна, но не полна; порядокъ часто перяется, многія предложенія безъ доказательствъ; нѣкоторыя же предложенія можно доказать проще и яснѣе. Общій наибольшій дальнѣе разсмащривается въ концѣ Алгебры, когда говорено о содержаніяхъ Геометрическихъ; кажешся приличіе было бы, помѣстившій оный при изложеніи свойствъ дробей. О періодическихъ дробяхъ не сказано ни слова; разсмащривая умноженіе и дѣленіе дробей, Авторъ ничего не замѣчаешь въ разсужденіи величины произведенія и частнаго двухъ дробей меньшихъ единицы. Сверхъ того, вообще надлежишь здѣсь замѣтившій, что Г. Авторъ изложивъ сіи спяшь, не выполнилъ цѣли, для чего онъ предпочелъ оную передашь не въ Ариеметикъ, но въ Алгебръ; ибо въ семъ случаѣ ему надлежало бы вывести свойства числовыхъ дробей и дѣйствія съ оными, какъ частный случай дробей Алгебраиче-

скихъ, а не разсмащриваешь ихъ почно шакъ, какъ излагающся онія обыкновенно въ Ариеметикъ. Спешени одночленныхъ количествъ, удобнѣе помѣстившій прежде возвышенія въ квадрата и кубъ числовыхъ величинъ; вообще, надлежало бы объ сіи спяшь помѣстившій послѣ дѣйствія съ сложными количествами; пошому что при возвышеніи числовыхъ величинъ во 2 и 3 степени, можно бы замѣтившій законъ возвышенія въ квадрата и кубъ. Излагая мнимые корни, Г. Фусъ сдѣлалъ важную ошибку, основавъ произведеніе оныхъ, на произведеніи корней дѣйствительныхъ, отъ чего у него вышло, что $\sqrt{-a} \times \sqrt{-b} = \sqrt{ab}$, тогда, какъ результатъ долженъ равняться $-\sqrt{ab}$; кому неизвѣстны слѣдствія, происходящія отъ сей ошибки? Теорію помѣщенія и сочетанія буквъ, должно помѣстившій прежде возвышенія двучленнаго количества въ высшую степень; отъ несоблюденія сего, возвышеніе изложено шемно, и представлень одинъ только механизмъ дѣйствія. Въ шрешемъ отдѣлѣ, показывая способъ рѣшашъ уравненія, Авторъ не упоминаешь о рѣшеніи уравненій 1 степени со многими неизвѣстными, посредствомъ приравненія коэффициентовъ одного изъ неизвѣстныхъ — способа самаго простѣйшаго и употребительнѣйшаго въ Анализѣ. Рѣшеніе не-

определенных уравнений изложено крайне недосматочно. Уравнения 3 и 4 степеней, удобнѣе основаны на Теоріи высшихъ уравненій, чрезъ шо будешь болѣе общности и ясности, въ чемъ мы удословѣмся, когда возьмемъ всякій изъ новѣйшихъ курсовъ. Пслѣдній ошдѣль въ его Алгебрѣ о пропорціяхъ и прогрессіяхъ довольно хорошъ. Вшпую часть я не спану размашривашъ, а шолько сдѣлаю замѣчаніе, что въ преподаваніи держашъ Геометріи Фусса не для чего, когда имѣемъ нѣсколько десятковъ сочиненій гораздо лучшихъ (*). О прешей же части, можно сказашъ, что приложение Алгебры къ Геометріи, представлено въ видѣ собранія задачъ безъ досматочнаго разсужденія. Чшобъ увѣрншъ въ достоинствѣ Прямолинейной Тригонометріи, споншъ шолько прочншашъ въ семь сочиненіи происхожденіе Тригонометрическихъ линій. Коническія сѣченія написаны шакъ, что прочншавъ оныя не лѣзя подумашъ, чшобы Г. Ав-

---

(*) Сочинншель сей спашъ за долъгъ себѣ спашлешъ сказашъ, что онъ при разборѣ всѣхъ прочихъ Курсовъ, не спашлешъ ннгда разбирашъ Геометрію, по шой причинѣ, что изложеніе оной усовершенствовано болѣе всѣхъ прочихъ частей Математики, и всякое сочиненіе по сей части болѣе или менѣе доводншъ до цѣлм.

шоръ, спшгнть вполне изнщный духъ Аналіза. Днфференціальное нзчисленіе основано нмъ на способѣ безконечно малыхъ количествъ. Слѣдуя Эйлери, онъ прнннмаетъ днфференціалы за нули; но сей способъ, не взнрая на глубокія познанія знаменншаго своего нзобрѣшателм, нкѣмъ не прнннштъ, и справедлнво осуждается Лагранжемъ (см. Théorie des Fonctions Analytiques). Сверхъ шого, Авшоръ нашъ не помѣщаетъ въ Днфференціалъ Тайлоровой Теоремы, кошорая споль же важна въ сей части Математики, какъ Пнеагорова въ Геометріи. Вощъ самое крайнее обозрѣніе недосматковъ сего сочиненія; въ заключеніе должно еще сказашъ, что размашрнваемъ оное здѣсь, какъ книгу, написанную для самыхъ первыхъ началъ — для народныхъ школъ. Если же разбнрашъ его, какъ швореніе классическое, тогда рѣдкая спраница выдержншъ спрогую Кришкн.

(Продолженіе впрѣдъ.)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

1827.

Стихотворенія.

37. *Александрюда, современная Поэма.*
Сочин. Павла Свѣчина. Часть первая.
М. въ ш. С. Селивановскаго, 1827. въ 8.
XIV. 362. стр.

(Сочинитель хощѣлъ описать въ этой Поэмѣ незабвенную войну 1812 года; но за чѣмъ писалъ онъ стихами? за чѣмъ, съ самими, можешь быть, благими намереніями, но безъ дара къ Поэзіи, вздумалъ онъ вдругъ наводнить насъ огромною Поэмою, въ которой, если судить по изданнымъ нынѣ шести пѣснямъ, нѣтъ ни вымысла Поэтического, ни стиховъ хорошихъ? Современники могутъ только въ Лирическихъ пѣсняхъ воспѣвать великія событія, случившіяся предъ ихъ глазами; но Поэма, какое хо-

тите дайте ей имя: *Эпическая, Лирико-Эпическая* или всякая другая — пребудешь такихъ условий, которыми недостижны Поэту современному, хотя бы онъ и обладалъ возвышеннымъ даромъ Поэзіи. Нашъ вѣкъ пребудетъ не вымысловъ, или покрайней мѣрѣ, не стихошворныхъ прикрасъ о войнѣ 1812 года, а точнаго, Историческаго о ней повѣствованія. Сего мы ждемъ и пребудемъ отъ нашихъ соотечественниковъ, которыми счастье дозволило быть очевидцами и участниками подвиговъ, ознаменовавшихъ брань сію, священную для сердца Русскаго.)

38. *Димитрій Донской, или начало Россійскаго величія. Героическая Поэма,* сочин. А. Орлова. М. въ Университетской ш. 1827. 99 стр. въ 8.

(Вошь и еще Поэма о войнѣ отечественной, и споль же мало соотвѣствующая высокому своему предмету, какъ и предъидущая. Если объ сіи Поэмы суть только понышки въ стихошворствѣ; то для чего ихъ выспавлять на позоръ и посмѣище читающей Публики? Или Гг. наши стихошворцы забываютъ, что симъ они не воздаютъ должной дани удивленія и благодарности подвигамъ своихъ соотечественниковъ, но только возбуждаютъ невольный

смѣхъ чипашелей неудачными своими вос-
поргами, рассказывая о шакихъ предметахъ
и событіяхъ, предъ коими попомство дол-
жно благоговѣшь?)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XIX.

I.

ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

ИСТОРИЯ АРТИЛЛЕРІИ.

Періодъ седьмой.

содержащій въ себѣ революціонную войну
отъ 1790 до 1800 года.

Фридрихъ II производилъ въ прошед-
шемъ Періодѣ то, что казалось всему свѣ-
ту не возможнымъ — онъ со славою сопро-
тивлялся въ семилѣтней войнѣ сильнымъ
своимъ непріятелямъ. Подобное сему нахо-
димъ мы въ слѣдующемъ Періодѣ; и здѣсь
усматриваемъ Французскую Республику, оп-
ражающую всѣ удары соединенныхъ Дер-
жавъ и потрясенную всеми ужасами вну-
решней и вѣшной войны. Впрочемъ за-
мѣшимъ, что мы чрезвычайно бы ошиб-
лись, если бы сіе явленіе приписывали, по-
добно прочимъ республиканскимъ энтузіа-
стамъ, превосходнымъ военнымъ талантамъ

и гениямъ Французскихъ Полководцевъ, а не богатымъ источникамъ сей Державы (*). Не опровергая прямо ни одного изъ сихъ мнѣній, разберемъ вкратцѣ: какими средствами могли Французы все сіе совершить, и какимъ образомъ произведены тѣ великіе результаты революціонной войны.

Съ появленіемъ во Франціи новаго порядка вещей, развалились вмѣстѣ съ нимъ всѣ узы военной Конспиріаціи. Солдаты начали думать, что опоздали прежнимъ Начальникамъ въ послушаніи, и образовали неправильныя шолны, гдѣ каждый дѣйство-

(*) Нѣкоторые Писатели, кажется, полагають, что таланты стихотворца и полководца врожденные; а изъ сего слѣдуетъ, что познанія военныя излишни, и что всякой чувствующій себя, можетъ предводительствовать войсками и побѣждать непріятеля! Но опытность многихъ вѣковъ опровергаетъ совершенно сію гипотезу, которая могла быть вѣроятною, pokuda цѣлующая фантазія и высокія идеи образовали стихотворца, а проникливость и мужество рождали полководца. Но дошло образованіе будетъ принуждать стихотворца къ ученію, а военное искусство принимать правила, дошло грубый сынъ природы недосиagnетъ высшей степени славы, пока Полководецъ не заплатитъ долгъ непріятелю, а стихотворецъ строгому рецензенту. Однако же я увѣренъ, что никакое искусство не замѣнитъ дарованій, необходимыхъ для двухъ вышеупомянутыхъ состояній.

валь, какъ ему вздумалось. Хотя съ образованіемъ національной гвардіи во Франціи, военная сила сего Государства (содержавшаго тогда до 24,000,000 жителей) достигла ужаснѣйшей величины, но однако жъ сія смѣсь людей, не имѣвшихъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ, съ солдатами, пошеварившими дисциплину, не могла ничего великаго произвести. По сему неудивительно, что Австрія и Пруссія, при 500,000 войска, за ничто полагали усмирить Французовъ; ибо знавшійшіе эмигранты увѣряли, что большая часть народа недовольна новою Конспиріаціею и ожидаетъ только случая, чтобы избавившись отъ нея и принявъ прежній образъ правленія.

И въ самомъ дѣлѣ, начало войны совпало съ ожиданіями. Прусская армія съ успѣхомъ прошла черезъ Шампанію, овладѣла двумя крѣпостями, и можетъ быть, не нашла бы преніяшества въ позиціи Дюмурье въ Аргонскомъ лѣсу, если бы несчастныя обстоятельства не принудили Прусскую армію къ отступленію. И начало слѣдующей войны, не менѣе было блистательно и было бы еще блистательнѣе, если бы Прусская армія не такъ долго стояла подъ Майнцомъ, и непосредственно начала бы осадю Ландау; но сіи успѣхи союзниковъ

еще болѣе воспламеняли энтузіазмъ Французовъ и приговаривали ихъ будущія победы. Лучшіе полководцы явились, узнавъ изъ разбитія предшественниковъ своихъ ошибки, копорыя сихъ послѣднихъ подводили подъ гильошину. Записки славныхъ полководцевъ прежней Монархіи, служили имъ руководителями въ ихъ дѣйствіяхъ; онѣ показывали имъ мѣста въ Нидерландахъ, гдѣ войска ихъ не были подвергнушы нападеніямъ, и позиціи непріятеля, гдѣ онѣ болѣе всего были оборонены отъ атаки. Тѣ, копорымъ недоставало способностей и прозорливости не позволяла найши мѣста, означенныхъ въ сихъ военныхъ запискахъ, были по большей части разбиты, опшавлены и преданы смерти, какъ измѣнники опшечеству. Революція, возвышая съ одной стороны молодыхъ пламенныхъ людей до первыхъ степеней военной чести, сбрасывала ихъ съ другой стороны въ пропасть бѣдствія и ужаса. Терроризмъ давалъ имъ средство выполниши дерзновеннѣйшіе планы, копорыя для величайшаго генія, при нѣскольکو ограниченной дѣятельности, можешь быши, были бы неисполнимы. Со всѣхъ сторонъ Франціи собиравшеся солдаты, убѣжавшіе отъ вѣрной смерти, и предпочитавшіе случайную въ кровавой битвѣ.

Такъ удавалось Французамъ опшоргнушы непріятелей изъ земли своей, и завоеваніемъ чужихъ земель доставиши себѣ новые вспомогательные способы. Ежедневно пріобрѣтались новые успѣхи; республиканскій фанатизмъ воспламенялъ Французскаго солдата, не хотѣвшаго видѣти нигдѣ опасности, добыча обогащала его, а военная честь одушевляла его къ новымъ предпріятіямъ. Ему прошивосполя Германецъ, копорый перивѣлъ недоставало во всѣхъ жизненныхъ потребностяхъ; копорый мало имѣлъ надежды; безпрестанныя репиреды разсѣвали въ войска духъ неудовольствія. Между шимъ, какъ Французамъ ни что не мѣшало въ ихъ атакѣ, споль свойственной народному характеру, Германцы не смѣли выдти изъ своей оборонительной позиціи, боясь пощери людей и Аршиллеріи.

Опышность времени доказала, и еще болѣе послѣдній походъ сей войны, что Французъ чрезвычайно храбръ и ужасенъ при атакѣ, но что не владѣешь необходимымъ хладнокровіемъ для оборонительной войны. По сему безпрестанная атака, есть единственное средство побѣдиши Французовъ; и сіе средство рѣдко могли употребиши Германскіе Генералы; когда же могли, шо являлись разныя обстоятельства, ко-

шорья преняшшвовали продолжашь нача-
шые успѣхи, и были причиною новаго раз-
бишя.

Безпристрашно скажемъ, что Австрій-
цы, Прусакы и прочіе Германцы храбры бы-
ли не менѣ Французовъ, кошорые часто ве-
ликими своими силами и непрерывными
ашаками разбивали своихъ непріятелей.

Каждый шагъ республиканцевъ, до-
спавлялъ имъ новые вспомогательные спо-
собы, открывалъ имъ новые источни-
ки, чтобы продолжашь войну съ большею
двѣшельношю; между шьмъ, какъ Герман-
цы, борясь съ безпрестанными преняшшви-
ями, все болѣе и болѣе удалялись отъ сво-
ихъ операционныхъ линій. То шерпѣли они
недоспашокъ въ жизненныхъ припасахъ, то
недоспашокъ въ аммуниціи. Окруженные
всюду друзьями новаго порядка вещей, при-
принуждены были они ужасными усиліями
республиканцевъ распянушь свои позиціи,
кошорыя Французы съ легкостію могли раз-
шоргнушь.

Такъ Французы распросшрняли свои
побѣды по шу сторону Рейна, шпоргнулись
въ сердце Германіи, распросшраня между
шьмъ ужась въ Голландіи и Италіи. Уси-
ленное войсками новой Республики, могуще-
ство ихъ возрастало до колосальной вели-

чины, и военнымъ ихъ поприщемъ было про-
спранство между Нѣмецкимъ и Адриатиче-
скимъ морями.

При шакихъ неблагопріятныхъ послѣд-
ствіяхъ и шщетномъ ослабленіи Государствен-
ныхъ силъ, многіе сочлены ошсшали отъ
союза; другіе, спршшась быстраго при-
ближенія Французскихъ войскъ, и видя еже-
дневное возрастаніе опасностш, принужде-
ны были обстоятельствомъ наблюдать ней-
пралитеть. Такимъ образомъ Французы не
встрѣчали на своемъ поприщѣ ниаго про-
тиводѣйствія, какъ шолько со шпороны Ав-
спрійскаго Дома, кошорого могущество въ
скоромъ времени было ослаблено быспрымъ
Бонапаршомъ. Послѣдовалъ миръ, но невы-
годный для Германіи; крѣпости Майнцъ и
Эренбрейшштейнъ ошданы были Французамъ,
кошорые симъ выиграли два пункша на
Рейнѣ, для лучшаго услѣха слѣдующей
войны.

Но выиграло ли военное искусство чрезъ
сш войны? Не одобряя шьхъ, кошорые все,
даже и чрезмѣрное распросшраненіе военного
поприща, считающъ великими успѣхами во-
енныхъ наукъ, (ибо эшо нешто иное ешть,
какъ злоупощребленіе предначертанныхъ пра-
виль) мы еще менѣ согласимся съ пропшв-
ною шпорною, кошорая полагаешь, что одна

такшика выиграла въ быстротѣ и коснулась области Математическихъ наукъ. Каждый военный человекъ почтешъ безъ сомнѣнія, пространное употребленіе Артиллеріи, искусство съ быстротою передвигать войска съ одного пункта на другой и производить ашпаку шамъ, гдѣ непріятель ожидалъ найти оборону слабую, счастливое примѣненіе сфръяковъ къ горной войнѣ, употребленіе воздушныхъ шаровъ для рекогносцировки, — за важныя и великія успѣхи военного искусства. Въ вѣдѣи военныхъ наукъ приближались къ своему совершенству и искусшее спользіте передало ихъ въ лучшемъ видѣ насшупившему.

Мы замѣчаемъ въ семь Періодѣ, что Артиллерія во всѣхъ Гесударствахъ почши была въ исправномъ видѣ и совершенствѣ. Вездѣ удерживали длину орудія и толстошцу мешала, и шолько присовокупляли въ нѣкоторыхъ случаяхъ новыя изобрѣшенія, необходимыя для лучшаго употребленія Артиллеріи. Такъ въ Саксонской Артиллеріи, при чешырехъ-фушшовыхъ полевыхъ орудіяхъ, введены были новозобрѣшенныя пушки, имѣвшія въ длину 24 діаметровъ ядра и предназначенныя для башарейной Артиллеріи.

Онѣ по сему и получили прицѣльную машину и были сзади не плоски, какъ башалюнныя орудія, но имѣли винградъ.

Данная *Грибовалеми* легкосиѣ Французской Артиллеріи, не простиралась на башарейныя орудія; они удержали законную длину и толстошцу, усшанбленную въ 1732 году. Революція, кошорой всѣ дѣйствія имѣли видъ колосальной, образовала и 24 фуншовыя пушки полевыми. Онѣ были въ 1794 году, по предложенію Инспектора Артиллеріи Генерала *Дорсиера*, укорочены и облегчены, и были съ того времени нѣчто среднее между пушкою и гаубицею; изъ нихъ могли сфръялшть гранашою и ядромъ. Чрезвычайно увеличенное употребленіе гранашъ было, можно сказать, причиною преобразования пушекъ въ гаубицы.

Генераль *Темпельгофъ*, ввелъ въ Прусскую Артиллерію родъ малыхъ и легкихъ полевыхъ морширь, лежавшихъ на удобно движимыхъ спанкахъ, и употребленныхъ въ первой разъ при осадѣ *Лонгви*. Онѣ были употреблены Прусаками въ двухъ первыхъ походахъ Французской войны въ полевыхъ сраженіяхъ, ибо имѣли по преимуществу, что бомба осшавалась шамъ, гдѣ упала; не пакъ, какъ гранаша, кошорая удаляется ошъ мѣсша паденія своего, и шѣмъ часто не

причиняешь никакого вреда непріятелю. Замѣчательнѣйшую переѣмку претерпѣла линейная часть во Франціи, состоявшая въ 1798 году подъ присмотромъ гражданъ *Монжа*, *Газенфратца* и *Перье*, изъ кошорыхъ первый славенъ своимъ превосходнымъ сочиненіемъ о липей. Для многочисленныхъ армій, долженствовавшихъ идти въ походъ для защиты Отечества, требовалось чрезвычайное множество орудій; одному флоту необходимы были 6000 чугунныхъ орудій. Единственно революціонными мѣрами *Comité du Salut Public*, были они доставлены въ столь короткое время.

Упоиребленіе одного сверла для дѣланія каналовъ, не есть собственно новое изобрѣненіе: линейный мастеръ *Кельнгеръ* уже имѣлъ въ Кассель, въ началѣ XVIII столѣтія, перпендикулярный сверлишельный станокъ, посредствомъ кошораго онъ вырѣзывалъ сердцевину изъ орудія въ видѣ массивнаго цилиндра. Сіе самое замѣшимъ также объ изобрѣненіи *Фуркроя*, и о ввнчнваніи новыхъ зашравокъ, не переливая орудія. Дѣйствіе сіе было уже прежде извѣстно, имъ пользовались давно уже во Французской и Испанской полевыхъ Артиллеріяхъ. *Фуркроя* сдѣдался извѣстнымъ въ новѣйшей Военной Исторіи тѣмъ, что онъ химическимъ про-

цессомъ доставалъ въ большомъ количествѣ мѣдь изъ мешалаа колоколовъ. Черезъ сіе дѣйствіе Французскіе линейные дворы, были приведены въ чрезвычайную дѣятельность, имѣя все колокола Франціи.

Совершенно новое явленіе во Французской артиллеріи суть *липейки* для легкой Артиллеріи (такъ называемые *Wurstwagen*), введенныя въ упоиребленіе въ 1792 году. Онѣ состояли изъ длиннаго ящика въ 8 футовъ длины, $8\frac{1}{2}$ вершковъ ширины и 10 вершковъ высоты; ящикъ сей не покоился на осяхъ, но висѣлъ, и былъ сверху обитъ сукномъ для удобнѣйшаго сидѣнія Артиллерійскихъ служителей.

При первомъ заведеніи легкой Артиллеріи во Франціи въ 1792 году, военнымъ Министеромъ *Дюпорталемъ*, предназначено было сдѣлывать Артиллерійстамъ за орудіями на сихъ линейкахъ; но быстрою, съ кошорою возрасла конная Артиллерія въ 1792 году подъ вѣднїемъ военнаго Министра *Нарбонна* до 9 ротъ, не позволяла бригадному Генералу *Утурби*, (долженствовавшему образовать легкую Артиллерію въ городѣ *Дуэ*) давать каждой ротѣ болѣе двухъ линейекъ, а такъ, какъ сего недовольно было для всехъ спроевыхъ людей роты, шо прочимъ давали лошадей. Въ послѣдствіи вре-

мени совершенно были уничтожены линейки и сдѣлали всѣхъ Артиллерійшювъ конными. Даже самыя Австрійцы при Эрцгерцогѣ Карлѣ, образовали вскорѣ подобную конную Артиллерию и уничтожили у себя линейки.

Въ началѣ для Французской конной Артиллеріи, назначаемы были 8 фуншювыя пушки и 6 вершюковыя гаубицы, не смотря на убѣжденія *Гассендіевы*, кошорый хошѣлъ всѣ большіе калибры въ конной Артиллеріи уничтожити и снабдити ее единственно 4 фуншювыми пушками. Дивизионъ состоялъ изъ двухъ пушекъ и двухъ гаубицъ и при нихъ 74 человека служивыхъ. Въ послѣдствіе времени были увеличены рошы, и тогда дивизионъ состоялъ изъ 4 пушекъ и двухъ гаубицъ; въ то же время были конныя рошы снабжены 12 фуншювыми пушками, для употребленія при ашакахъ укрѣпленныхъ постовъ.

Судя безпристрашно, скажемъ, что Французская Республика произвела много великихъ людей, кои изобрѣшеніями своими, по части военныхъ наукъ, заслуживаютъ уваженіе поздняго попомешва. Но вмѣстѣ съ шѣмъ, должны мы удивляться, какъ часто самыя вздорныя идеи были приняты съ энтузіазмомъ и неимовѣрною жадностію.

Къ сему мы можемъ опнешти родъ лафетовъ, названныхъ изобрѣшателемъ *affût fardier*; здѣсь лафетъ осадной пушки не имѣлъ передка, подвигался съ мѣста, посредствомъ оси съ двумя чрезвычайно большими колесами, имѣвшей длинное и тяжелое дышло, долженствовавшее держать равновсіе между лафетомъ и сею осью (*).

Ошь семи до осьми миллионъ ливровъ, было употреблено на успроеніе сихъ лафетовъ, для того, чшобы въ скоромъ времени ихъ уничтожити; ибо не бравъ въ разсужденіе, что они чрезвычайно были подвергнушы непріятельскимъ выспрѣламъ, выказывая ужасныя свои колеса изъ за брусшвера башарей, они по своему сложному успроенію и самой тяжести оружія (8000 фуншювъ), ешественно не могли быти прочны.

Другое изобрѣшеніе былъ лафетъ, названный *affût à banquette*. Изобрѣшателъ имѣлъ довольно власши, ввести новый свой лафетъ въ армию, и можеть быти, исполнилось бы его намѣреніе, если бы онь не встрѣтилъ со всѣхъ сторонъ сопрошвленія. Сущность успроенія сего лафета состояла въ томъ, что не пребовалось передка,

(*) Нѣмцы называютъ сію ось *Triqueballe*.

и на орудіе накладывалась доска для помѣщенія на оной Аршиллерійшовъ; во время пальбы, доска сія отбрасывалась назадъ.

Непомѣрное употребленіе огнеспрѣльнаго пороха, въ первыхъ годахъ революціи, частію для снабженія имъ четырнадцати армій, частію для употребленія при народныхъ празднествахъ, истощили весь пороховой и селисряной запасы во Франціи; въ то же время Англія превосходившомъ своимъ на моряхъ, препятствовала всякому привозу селисры. Должно было выдумашъ дѣйствительныя средства для отвращенія недостатка сей важной военной потребности; Comité du Salut public пригласилъ декретомъ всѣхъ Французскихъ гражданъ: отыскивать селисрянную землю въ своихъ погребахъ и хлѣвахъ, и выщелачивать ее. Тотъ же декретъ содержалъ въ себѣ обстоятельное свѣдѣніе о сихъ работахъ и о выборѣ селисряной земли. Тогда Республика была раздѣлена на 8 округовъ; надъ каждымъ округомъ находился свѣдущій чловѣкъ по снмъ работамъ, исправлявшій должность Инспектора. Подъ нимъ находился въ каждомъ Департаментѣ одинъ приставъ, которій онышъ наставлялъ агентовъ, имѣвшихъ надзоръ надъ селисрянными работами каждаго Округа.

Всѣ сіи надзирашели получили первоначально въ Парижѣ свѣдѣніе о выщелачиваніи селисры и приготовленіи огнеспрѣльнаго пороха. Химики: *Фуркромъ*, *Плувиетъ* и *Дюфурни*, читали лекціи о выщелачиваніи селисры, а Химики: *Гюйтонъ*, *Карни* и *Вертолетъ* читали лекціи о приготовленіи огнеспрѣльнаго пороха, нарочно для того призваннымъ въ Парижѣ канонерамъ національной гвардіи, въ амфишесрѣ бошаческаго сада. Въ отношеніи липейной части, читали лекціи ученые: *Монжъ*, *Перье* и *Газенфратцъ*. Оснальное время дня проводили сіи канонеры на селисрянныхъ заводахъ и въ пороховыхъ мельницахъ. Вечеромъ приводили они шесради и заниски свои въ порядокъ. По окончаніи курса, предлагали они національному Конвенту чистую и выщелачиваемую селисру, собственно ими приготовленный порохъ, и ими желиное и просверленное орудіе.

Съ заведенія сего новаго порядка, было въ продолженіе 9 мѣсяцевъ отшезено въ магазины 12 милліоновъ фуншовъ селисры, между шемъ, какъ прежде въ продолженіе года доставляемо было лишь по одному милліону. Но такъ, какъ большее количество селисры, слишкомъ много времени шребовало бы для выщелачиванія; шо доспунали въ оп-

ношеніи сего короче: получали прибавленіем угольнаго порошка къ селиспрь, совершенно чистую селиспру, безъ всякаго выщелачиванія и кристаллированія. Уже съ 1788 года, *Ловицъ* упошреблялъ угольной порошокъ для очищенія селиспры при своихъ химическихъ опысахъ; однако жъ Профессоръ *Годолинъ*, первый сдѣлалъ сіе дѣйствіе общеупошребительнымъ. Точнѣйшіе и безпрестанные опыты дали ему наконецъ замѣнить, что двѣ части квасцовъ съ пятью частями угольнаго порошка, прибавленныя къ 100 частямъ селиспры, дѣлають смѣсь шчасъ прозрачную, какъ воду, такъ что не шребовалось дальнѣйшаго выщелачиванія.

Симъ образомъ было выщелачиваемо чрезвычайно большое количество селиспры; въ бывшей церкви Монастыря Св. Жерменія, для сего былъ устроень заводъ.

Не смотря на всѣ шруды и напряженія ученыхъ *Машемашниковъ* и *Химиковъ*, чтобы опредѣлить дѣйствіе и существо разпространительной матеріи, рождаемой при вспыхиваніи пороха; замѣнимъ, что еще не имѣли истинной мѣры разпространенія сей матеріи въ первое мгновеніе вспыхиванія. *Робинсъ* полагалъ, что разпространеніе сіе въ 1000 разъ болѣе средняго дав-

ленія атмосферы, напрошивъ шого *Г. Бернулли* полагалъ во 1000 разъ болѣе послѣдняго. Посредствомъ точнѣйшихъ опышовъ, хотѣлъ Графъ *Румфордъ* (знаменитый многими экономическими изобрѣшеніями) доказать въ Лондонѣ, что разпространительная матерія сія превышаетъ среднее давленіе воздуха въ 50,000 разъ. При сихъ опысахъ, сдѣланныхъ въ 1792 году, превосходнѣйшимъ и драгоцѣннѣйшимъ приборомъ въ Мюнхенскомъ арсеналѣ, оказалось слѣдующее замѣчательное явленіе: что зажженный порохъ, въ чрезвычайно крѣпко закрытомъ пространствѣ, превращался въ швердое шѣло и послѣ нѣсколькихъ секундъ перялъ совершенно свое дѣйствіе. Изъ сихъ опышовъ и вывелъ Графъ *Румфордъ* резульшашъ, что чрезвычайная сила воспламененнаго пороха происходитъ ошь дѣйствія разгоряченныхъ водяныхъ паровъ и что воспламенение не мгновенно происходитъ, но мало по малу.

На счетъ усовершенія снарядовъ, было въ семь періодъ шакже довольно много сдѣлано. Такъ какъ замѣнили, что цѣпныя ядра, никогда во всю длину цѣпи не разпространяются; шю нѣкто предложилъ въ Портсмутѣ, бросать ихъ изъ двухъ особенныхъ пушекъ, сна-вля ихъ одну ошь другой въ разстояніи шри-

надцяти шагівъ. Опытъ сей въ самомъ дѣлѣ былъ произведенъ не далеко отъ Портсмута; однако жъ замѣшимъ, что употребленіе цѣпныхъ ядеръ, по шрудной палбѣ, сопряжено съ большими препяшствіями.

Употребленіе ракетъ не только для сигналовъ, но и прошивъ непріятеля, есть уже давно извѣстное изобрѣшеніе. Особенно были онѣ извѣстны въ Оспѣ-Индіи, гдѣ *Гайдеръ-Али* нѣсколько тысячъ ракетчинокъ имѣлъ въ своемъ войскѣ. Ракеты сіи состояли изъ желѣзной гильзы, 12 фунтовъ вѣсомъ, наполненной горючимъ составомъ и прикрѣпленной къ хвосту, имѣвшему 8 фунтовъ длины. На ровномъ пространствѣ давали имъ горизонтальный полетъ, на болотистомъ и гористомъ навѣсный, и всегда распространяли онѣ въ кавалеріи ужасъ и беспорядокъ. Ракеты сіи довольно сходствовали съ *форсфорическими ракетами* гражданина *Шевалье*, надъ кошорыми были дѣланы опыты въ 1796 году.

Скажемъ теперь нѣчто объ легкой Артиллеріи и силѣ ея во всѣхъ тогдашнихъ Государствахъ.

Сія конная Артиллерія состояла въ 1792 году изъ 9 ротъ; въ каждой ротѣ находилось 2 Каптана, 2 Поручика, 1 оберъ-

сержантъ, 3 сержанша, 1 фурьеръ, 3 каптала, 3 ефрейтора, 3 фейерверкера, 30 оберъканонеровъ, 30 канонеровъ и 2 трубача. Издержки на успроеніе сего войска не превышали 496,926 ливровъ, ежегодное жалованье всѣмъ чинамъ онаго, 234,774 ливровъ. Въ продолженіе послѣдней войны, конная Артиллерія возрасла до 8 полковъ, состоявшихъ все вмѣстѣ изъ 3728 служившелей. Ей одолжены Республиканцы побѣдою надъ *Шарретоми*; она лишь перемѣняла часто и быстро свои позиціи, и всюду дѣйствовала съ пользою. Въ сраженіи при *Кастиліоне*, Бонапартъ приказалъ *Дамартену*, собрать нѣсколько дивизионовъ конной Артиллеріи, кои быстрымъ огнемъ своимъ доставили ему побѣду. Эрцъ-Герцогъ Карлъ, кошорый, по примѣру Французовъ, также значительно умножилъ конную Артиллерію, одолженъ ей большею частію одной изъ славнѣйшихъ побѣдъ.

Пѣшая Артиллерія была въ семь періодъ также усилена. Въ 1789 году Франція имѣла 7 полковъ пѣшей Артиллеріи, вмѣстѣ состоявшихъ изъ 8204 служившелей, не включая въ сіе число 6 ротъ минеровъ и 9 ротъ работниковъ. При заведеніи національной гвардіи въ 1790 году, находились при двухъ орудіяхъ каждаго баталіона 17

Артиллерійство, но изъ которыхъ въ послѣдствіи по декрету 23 Марта 1792 года, построены были Артиллерійскія роты. Тогда каждый баталіонъ получилъ одну роту, состоявшую изъ одного Капитана, 2 Поручиковъ, 1 фельдфебелъ, 2 сержантовъ, 4 капраловъ, 1 барабанщика, 36 канонеровъ, 2 фейерверкеровъ и 4 гандлангеровъ. Всѣ же прочія Артиллерійскія роты національной гвардіи, не принадлежавшія ни къ какому баталіону, были уничтожены. Потомъ, когда въ послѣдствіи времени, національная гвардія была соединена съ линейными войсками, тогда по предложенному плану состояла вся Артиллерія, изъ 8 вышеупомянутыхъ полковъ конной Артиллеріи, 8 полковъ пѣшей Артиллеріи, въ каждомъ полку по 1888 человекъ, изъ 34 ротъ фейерверкеровъ и бомбандировъ, всѣ вмѣстѣ изъ 1920 человекъ, двухъ баталіоновъ поншюнеровъ, (въ каждомъ по 599 человекъ) и наконецъ изъ 12 рабочихъ ротъ, составлявшихъ вмѣстѣ 1044 человека. Штабъ состоялъ изъ 8 Дивизионныхъ Генераловъ, 12 Бригадныхъ Генераловъ, 29 Полковниковъ, 33 Подполковниковъ и 144 Капитановъ; годовыя издержки содержанія сей полевой Артиллеріи прощирались до 8,463,855 франковъ. И въ другихъ Государствахъ была Артиллерія умно-

жена. Саксонская была усилена въ 1797 году, 12 фейерверкерами, 12 капралами и 276 канонерами, — чрезъ что вся Артиллерія состояла изъ 1685 ч. Имперская Артиллерія состояла въ 1799 году изъ 3 полковъ, въ каждомъ по 18 ротъ, одного Фузелернаго баталіона изъ 6 ротъ, 4 ротъ минеровъ, 3 ротъ саперовъ и 3 ротъ поншюнеровъ. Прусская Артиллерія состояла вначалѣ правленія Фридрика Вильгельма III изъ 9 баталіоновъ пѣшей Артиллеріи, 1 баталіона конной Артиллеріи, 3 ротъ поншюнеровъ и 4 ротъ минеровъ.

Важнѣйшія заведенія для образованія Артиллерійство были въ семь періодъ: *Артиллерійская Академія* въ Берлинѣ, и *Политехническое училище* въ Парижѣ. Заведеніе въ Берлинѣ одолжено существованіемъ своимъ Фридрику Вильгельму III, а превосходнымъ своимъ устройствомъ, незабвенному Генералу *Фонъ-Темпельгофу*. Оно состояло изъ *трехъ* отдѣленій, изъ которыхъ въ первомъ обучаются унтеръ-офицеры. Они получаютъ здѣсь свѣдѣнія въ письмѣ, Арифметикѣ, и въ первоначальныхъ основаніяхъ Артиллеріи; послѣ чего въ Математикѣ, въ Межеваніи, полевой Артиллеріи въ черченіи. Второе отдѣленіе вмѣщаетъ въ себя молодыхъ людей, предназна-

ченныя для офицерскаго званія, которые кромѣ сихъ первоначальныхъ свѣдѣній наславляются въ Теоретической части Артиллеріи, въ Фортификаціи, Исторіи и въ Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Въ прѣдѣлахъ отдѣленія преподаются офицерамъ военныя науки, во всемъ ихъ пространствѣ. Зима назначена единственно для занятія науками; лѣтомъ же производятся практическія ученія. Содержаніе сего заведенія стоить ежегодно 7500 талеровъ. Еще большій кругъ дѣйствія введенъ былъ въ политехническомъ училищѣ въ Парижѣ, содержавшемъ въ себѣ 250 учениковъ (оцѣ 16 до 20 л. возраста). Спрогимъ испытаніемъ должны были ученики доказать, что имѣють довольно первоначальныхъ свѣдѣній, чтобы слушать лекціи въ Артиллерійскомъ искусствѣ, Инженерной наукѣ, о строеніи мостовъ, дорогъ, кораблей, въ горной наукѣ и прочихъ Физическихъ и Математическихъ наукахъ. Весь курсъ продолжался два года; ученики, предназначенные для Артиллеріи, должны были прежде находиться въ приготовительномъ училищѣ въ Шалонѣ на Марнѣ, имѣвшемъ двухъ Капитановъ Артиллеріи, одного учителя Физики и Химіи, двухъ учителей Математики, двухъ для Фортификаціи, одного для черченія, а знамени-

паго Лапласа экзаменаторомъ. Изъ политехническаго училища вышло много великихъ мужей, между прочими удивительный Наполеонъ Бонапарте.

Константинъ Рейсигъ.

II.

И С Т О Р І Я.

О С А Д А Т У Л О Н А.

Изъ жизни Наполеона.

Сов. Сира Валтера Скотта.

Осада Тулона была первымъ примѣчательнымъ происшествіемъ, подавшимъ Наполеону случай ошлечиться предъ глазами Французскаго Правительсва и цѣлаго свѣта. Уже мы говорили, что всеобщая недовѣрчивость и страхъ, возбужденные намѣреніями Якобинцевъ, вмѣстѣ съ происками Жирондцевъ, подвигли, по испроверженіи сей послѣдней партіи, многіе Французскіе города къ возмущенію противъ Конвента, или лучше сказать, противъ Якобинцевъ; кошоры сдѣлались въ ономъ полными вла-

стединами. Мы сказали также, что Тулонъ, принявъ болѣе рѣшительныя мѣры, нежели Марсель и Лионъ, объявилъ себя за Короля и Конституцію 1789, домогаясь помощи отъ эскадры Англо-Испанскихъ, крейсеровавшихъ у береговъ. Совершилась высадка и на скоро составившійся корпусъ изъ Испанцевъ, Сардинцевъ, Неаполитанцевъ и Англичанъ, вошелъ въ крѣпость.

Тогда-то было роковое время, въ которое требовалось только рѣзкихъ мѣръ со стороны союзниковъ, чтобы имѣть сильное вліяніе на послѣдствія войны. Тулонъ, арсеналъ Франціи, содержалъ въ себѣ множество морскихъ пошребностей и флотъ, состоящій изъ семнадцати линейныхъ кораблей, готовыхъ въ море и тринадцати или четырнадцати другихъ кораблей, въ починкѣ. И такъ это пріобрѣтеніе было чрезвычайно важно; и съ достаточнымъ гарнизономъ, или лучше, съ довольно сильною арміею для прикрытія всѣхъ опасныхъ пунктовъ снаружи города, Англичане могли бы въ немъ удержаться также удобно, какъ въ послѣдствіи въ Кадиксъ и Лиссабонъ. Море, содержа оборонительную линію, необходимую для прикрытія рейды, было бы совершенно во власти осажденныхъ, когорые могли бы получать изъ Сициліи и Вар-

варійскихъ владѣній, все нужное для нихъ продовольствіе; между тѣмъ, какъ осажденціе съ шрудомъ поддерживали бы свою армію, ибо въ провинціи оказывалась большая скудость въ припасахъ. Но чтобы имѣть такія преимущества, требовалось не нѣсколькихъ баталіоновъ, а цѣлой арміи, съ опытнымъ Генераломъ для ея предводительства. Сіе тѣмъ болѣе было необходимо, что Тулонъ, по своему мѣстоположенію, долженствовалъ быть защищаемъ аванпостною войною, въ когорой наиболѣе требуется дѣятельности, смѣлливости и оспорожности. Съ другой стороны были обстоятельства, благоприятствовавшія защитѣ города, если бы ею управляли искусно и рѣшительно. Чтобы обложить Тулонъ вдругъ съ правой и съ лѣвой стороны, было бы необходимо имѣть, для блокированія, двѣ отдѣльныя арміи, когорыя съ шрудомъ могли бы сообщаться между собою, по причинѣ раздѣленія ихъ грядою крутыхъ горъ Фаронскихъ. Тѣмъ удобнѣе было для осажденныхъ сосредоточивать силы ихъ и выбирать пункты, на когорыхъ бы лучше расположить ашаку при вылазкѣ; между тѣмъ, какъ съ другой стороны, два отряда осаждающихъ не могли съ такою удобностію со-

глашать свои дѣйствія, ни для напора, ни для защиты.

Лордъ Мюльгравъ командовалъ крѣпостью. Не взирая на смѣсь въ составъ гарнизона и на другія неблагопріятствовавшія обстоятельства, онъ началъ защиту мужественно. Сиръ Георгъ Кейпъ Эльфинстонъ также поразилъ республиканцевъ въ ущелии Оліульскомъ; Англичане держались нѣсколько времени въ сей важной позиціи, но наконецъ были оштуда прогнаны. Карто, республиканскій Генераль, двинулся впередъ къ западу ошъ Тулона, съ весьма значительною арміею, а между шѣмъ Генераль Лапойнъ блокировалъ городъ съ восточной стороны, частію Италіанской арміи. Цель Французовъ была та, чшобы приблизиться къ Тулону съ обѣихъ сторонъ гряды Фаронскихъ горъ. Но съ восточной стороны городъ былъ прикрываемъ крѣпостицею Мальгъ, а съ западной стороны рейды, укрѣпленіемъ, не столь грознымъ, называемымъ Мальбоскешъ. Для поддержанія Мальбоскеша и для прикрытія входа въ рейду и въ гавань, Англійскіе Инженеры съ большимъ искусствомъ укрѣпили одно возвышеніе, названное высокою Грасскою. Сіе возвышеніе образуетъ двѣ оконечности, съ находящимся между ними заломомъ; обѣ защищены реду-

тами: Эгильешъ и Балагерьъ, состоящими въ сообщеніи съ новымъ укрѣпленіемъ, которому Англичане дали названіе Мюльгравъ.

Произошло много вылазокъ и сшибокъ: почти всегда республиканцы были биты. Генераль-Лейтенантъ Огара (O'Hara) прибылъ изъ Гибралшара со вспомогательнымъ войскомъ и принялъ главное Начальство.

Нельзя сказать, чшобы оба начальствующихіе жили въ ладу между собою, однако ихъ распоряженія производились съ такимъ успѣхомъ, чшо Французы начали унывать ошъ продолжительнаго хода осады. Скучность въ припасахъ умножалась съ каждымъ днемъ; неудовольствіе жителей Прованса возрастало, Кашолики вооружились во многихъ округахъ Виваре и нижняго Лангедока; Баррасъ и сочленъ его Фреронъ писали изъ Марсели Конвенту, чшо полагають за лучшее снять осаду Тулона (*) и дать повѣліе осаждающей арміи переправиться за Дюрансъ. Но между шѣмъ, какъ сіи слабые умы опчаявались въ успѣхъ, первостепен-

---

(*) Эшо письмо появилась въ Монитерѣ 10 Августа 1793; но какъ черезъ нѣсколько дней Тулонъ былъ взятъ, шшо Конвентъ объявилъ, чшо оно подложное.

ный изъ нихъ гений приговарялъ все, что было нужно для завоеванія Тулона.

Бонапаршъ по удаленіи изъ Корсики, былъ кажется, покровительствуемъ своимъ соотечественникомъ Саличешпи, единствен-нымъ изъ Корсиканскихъ Депушатовъ, который подалъ голосъ на смерть Короля. Онъ зналъ молодаго Артиллерійскаго Офицера, еще во время междоусобной войны на его родинѣ. Доказательствомъ, что Наполеонъ соображалъ свое личное мнѣніе съ духомъ времени, служилъ изданная имъ Якобинская шешрадка подъ заглавіемъ: *Ужинъ въ Бокертъ*; это политическій разговоръ между Марашомъ и однимъ Федералистомъ, выславляющій сего послѣдняго смущеннымъ и принужденнымъ къ молчанію сильными доводами и краснорѣчіемъ *Друга народа* (*). Въ послѣдствіи, Наполеонъ такъ спыдился сего юношескаго произведенія, что съ большею спросогсію велѣлъ опыскивать и испреблять всѣ экземпляры; почему шеперь почти не возможно доспашъ ни одного. Спранно, что въ дикшованныхъ имъ на Сенш-Эленѣ запискахъ упоминаешь онъ о

(*) Извѣстно, что подъ симъ названіемъ издавался Марашомъ Журналь. *Пер.*

семь сочиненіи, какъ о такомъ, въ кошоромъ кошѣлъ, подъ личиною Якобинства, доказашъ Жирондцамъ и Роялистамъ, что они избрали во все неудобное время для своего возмущенія и не могутъ ожидать никакого успѣха. Онъ присокоупляешь, что убѣдилъ многихъ читателей.

Болѣе очевиднъ былъ тогда воинствен-ный духъ Бонапарша, нежели прочносшь его политическихъ правилъ, хошя однако былъ онъ и не дурнымъ памріотомъ. Въ дѣлан-ныхъ надзирашелями военной школы оп-мѣшкахъ о каждомъ воспитанникѣ, опзыва-лись о немъ, какъ о юношѣ съ необыкновен-ными дарованіями; и одному собственному достоинству обязать онъ былъ повышени-емъ на спенень баталіоннаго командира и начальствомъ надъ Артиллерією, во время осады Тулона.

Когда онъ прибылъ на шешпръ войны и осмощрѣлъ всѣ посты осаждающей арміи, шо нашелъ такія несообразности, что не могъ скрышъ своего удивленія. Батшарен, пославленныя на разрушеніе Англійскаго флота, были опдалены на при пушечныхъ выспрѣла опъ точки, на кошорой должно было оказывашься ихъ дѣйствіе; ядра были пригошвлены, но печи для каленія ихъ по-

мѣщены въ окрестныхъ *бастадахъ* (*) и на такомъ обширномъ разстояніи, какъ будто бы каленыя ядра могли бытъ шакъ удобно перевозимы. Не безъ труда выпросилъ Бонапарть у Карно позволеніе выспрѣлнть разъ или два на пробу, и когда сей послѣдній увидѣлъ, что ядра не долетають до половины пуши онъ цѣли; то спалъ вопіаяшъ прошивъ Ариспнокрашовъ, испоршившихъ, по словамъ его, доброму пороха.

Молодой Артиллерійскій офицеръ, съ большимъ благоразуміемъ и вмѣстѣ съ жаромъ спалъ дѣлать свои представленія Гаспареню, члену Конвента, бывшему свидѣтелемъ опыта, и расшодковалъ ему о необходимости принять другую систему, если желаютъ какого-либо успѣха.

Въ собранномъ военномъ Совѣтѣ, подъ предѣдательствомъ Гаспареня, спали читать Инструкцію Комитета общественнаго благосостоянія, въ кошорой сказано было, что надлежитъ начать осаду Тулона обыкновеннымъ образомъ, то есть; обложитъ главный валь, или другими словами, самый городъ. Нельзя было безнаказанно оспоривать или перешалковывать приказа-

(*) Небольшіе сельскіе домики въ окрестностяхъ Тулона.

нія Комитета общественнаго благосостоянія шѣмъ, кому надлежало ихъ исполнять; но Бонапарть опважился подать голосъ, что въ семъ важномъ случаѣ необходимость пребуеть опъ нихъ општупить. Изобрѣшательному его генію открылся новый планъ не столь прямой, но болѣе надежный къ овладѣнію крѣпостью. Миѣніе его было таково, чтобъ оставя обложеніе города, осаждающіе обрашили все свое вниманіе на завладѣніе мыса, называемаго высокою Грасекою, для изгнанія осажденныхъ изъ опаснаго укрѣпленія Мюльгравъ и изъ двухъ редушовъ, Эгильета и Балагьера, гдѣ Англичане устроили оборонительную линію, необходимую для прикрытія флота и гавани. Онъ совѣщовалъ шакже обратитъ атаку наиболѣе на укрѣпленіе Мальбоскешъ, по тому же направленію. Онъ утверждалъ, что если удастся осаждающимъ завладѣть сими укрѣпленіями; то они будутъ вполне господствовать и надъ большою и малою рейдами, и стояцій въ нихъ Англинскій флотъ принужденъ будетъ оподвинуться въ море. Они могли бы шакимъ же образомъ господствовать и надъ заливомъ, и заграждать входъ вспомошательнымъ силамъ или ввозу продовольствія въ городъ. Когда же гарнизонъ увидитъ себя въ опасности лишиться вспо-

моженій ошь флота, сдвинушаго съ его становья, шо естешвенно, что Англійскія войска предпочушь лучше выбраться изъ Тулона, нежели въ крѣпости, блокируемой со всеъхъ сторониъ, оставашься дошоль, пока голодь не принудишь ихъ сдаться.

Не безъ затрудненій согласились утвердишь сей планъ, и дали юному офицеру полную власть привести его въ исполненіе. Тогда собрадь онъ вокругъ себя много отличныхъ Артиллерійскихъ офицеровъ и хорошихъ Артиллерійшовъ, подвинулъ ближе къ Тулону болѣе двухъ сотъ, хорошо управляемыхъ пушекъ, и размѣстилъ ихъ такъ удобно, что онъ причинили большой вредъ Англійскимъ кораблямъ на рейдѣ, даже прежде, нежели установаены были башарей, которыми надѣялся онъ сгромить укрѣпленія Мюльгравъ и Мальбоскетъ, сосставлявшія главнѣйшую охрану для флота.

Въ сіе время Генераль Доппе, преждебывшій врачъ, смѣнилъ Каршо, котораго неспособность не могла бышь долго скрывается, не смощря на хвасовство его; и, вещь удивительная, не много не досадало, чтошобъ Эксдокшоръ не взялъ Тулонъ, когда онъ всего менѣе о шомъ думалъ. Безпушная ашака, сдѣланная нѣсколькими удальцами, прошивъ корпуса Испанскихъ войскъ, зани-

мавшаго гарнизонъ въ укрѣпленіи Мюльгравъ, едва не оказала полного успѣха. Бонапарть явился на мѣстѣ шибки съ Генераломъ своимъ, не охотно за нимъ послѣдовавшимъ, и приказалъ придвинуть войска для поддержанія атаки; но вдругъ одна Адьюшаншь палъ убитый подѣш Доппе. Врачъ-Генераль, считая сіе произшествіе дурнымъ предзнаменованіемъ, сказалъ, что это дѣло ошчаянное и, къ великому негодованію Бонапарта, приказалъ ошесунить. По смѣявъ Доппе, шакже за неспособишю, мѣсто его занялъ Дюгомъе, старый воинъ, покрышый ранами, служившій пятьдесятъ лѣтъ и шоль же храбрый, какъ его шпага.

Съ сей мишущи начальникъ Артиллеріи, вполне сошвѣстшвуемый своимъ Генераломъ, не сомнѣвался болѣе въ успѣхъ; однако, для увѣренности въ шомъ, онъ усугубилъ свою дѣшельность и заботливосшь, и подвергалъ себя всемъ опасностямъ.

Одна изъ нихъ была шпаннаго рода: въ шо время, когда Наполеонъ осматривалъ свою башарю, въ глазахъ его убило Артиллерійста на ввѣренной ему пушкѣ; Бонапарть берешъ приборникъ изъ рукъ мертваго пушкаря и, для ободренія другихъ, заряжаешъ нѣскольکو разъ пушку собственными руками. Симъ приборникомъ сообщ-

дась ему за азительная кожная болѣзнь, кошую худо лечили, и кошая, какъ говорятъ, вошла въ кровь его, вреда очень много его здоровью до самой Итальянской компаніи, когда онъ былъ совершенно вылеченъ Докшоромъ Корвизаромъ. Уже послѣ сего-то выздоровленія началось его расположение къ дородству, емоль замѣчательное въ послѣднее время жизни его.

Въ другомъ случаѣ, между нѣмь, какъ Наполеонъ надзирала за успроеніемъ башарей, кошую непріятели усиливались разрушить огнемъ своимъ, онъ спросилъ, нѣсть ли грамотнаго челоуька, кошому бы можно было продиктовать приказъ. Молодой солдатъ выходилъ изъ рядовъ и спавовишся въ гошовность писать, положивъ бумагу на край брусвера. Когда онъ дописалъ, пушечное ядро, брошенное изъ непріятельской башарей, покрыло землей написанное. „Спасибо, сказалъ солдатъ-письмоводитель, эдакъ не нужно песку.“ Веселость и мужество эшой выходки обратили вниманіе начальника на молодого челоуька, кошой сѣдлакъ послѣ знаменишымъ Генераломъ Жюно, бывшимъ пошомъ Герцогомъ Абраншескимъ. Во время сей же осады открылъ онъ и дарованія Дюрока, кошой былъ послѣ однимъ изъ ревностнѣйшихъ его привержен-

цевъ. Въ семь случаевъ, какъ и во многихъ другихъ, Бонапаршъ оказалъ глубокое знаніе людей, пою прозорливостію, съ какою умѣлъ онъ находить и привязывать къ себѣ нѣхъ, чьи дарованія заслуживали ошлчій, и кшо наиболее былъ способенъ сошвъшшествовать его пользамъ.

Не смотря на вліаніе, пріобрѣтенное Начальникомъ Артиллеріи, его распоряженіямъ часто мѣшали члены Кошвенша, прислаемые съ порученіями къ осаждающимъ. Таковы были: Фреронъ, Рикоръ, Саллчешши и Робесньеръ младшій. Сии представители народа хорошо помнили, что ихъ званіе дасть имъ верховную власнь надъ Генералами и армією; но ни мало не думали входить въ изслѣдованіе, даны ли имъ природою или воспитаніемъ средства употреблять власнь сію съ пользою для общественнаго и собшвеннаго ихъ блага. Посему-то они хулили Бонапаршовъ планъ атаки, не будучи въ состоаніи цонимать, какимъ образомъ дѣйствія, усшремленныя на укрѣпленія ошдѣльныя и въ споронѣ онъ Тулона, могли быть предварительнымъ средствомъ къ завладѣнію самаго города. Однако Наполеонъ оказалъ себя весьма терпѣливымъ, а съ помощію хорошаго мѣнтя о немъ Саллчешши и нѣсколько дружеской связи съ

младшим Робеспьеромъ, достигъ до того, что вся работа предоставлено было устраивать по собственному его плану.

Высокомѣріе сихъ сановниковъ было причиною, что онъ ускорилъ атаку. Его намѣреніе состояло въ томъ, чтобы довершишь работы, предпринятія противъ укрѣпленія Мюльгравъ, а потомъ уже открытъ, въ величайшей тайнѣ устроенную, весьма сильную батарею противъ Мальбоскета, дабы неожиданнымъ напоромъ изумить непріятеля. Сія скрытная работа, зашѣненная въшвами масличныхъ деревъ, были уже совершенно кончены, непримѣченныя Англичанами, которыхъ Бонапартъ хотѣлъ атаковать вдругъ на всѣхъ пунктахъ оборонительной линіи; но Фреронъ и Робеспьеръ, осматривая посты, нечаянно попали на сію батарею, и не могли сообразить, для чего остаются въ бездѣйствіи четыре мортиры и восемь 24 фунтовыхъ пушекъ, приказали начать немедленно огонь противъ укрѣпленія Мальбоскетъ.

Генераль Огара, испуганный устремленіемъ столь неожиданнаго и жестокаго огня на важнѣйшій свой постъ, рѣшился употребить все средства, чтобы овладѣть Французскою батареею. Три тысячи чловѣкъ употреблены были на вылазку и самъ

Генераль рѣшился предводительствовать ими, не смотря на то, что сіе считается противнымъ обязанности крѣпостнаго начальника. Напискъ его сперва удался, но между шѣмъ, какъ Англичане гнали довольно далеко непріятеля, вѣтрялся тому, что казалось вѣрною побѣдою; Бонапартъ воспользовался страншею, устроеною поперекъ долины, чтобы привести подкрѣпленіе, соединить значительный отрядъ войска и ударить нечаянно на фланги и въ тылъ разсѣявшимся Англичанамъ. Дѣло было весьма жаркое, и Наполеонъ получилъ рану штыкомъ въ ногу, но не смотря на значительность оной, не оставилъ сраженія. Англичане были приведены въ большое смятеніе и ударились въ бѣгство, оставя своего раненаго Генерала въ рукахъ непріятеля. Замѣчательно, что Наполеонъ во все время продолжительныхъ войнъ своихъ, только два раза сражался лично съ Англичанами, именно: въ сей первой битвѣ и въ долинѣ Ватерлооской, въ послѣдній роковой день. Осада Сен-Жан-д'Акра не можетъ служить исключеніемъ относительно личнаго сраженія.

Защитники Тулона уже начали унывать, но ихъ уныніе возрасло еще больше отъ потери Главноначальствующаго, а имъ

вось послѣдовавшей за шѣмъ атаки, казалось совершенно уронила духъ гарнизона. Пять башарей открылись предъ укрѣпленіемъ Мюльгравъ, на взятіи котораго Бонапарть основывалъ овладѣніе городомъ. Послѣ огня, продолжавшагося цѣлыя сутки, Дюгомье и Наполеонъ рѣшились отважиться на всеобщую атаку, къ которой представители народа оказывали мало охоты. Передовая колонна двинулась на приступъ передъ разсѣвомъ, во время сильнаго ливня; сперва осажденные, упорною защитою, отразили ее. Дюгомье, видя войска въ безпорядкѣ и зная послѣдствія худаго успѣха для Республиканскаго Генерала, закричалъ: „я погибъ!“ но упошребя снова все усилія, имѣлъ онъ наконецъ успѣхъ; Испанскіе канонеры оставили одинъ пунктъ, и укрѣпленіе досталось во власть Французовъ, когорые не дали пощады его защитникамъ.

Черезъ три часа по взятіи укрѣпленія, явились въ шраншеѣ, по словамъ Бонапарть, представители народа и, съ оружіемъ въ рукѣ, стали поздравлять войска съ побѣдою и благодарить за ихъ усердіе, пребуя въ то же время еще разъ увѣренія ошъ Начальника Арциллеріи, что хотя еще далеко до Тулона, но съ сей минутой надлежитъ счипашъ взятымъ и городъ. Въ доне-

сеніи Конвенту, Депутаты сдѣлали самый высокопарный расказъ о собственныхъ своихъ подвигахъ. Они выставили Рикора, Саличешши и младшаго Робеспьера управляющими атакою съ оружіемъ въ рукахъ, и показавшими войскамъ путь къ побѣдѣ (это собственные ихъ выраженія). О Бонапарть же, которому вполне обязаны были сею побѣдою, вовсе забыли упомянуть.

Проницательность Наполеона не обманулась въ заключеніяхъ. Офицеры Союзныхъ войскъ, послѣ успроеннаго наскоро военнаго совѣша, рѣшились выбраться изъ Тулона; ибо завоеванный Французами портъ, принудилъ бы Англійскіе корабли оставить ихъ спановѣ, и лишилъ бы ихъ возможности къ ошешупленію, если бы они пропустили время. Лордъ Гудъ одинъ сдѣлалъ болѣе смѣлое предложеніе, именно: чтобъ новымъ покушеніемъ отбить укрѣпленіе Мюльгравъ со всеми высотами, надъ нимъ господствующими; но сіе отважное предпріятіе было ошвергнуто и положили выбраться изъ крѣпости. Самое бѣгство сіе, при шомъ паническомъ спрахѣ, какой овладалъ чужеземными войсками и наиболее Неаполитанцами, было бы еще ужаснѣе безъ швердостши Англійскихъ машрововъ.

Но при всем замѣшательствѣ сего опустошенія, не было забыто иностранцами о безопасности несчастныхъ жителей Тулона, отдавшихся подъ ихъ покровитель-ство. Многочисленные купеческіе корабли и другіе суда доставили средство къ вывозу тѣхъ, которые, боясь злости республиканцевъ, желали удалиться изъ Тулона. Таковъ былъ ужасъ, внушаемый жестокостію побѣдителей, что четырнадцать тысячъ человекъ воспользовались симъ прибли-женіемъ. Между тѣмъ было еще о чемъ позаботиться.

Рѣшились разрушить арсеналь, морскіе магазины и всѣ Французскіе корабли, неспособные къ ошпылѣнію; для чего и подложили огонь. Эта обязанность поручена была дознанной предприимчивости Сира Сиднея Смита, который распорядился съ благоразуміемъ, считающимся по всемъ ображеніямъ, чудеснымъ. Пособіе Испанцевъ было предложено и принято, они взяли на себя заплотить два корабля, служившіе пороховыми магазинами, и разрушить нѣкоторые изъ негодившихся къ употребленію. Пожаръ, распространяясь болѣе и болѣе крутящимся багровымъ пламенемъ, подобился обширному вулкану, посреди котораго долго видѣлись мачты и реи пылающихъ ко-

раблей, и который мрачнымъ блескомъ освѣщала войска республиканскія, усиливающаяся съ разныхъ пунктовъ проникнуть въ крѣпость. Тулонскіе Якобинцы начали хватать бѣгущихъ роялистовъ; раздались возмущительныя богохульства и завыванія мессы; звуки республиканскихъ пѣсень смѣшались съ жалобными криками и мольбами запоздалыхъ бѣглецовъ, не успѣвшихъ воспользоваться средствами къ ошпылѣнію. Пушки Мальбоскема были обращены противъ городской стѣны и еще болѣе увеличили смятеніе. Но вдругъ раздавшійся, подобно грохоту землетрясенія, прескъ опъ взрыва многихъ сошенъ пороховыхъ бочекъ, заглушилъ весь прежній шумъ. Пылающія головки тысячами взвились на воздухъ и угрожали разрушеніемъ всему, на что устремлялось ихъ паденіе. Второй взрывъ, еще одинъ магазинъ поднявшій на воздухъ, произвелъ тѣ же ужасныя дѣйствія.

Сіи пагубные взрывы, дополнившіе ужасъ явленія, споль возмущительнаго въ самомъ себѣ, произведены были Испанцами, которые, вмѣсто заплотенія кораблей съ порохомъ, какъ то было предположено, бросили въ нихъ огонь. По недоспашку ли охоты, или по безпечности и трусости, имъ не удалось испребить и тѣхъ обезмаченныхъ

кораблей, коихъ разрушеніе было имъ ввѣрено, и кошорые съ малымъ только поврежденіемъ достались въ руки Французовъ. Брипанскій флотъ, съ охраняемою имъ, сбитою въ кучу флотиііею бѣглецовъ, оспавиль Тулонъ безъ попері, не смотря на огонь, худо направляемый, съ башарей, кошорыми завладѣли Французы.

Въ сію-шо спрашную ночь, посреди огня, слезъ и крови, появилась на небосклонѣ звѣзда Наполеонова; и хошя долго еще, на многихъ поляхъ убійства блискала она до своего пошушенія, но сомнишельно, что бы когда-либо лучи ея смѣшивались съ лучами зрѣлища, болѣе ужаснаго.

Взятіе Тулона разрушило возникающую на югъ Франціи, надежду на возможность сопротивляться Якобинцамъ. Англичане подверглись сильному подозрѣнію; ихъ спавли упрекашь въ намѣреніи воспользоваться только возмущеніемъ несчастныхъ жителей Тулона, для испребленія морской силы Франціи, безъ малѣйшаго желанія подати существенную помощь роялистамъ. Такое мнѣніе было несправедливо; однако нельзя опровергашь, что были значительные доводы въ пользу обвиненія. Дабы съ успѣхомъ вспомошествовать городу, лежащему на такой мѣстности, какъ Тулонъ, въ случаѣ

дѣйствительнаго намѣренія сіе выполнить, требовалось усилій, достойныхъ народа, опъ кошораго просили и приняли вспоможеніе; но такихъ усилій не было совершено, дѣйствительна же оказанныя пособія не были направлены дарованіемъ и вовсе уничтожились разгласіемъ начальниковъ. Войска сражались храбро; но предводители ихъ, исключая морскихъ офицеровъ, обнаружали мало воинскихъ способностей, а еще менѣе видовъ исполн. соображенной защиты. Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, кошораго въ сіе время случай завлекъ въ Тулонъ изъ часной жизни, отличился волепшеромъ въ сихъ обстоятельствевахъ (*), а послѣ занялъ доснославное поприще въ Англійской арміи. Если бъ онъ, или кто другой, ему подобный, командовалъ гарнизономъ; то стѣны Тулона сдѣлались бы, можеть бышь, свидѣтелями такого же сраженія, какъ при Бороссѣ, и вѣроятно осада имѣла бы другія послѣдствія.

(*) Грагамъ де Вельгуень (Graham de Belgowan), нынѣ Лордъ Липедокъ; опъ слѣдовалъ за войскомъ въ одной вылазкѣ. Когда стѣна разгорѣлась, опъ схватилъ ружье и ядунку солдата, только что убишаго, и подаль столь хорошій примѣръ для другихъ, что много способствоваль успѣху дѣла.

Сколько великое число Тулонскихъ жителей, замѣшанныхъ въ недавнемъ возмущеніи, воспользовалось доспавденными ошъ Англичанъ средспвами бѣгства, что мещь республиканская не могла поразить шакъ много жертвъ, какъ обыкновенно. Однако большое число ихъ было разспрѣяно, и утверждающъ, что Бонапарть командоваль Аршиллерією, спрѣявшею по нихъ каршечью, какъ въ Лионѣ. Прибавляющъ даже, что онъ писалъ къ Фрерону и младшему Робеспьеру, поздравляя ихъ и себя съ казнью сихъ аристокраповъ, и подписался: Брушь Бонапарть, Санкюлотъ. Если бъ онъ дѣйствительнѣю предводительствоваль при сей казни, ему бы ошалося только слабое извиненіе, что должно было исполнять это или погибнуть самому; но если дѣло сіе и письмо не суть только невѣрныя предположенія, то прошекло довольно времени послѣ его паденія: можно бы успѣть доказать истину и вѣрно довольно бы нашлось писателей, расположенныхъ къ огласкѣ доказательствъ. Но самъ онъ положительно ошвергалъ сіе обвиненіе, увѣряя, что казнь приводилась въ дѣйство ошрядомъ войскъ, называемыхъ революціонною армією, а не строевымъ, что и кажешся намъ очень доошвѣрнымъ. Бонапарть утверждалъ сверхъ

того, что не только не старался онъ возбуждать мещи Якобинцевъ и не былъ ихъ агеншомъ, но еще навлекъ на себя неблаго-расположеніе пѣхъ, у кого наморщить брови значило приговорить къ смерти, ходатайствомъ своимъ за несчастное семейство Шабрильянъ, эмигрантское и аристократское, которое было выброшено бурєю на берега Франціи, векоръ послѣ осады Тулона, и могло попасть на гильшину; но спасено имъ и получило средства укрышья моремъ.

III.

К Р И Т И К А

Взглядъ на Математическіе Курсы, употребительнѣйшіе въ Россійскихъ училищахъ.

(Окончаніе.)

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Харьковскій Профессоръ Г. Осиповскій, издалъ курсъ чистой Математики въ 2 часпяхъ. Сіе сочиненіе, по своей полношъ и связи, заслуживаешъ гораздо большее уваженіе, нежели курсы предъ симъ разсмотрѣнные. Не ошпря однако же на сіе, почтенный Ав-

поръ не избѣгнуль и въ кошорыхъ недоспашковъ, на прим. дѣлишли чисель и общій наибольшій дѣлишель оспашются безъ доказательствъ. Въ изложеніи простыхъ и десятичныхъ дробей, не взирая на ясность пера сочинителя, вкрались въ кошорыя изъ тѣхъ упущеній, кошорыя находящяся и у Г. Фусса. Касательно Алгебры, должно сказать, что самое начало *о простыхъ количествахъ*, хотя обработано съ гораздо большею тщательностію, нежели у послѣдняго, но не удовлетворительно; поному что Авторъ изясняетъ положительныя и отрицательныя количества, не такъ, какъ Алгебраическія выраженія, показывающія токмо, ошъ какихъ дѣйствій оныя происходятъ, но какъ величины овлеченныя, что неправильно, и крайне затруднительно для понятія учащагося; ошъ недоспашочнога изложенія сей спашь, дѣйствіе съ сложными количествами дѣлаешя весьма темнымъ. Степени и корни простыхъ и сложныхъ количествъ, представлены весьма проспашранно, ясно и просшо, только доказательствъ въ въ кошорыхъ мѣстахъ слабы и не могушь служить общими. Свойства Логаритмовъ изложены также весьма хорошо. Уравненія 1 и 2 степени, хотя изложены и понятно, но если бы Авторъ выразился короче, тогда учащійся

могъ бы скорѣе обиять всю сію простую спашью. Въ уравненіи 2 степени, напрасно Авторъ не сказалъ ни слова о свойствѣ корней. Не стану размашривать уравненія высшихъ степеней, и Логаритмическіе ряды; ибо они не принадлежатъ къ начальной Алгебрѣ, но должны составлять предметъ высшей, о кошорой вообще будетъ сказано ниже. Геометрія довольно хороша, Тригонометрію же можно представить проще и легче. Коническія сѣченія изложены Авторомъ на основаніяхъ строгаго синтеза, что по видимому ошъ сдѣлалъ въ подражаніе древнимъ Писателямъ. Но шакое размашриваніе криволинейной Геометріи, могло бытъ только употребляемо до появления Декарта, кошорый своимъ анализомъ, доставилъ способъ ошъ простыхъ, но общихъ началъ, переходить ко всемъ частностямъ, побѣждашь все шрудности, приводить все къ единству, словомъ, далъ ключъ ко всемъ новѣйшимъ ошкрытіямъ, по наукамъ Физико-Математическимъ. Наши Гг. Математики оказали бы большую услугу юношеству, если бы выкинуть объ Тригонометріи и Коническія сѣченія изъ сего курса, занялись исправленіемъ прочихъ его частей, а именно: дополнили бы 1 спашью, а во 2 спашь, ш. е. о дробяхъ, сдѣлали бы

во многихъ мѣстахъ перемѣны въ разсужденіи свойствъ и умноженія оныхъ, равно какъ и изъяснили бы періодическія дроби; сверхъ того десятичныя, удобнѣе помѣстить предъ именованными и составными количествами. Непрерывныя дроби для первоначальнаго курса совсѣмъ не нужны. Для руководсва въ сихъ перемѣнахъ, можно съ великою пользою употреблять сочиненія Рейно, Бурдона и другихъ. Въ Алгебрѣ надлежитъ перемѣнить всю спашью о простыхъ и сложныхъ количествахъ, и откинуть принадлежащее къ высшей. Прочія же части сдѣлашь нѣсколько сжатѣе, ибо иногда Авшоръ, желая бытъ болѣе яснымъ, увлекался въ многословіе и заземлялъ шѣмъ мысль.

Не смотря на все сіе, должно сказать въ похвалу курса Г. Осиповскаго, что для приготоовительныхъ классовъ, мы не имѣемъ ни одного сочиненія лучшаго на Русскомъ языкѣ. Онъ написалъ его самымъ яснымъ языкомъ, и преподаватель по сему курсу не имѣетъ нужды прибавлять ни одного лишняго слова, для объясненія мыслей Авшора.

Вотъ мое мнѣніе о семъ сочиненіи. Я не осмѣливаюсь высказывать сей Курсъ за такой, кошорый бы можно было употреб-

лять во всѣхъ заведеніяхъ; онъ полезенъ для пріобрѣтенія первыхъ познаній, и сверхъ того, пройдя съ учащимся Арифметику, Алгебру и первыя двѣ части Геометріи (*), по исправленному сему курсу, не надлежитъ браться за прочія части Математики; но должно заставить учащагося слушать Математику съ самыхъ первыхъ ея началъ, представляя оную, какъ науку Философскую, гдѣ онъ смотрѣлъ бы на знакомыя ему истины уже съ другой точки зрѣнія, какъ на звенья великой цѣпи, и гдѣ постигнуть бы сущность и духъ сей науки. Разсмотримъ же теперь творенія, способствующія къ до-

(*) Осмѣливаюсь при семъ замѣтить о весьма важномъ упущеніи, существующемъ во многихъ нашихъ школахъ, именно, что на сіи начальныя части, въ особенности же на Арифметику и Алгебру, не обращаютъ надлежащаго вниманія. Весьма часто случается, что сіи части преподаются молодымъ людямъ, когда способности ихъ еще не раскрыты. Довольствуясь умнѣемъ ихъ механически дѣйствовать съ цѣлыми и съ дробями, а попомъ разрѣшають кое-какъ уравненія, и прискиваютъ логарифмы, молодыхъ людей сихъ переводяють въ высшіе классы; тамъ они, продолжая слушать прочія части Математики, оставляють навсегда первыя. Послѣ сего, можемъ ли удивляться, что прилежнѣйшіе въ нашихъ школахъ, прилагая все свое стараніе для уразумѣнія высшихъ частей, никогда сего надлежащимъ образомъ не достигаютъ?

стиженію шаковыхъ познаній, и приспунимъ къ разбору Курса Машемашики Г. Лакроа.

Едва ли какое сочиненіе по Машемашикѣ приобрѣло болѣе славы и болѣе послѣдователей, какъ Курсъ Машемашики сего знаменитшаго Автора. Время появленія сего курса, можно почестъ эпохою въ Исторіи Машемашики, ибо онъ первый представилъ сію науку вполне, со всѣми главнѣйшими открытіями и съ усовершенствованіями знаменитѣйшихъ Геометровъ XVIII столѣтія. Разсмотримъ же безпристрастно и съ большимъ вниманіемъ сіе швореніе, дабы увѣрились, дѣйствительно ли оно имѣетъ пѣ совершенства, которія ему приписываютъ, и можно ли принимаешь его за классическое въ полномъ смыслѣ сего слова, и. е. за шакое, гдѣ бы всѣ истины Машемашики, были изложены въ самомъ естественномъ систематическомъ порядкѣ, гдѣ бы предложенія были доказаны съ возможнѣйшею строгостію, гдѣ бы всѣ частности были выведены изъ предложеній общихъ, гдѣ бы всѣ приложенія общихъ правилъ къ частнымъ случаямъ, были изъяснены со всѣми измѣненіями и ошнупленіями, и наконецъ, гдѣ бы полноша была безъ ушоминельныхъ подробностей.

Дѣлая общій взглядъ на курсъ Лакроа, легко замѣчаемъ, что всѣ части, его составляющія представлены въ видѣ отдѣльныхъ наукъ, а не какъ части одного цѣлаго (*); ибо между оними не находимъ надлежащей

(*) Много находящагося отдѣльныхъ Машемашичскихъ сочиненій, какъ напримъ: Арифметика и Алгебра соч. Бурдопа, Геометрія Гурьева, Геометрія и Тригонометрія Лежандра, Аналитическая Геометрія Біота, и проч., о превосходствѣ которыхъ нѣтъ надобности говорить; но при всей изаціости сихъ швореній, можно ли соединивъ ихъ, и назвавъ Курсомъ Чистой Машемашики, сказать, чтобъ онъ былъ курсъ классическій? Сіи сочиненія до шѣхъ хороши, пока размашриваются отдѣльно, но въ совокупности — не удовлетворительны. — Что же можемъ сказать о шѣхъ отдѣльныхъ Машемашическихъ сочиненіяхъ, которыя, не имѣя достопиствъ вышеупомянутыхъ, не представляють науки въ какомъ-либо новомъ видѣ, ни сообщаютъ новыхъ методовъ, облегчающихъ приложенія въ дѣйствіяхъ практическихъ, не имьютъ ни системы, ни надлежащей связи, и которія посему можемъ назвать произведеніями ученическими? Къ шаковому разряду книгекъ принадлежатъ между прочимъ Арифметика Вельдмана, Геометрія Апачкова, начальныя основанія теоретической и практической Геометріи Мих. Розина, прямолинійная и сферическая Тригонометрія *согнелла* Навроцкаго. — Кромѣ набора изъ различныхъ сочиненій, наполненнаго безполковыми опредѣленіями при множествѣ типографическихъ ошибокъ, — едва ли найдемъ что нибудь дѣльное въ сихъ компиляціяхъ.

связи. Даже въ самомъ подраздѣленіи Машемашики, было бы соблюдено болѣе правильности, если бы Лакроа, не слѣдуя Гарнье, представилъ Алгебру во всей совокупности, какъ наприм. у Бурдона, или бы присоединилъ теорію высшихъ уравненій къ предметамъ, заключающимся въ его дополненіи къ Алгебрѣ. Но какъ изложеніе Алгебры во всей совокупности, не удобно для Курса Машемашики, ибо во многихъ мѣстахъ, какъ по: въ двучленныхъ и прехчленныхъ уравненіяхъ входящъ формулы тригонометрическія, и даже многія истины оной могутъ съ пользою бытъ поясняемы началами Декаршова Анализа; по и удобнѣе раздѣлишь ее на *начальную* и *высшую*; „въ первой“ (какъ говоришь одинъ нашъ отечественный ученый) „излагаешь анализъ, потребный для общности выводовъ Арифметическихъ и Геометрическихъ, а во второй, непосредственно ведущей къ Дифференціальному и Интегральному исчисленіямъ, имѣешь предметомъ, по словамъ Лагранжа, рѣшеніе слѣдующаго вопроса: во всякомъ уравненіи находишь починую или приближенную величину корней онаго.“ Такое раздѣленіе мы находимъ въ курсѣ Франкера, о коемъ будешь сказано ниже. — Далѣе, можно мимоходомъ замѣнить въ кур-

съ Лакроа опущеніе, что Тригонометрія представлена въ видѣ отдѣльной науки: кажется самый предметъ оной показываешь, что она сосоставляетъ одинъ шокмо отдѣлъ приложенія Алгебры къ Геометріи, а система тригонометрическихъ линій, система координатъ.

Что же касается до подробностей сего Курса, должно сказать во-первыхъ, въ разсужденіи Арифметики: что Авторъ, изложивъ четыре дѣйствія съ цѣлыми числами, напрасно приступаетъ немедленно къ дробямъ. Ошъ сего произошло, что онъ принужденъ былъ помѣстивъ въ сихъ послѣднихъ общій наибольшій дѣлитель, и говоря о сокращеніи дробей по признакамъ, разсмащиваешь, какія числа дѣлящяся на-цѣло на 2, на 3 и ш. д.; а сіе опдалило его ошъ предмета и нарушило связь. Сверхъ того опыскиваніе общаго наибольшаго дѣлителя, изложено не совсѣмъ ясно. Предъ симъ въ чл. 57 доказавъ, что величина дроби не измѣняется, если оба члена оной дѣлящяся на какое нибудь число, онъ выводивъ ошъюда (чл. 58) возможность сокращаешь дроби, и попомъ изъ сего слѣдствіе (чл. 59), что если оба члена дроби не имѣють общаго производителя, тогда не возможно оной выразишь меньшими числами. Но сіе по-

сѣднее неправильно; ибо несокращаемость дробей должна бытъ доказана независимо отъ изложеннаго въ чл. 57 и 58. — Въ дробяхъ, онъ часто упоминаеть о разложеніи чиселъ на первоначальные производинели, но самый способъ разложенія, онъ уже помянулъ въ концѣ книги. Въ семь послѣднемъ, Авторъ, показывая, какимъ образомъ находятся оныя, береть для примѣра 360, и выводить, что сіе число равно $2^3 \times 3^2 \times 5$; но учащійся, не можеть ли на сіе возразить: почему же одинъ только рядъ первоначальныхъ производинелей, можеть сослѣдовать данное число? — возраженіе, заслуживающее вниманія, и ведущее къ весьма важнымъ слѣдствіямъ. Говоря о приведеніи дробей къ одному знаменателю, онъ слишкомъ коротко и неудовлетворительно излагаетъ способъ омыскиванія наименьшаго числа, которое раздѣлилось бы на данныя числа; ибо предлагаетъ такой способъ, который невозможно употребить съ удобностію при большемъ числѣ и при болѣе сложныхъ дробяхъ, тогда, какъ приведеніе дробей къ одному знаменателю по сему способу, употребляется, какъ самое легчайшее. Въ членѣ 97, Лакроа говоритъ: „что простая дробь, коей знаменатель состоить изъ производинелей 2-хъ или 5-ти, можеть бытъ

превращена въ почную десятичную, по той причинѣ, что произведеіе можеть раздѣлиться на какое нибудь число нацѣло въ томъ случаѣ, если одинъ изъ производинелей, есть число краінее дѣлителя, — предложеніе доказываемое въ Алгебрѣ.“ Но должно ли допускать въ началахъ шѣ предложенія, которыя разсмащриваются въ частяхъ послѣдующихъ? Алгебра должна основываться на Ариеменикѣ, а не Ариеменика на Алгебрѣ, если послѣднія принята въ томъ смыслѣ, какъ принимаеть оную Лакроа, и. е. какъ часть послѣдующую первой. Вся статья о періодическихъ дробяхъ не совсѣмъ полна, ибо не упомянуто, отъ какихъ простыхъ дробей происходятъ періодическія, коихъ періодъ начинаеться отъ самой заяшой, или отступя отъ оной на нѣсколько знаковъ. Въ пропорціяхъ не изложены надлежащимъ образомъ свойства оныхъ, а представлены Авторомъ такъ, чтобы только могли онѣ служить средствомъ для рѣшенія правилъ тройнаго, тройнаго сложнаго, шоварищесства и проч., сіе также кажется неправильно; ибо пропорціи геометрическія, не иное что суть, какъ равенство двухъ отношеній, слѣд. двухъ равныхъ дробей. Почему же не основать бы ихъ вполнѣ на свойствахъ послѣднихъ, шѣмъ бо-

лѣе, что чрезъ сіе учащійся ни сколько не затруднился, а болѣе доставился ему средство разсмаширивашъ сію спашью, не такъ какъ опидѣльную, но какъ только сдѣдсвіе извѣдшнхъ уже ему истины; для достиженія же сего надлежало бы при изложеніи просшхъ дробей, упомянуть о весьма важномъ предложеніи, въ разсужденіи свойства суммы или разности числителей и знаменателей двухъ равныхъ дробей. — Присутимъ шенерь къ Алгебрѣ, и посмоширимъ, не совершеннѣ ли она Ариѣмешики.

Лакроа, для извѣсненія цѣли Алгебры, разсмашириваетъ сосшавленіе уравненій 1-й степени съ однимъ неизвѣдшнымъ, — начало самое правильное для Алгебры, ибо учащійся тошчасъ постигаетъ цѣль и различіе оной отъ Ариѣмешики. Но для разрѣшенія уравненій, кажется, Авшору надлежало бы напередъ показашъ необходимость умѣть дѣйствовать съ просшными и сложными количествами, а не наполнять нѣсколькихъ страниць, рѣшеніемъ первой степени уравненій и многими примѣрами, которыя дѣлаются весьма шемными для учащагося, незнающаго дѣйствій алгебраическихъ. За сими сдѣдуетъ дѣйствіе съ просшными и сложными количествами. Сія спашья обдѣлана Авшоромъ весьма удачно, кромѣ вычи-

панія просшхъ количествъ, гдѣ онъ ни слова не упомянулъ о происхожденіи отрицательныхъ величинъ, шогда какъ происхожденіе оныхъ кажется всего правильнѣе и удобнѣе помѣстити въ семь мѣствъ. Спашья объ опыскиваніи общаго наибольшаго алгебраическаго дѣлителя, написана Авшоромъ слишкомъ растянуто, что самое ее зашешляетъ. За сими сдѣдуетъ обширное изложеніе уравненій 1-й степени со многими неизвѣдшными, на которое должно сдѣлать сдѣдующія замѣчанія: во 1-хъ въ чл. 62, Авшоръ распространяетъ о томъ, какъ должно поступать со знаками при умноженіи алгебраическихъ величинъ, посредствомъ производителей, изъ коихъ одинъ принимаетъ равнымъ нулю, и подтверждаетъ шѣмъ истинны выше сего выведенныя; кажется, что вся сія спашья совершенно бесполезна. Во 2-хъ, занявшись на нѣсколькихъ страницахъ рѣшеніемъ извѣдшнхъ задачи двухъ курьеровъ, онъ разсмашириваетъ, отъ чего происходитъ результатъ неопредѣленный, безконечный и равный нулю; изслѣдованія такого рода, полезно примѣнять къ задачамъ шогда, какъ они уже разсмоширены изъ общихъ видовъ; въ противномъ случаѣ неправильно переходишь отъ частнаго къ общему, да и для самаго учащагося дѣлается сіе болѣе затруд-

нипельнымъ. О рѣшеніи неопредѣленныхъ уравненій 1-й степени, Авторъ не упоминаетъ ни слова, что составляетъ значительное опущеніе. Далѣе: если Авторъ поспѣшилъ въ Алгебрѣ извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней изъ числовыхъ величинъ, то надлежало бы ему изложить напередъ извлеченіе оныхъ изъ алгебраическихкихъ сложныхъ количествъ, служащее основаніемъ первому, и чрезъ то доставляющее большую легкость разсматривать оное не въ Арифметикѣ, но въ Алгебрѣ; сверхъ того Лакроа сдѣлалъ неправильно, изложивъ извлеченіе квадратныхъ корней изъ алгебраическихкихъ количествъ послѣ уравненій 2 степени; ибо учащійся, рѣшая квадратное уравненіе, наприм. $x^2 + px + q = 0$, и не умѣя извлекать квадратнаго корня изъ алгебраическихкихъ количествъ, можетъ подумать, что послѣдующими правилами можно изъ $x^2 + px$ извлечь въ точности квадрат. корень, и чрезъ то не пойметъ причины, для чего къ объёмъ часяемъ уравненія придають $\frac{1}{4}p^2$; подобнымъ образомъ можетъ онъ усомниться въ невозможности сдѣлать простое выраженіе результата $x = -\frac{1}{2}p + \sqrt{\frac{1}{4}p^2 - q}$. Излагая рѣшеніе квадратныхъ уравненій, надлежало бы ему сначала изслѣдовать оное, разсмотрѣвъ, какія величины выражають

предстоящій 2-го члена, и извѣстный членъ въ общемъ видѣ оныхъ, и сколько величинъ могутъ удовлетворять неизвѣстному, а потомъ уже прислунишь къ омысканію оного: таковой порядокъ, какъ кажется, былъ бы естественнѣе. — Все послѣдующее за квадратными уравненіями въ Алгебрѣ Лакроа, расположено не совѣтъ основательно, написано слогомъ плодовиымъ, и безъ надлежащей полноты. Наприм. говоря, что количества съ дробными показателями не суть степени, а только выраженія извлеченія корней, Авторъ не упоминаетъ, что съ таковыми выраженіями должно поступать, какъ съ имѣющими показатели положительные и цѣлые; безъ чего дѣлаенся не-

$$\frac{m}{n} \times \frac{k}{l} = \frac{m}{n} + \frac{k}{l}$$

понятнымъ, что $a \times a = a$; то же опущеніе при изложеніи отрицательныхъ показателей. Но чтобы исправить сіе, надлежало бы Автору, ошь сей спашы не ошдѣлять дѣйствія съ подкоренными величинами, которое онъ помѣстилъ послѣ возвышенія въ степень многочленнаго количества. Возвышеніе въ степень многочленнаго количества, хотя изложено съ великою ясностію, но можно сказать, некончено; ибо онъ ничего не говоритъ о томъ, что для омысканія всѣхъ предстоящихъ спроки Нью-

ни должны быть минимые, и занявшись их опредѣленіемъ. Вошь, по моему мнѣнію, самый естественный порядокъ изложенія теоріи высшихъ уравненій, порядокъ, которому слѣдовали Франкерь и Бурдонъ. Лакроа, показавъ способъ исключенія, занялся описываніемъ соизмѣримыхъ и равныхъ корней, попомъ излагаетъ онъ средство составлявъ уравн. разностей, исключая 2 членъ, не говоря ни слова о томъ, какъ уничтожается вдругъ 2-й членъ и предстоящій 1-го члена, дѣйствіе, весьма часто употребляемое, особенно же при рѣшеніи уравненій 3й и 4й степеней, которыя всегда приводятся въ видъ $x^2 + px + q = 0$ и $x^4 + px^2 + qx + r = 0$. За симъ, Авторъ, для опредѣленія не соизмѣримыхъ корней, сообщаетъ способы Ньютона и Лагранжа; способъ послѣдняго написанъ у Лакроа весьма ясно. Симъ и оканчиваетъ онъ свою теорію уравненій въ начальной Алгебрѣ. При семъ должно еще замѣтить, что Авторъ сдѣлалъ неправильно, помѣстивъ о корняхъ единицы прежде теоріи уравненій; можешь ли учащійся понять причину, почему урав. $y_{+}^{n-1} y_{-}^{n-2} + \dots + y_{+} + 1 = 0$, должно имѣть только минимые корни? Оканчивается же сія часть Пропорціями, Прогрессіями и Логарифмами, которыя изложены весьма хорошо.

Я распространился о сихъ недостаткахъ, не съ штемъ намѣреніемъ, чтобы осмѣлился посягнуть на славу почтеннаго Автора, образовавшаго множество глубокихъ Математиковъ. Познанія его поспѣшишь обширны, и ими Лакроа никогда не изгладится изъ Исторіи Математики; но я желалъ только безпристрастно показавъ, что сей Курсъ нынѣ не можешь быть употребляемъ съ надлежащею пользою въ учебныхъ заведеніяхъ, ибо мы имѣемъ твореніе превосходнѣйшее, до появленія коего и Курсъ Лакроа могъ считаться первокласнымъ.

Мы должны равномерно оцѣнить справедливость знаменитому *Безу*. Сей писатель, можно сказать, прокладывалъ дорогу; всѣ повѣйшіе писатели болѣе или менѣе заимствовали изъ его творенія. Но какъ онъ былъ изъ числа первыхъ, подарившихъ любителямъ Математики полнымъ курсомъ оной; шо и подвергся также не малымъ недостаткамъ. Не стану исчислять ихъ, а скажу только, что планъ его сочиненія подобенъ сочиненію Войшиховскаго; опущенія же въ Арифметику и Алгебрѣ, касательно шюности Математической, находились гораздо въ большемъ числѣ, нежели у Лакроа. Высшія части весьма недостаточны и неполны. Было время, когда и сей курсъ счи-

пался также первокласснымъ, но теперь можемъ сказать, что онъ ошкль свой въкъ; ибо Машемашика со времяъ Безу обогащена весьма важными открытіями, и число твореній превосходнѣйшихъ увеличилось.

Многіе также уважають Курсь Машемашики, составленный Французскими Профессорами подъ руководствомъ *Беллава* и переведенный на Русскій языкъ Гг. Кушачевичемъ и Киндеревымъ (*). Цель поддника состояла въ доставленіи крашкихъ и самыхъ шолько необходимѣйшихъ познаній, для тѣхъ военныхъ людей, которые не готовяща занимать высшими часстями Машемашики. Наши же переводчики 2-го изданія, по видимому, желали своимъ переводомъ, доставить Россійскому юношесству — курсъ полный, для чего и включили въ составъ онаго Диффер. и Интегральное исчисленіе соч. Бушарля! Разбирая оный, мы встрѣаемъ въ самомъ началѣ, что дѣйствіе съ десятичными часстями основано непосредственно на дѣйствіи съ простыми числами, тогда какъ причина, почему ош-

(*) Сей же Курсь напечатанъ первымъ изданіемъ въ Москвѣ въ 1818 году, перевод. Ордин Проф. Чумакова, съ большими измѣненіями и прибавленіями; а Геометрія включена сокращенно изъ Лакроа.

дѣляется въ произведеніи для десятичныхъ знаковъ шолько, сколько находища оныхъ въ обоихъ производителяхъ, или причина правила дѣленія оныхъ изьясняется простыми дробями, которыя помѣщены послѣ сего. Сохраняя безпристрастіе, можно ли сіе одобришь? Кто со мною не согласился, что не должно помѣщать въ началахъ науки шого, что обьясняется не предъидущимъ, но послѣдующимъ? Не могутъ ли учащіяся, проходя по сему Курсу и увидѣвъ такую неправильность въ порядкѣ, сдѣлашь должное заключеніе, что въ Машемашикѣ обращаютъ болѣе вниманія на дѣйствія механическія, нежели на познаніе теоріи? Въ изложеніи простыхъ дробей, находища въ тѣ же недоспадки и опущенія противъ строгости Машемашической, какъ и въ Ариометикѣ Лакроа, почему и не нужно снова оныя повторять. Говоря объ умноженіи составныхъ количествъ, Гг. переводчики выпустили способъ умноженія посредствомъ аликвотныхъ долей; не лзя сего одобришь; ибо способъ сей имѣеть свое достоинство, пріучая учащагося дѣлашь въ умѣ счисленія, шоль часто въ обществѣ встрѣчающіяся. Пропорціи въ семь курсѣ гораздо полнѣе, нежели у Лакроа; но въ свою очередь имѣють шоль недоспадокъ, что Гео-

матрическія не вполне основаны на свойствах дробей, что было бы правильнее и легче. Сверх того въ Арифметикѣ сего Курса, ни слова не сказано о разложеніи числа на первоначальные производители, и объ омысканіи всѣхъ дѣлителей данного числа. Гг. сочинители могли сіе сдѣлать покрашкоси Курса, но нашимъ переводчикамъ нельзя сего простить, ибо они включили теорію высшихъ уравненій; какимъ же образомъ можно безъ сей статьи, найти соизмѣримые корни?

Взглянемъ теперь на Алгебру сего Курса. Я уже упомянулъ, что Лакроа, изложивъ вполне способъ ршенія уравненія 1-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ, и не объяснивъ дѣйствія съ простыми и сложными величинами, затрудняетъ нѣмъ нѣсколько учащагося. Въ Курсѣ же Беллавеня находимъ опущеніе противоположное. Авторы начинаютъ Алгебру слѣдующимъ образомъ: „Алгебра, или Всеобщая Арифметика, есть наука о числахъ; она опшляется опъ „простой Арифметики, выраженіемъ чиселъ „и исчисленіемъ, которое только что опъ „начается.“ Учащійся вполне ли пойметъ различіе оной опъ Арифметики? можешь ли опъ ясно увидѣть различіе Алгебраическихъ опъ Арифметическихъ результатовъ? уви-

дѣшь ли опъ необходимость ввести въ Алгебру, вмѣсто чиселъ, буквы? Начало Алгебры должно необходимо объяснить примѣромъ, дабы чрезъ то яснѣе показать различіе результатовъ сихъ двухъ наукъ. Говоря о вычисаніи, здѣсь также, какъ у Лакроа, ничего не упоминается о происхожденіи отрицательныхъ количествъ. Говоря о дѣленіи и доказывая, что количества, коихъ показатели суть нули, равны единицѣ, Гг. Авторы не объясняютъ, что шакковыя количества не суть степени, но только условныя выраженія; то же надлежитъ замѣнить и въ разсужденіи дробныхъ и отрицательныхъ показателей. Въ дѣленіи сложныхъ количествъ, нѣтъ никакихъ доказательствъ. Въ статьѣ объ Алгебраическомъ наибольшемъ дѣлителѣ, не довольно хорошо объяснено, что общій наибольшій дѣлитель не измѣняется, когда одно изъ предложенныхъ количествъ, умножится или раздѣлится на число первоначальное относительно другаго. Въ уравненіяхъ первой степени, не замѣчено, что отрицательный результатъ означаетъ невозможность удовлетворить задачѣ, и не сообщено средство исправлять предложенное уравненіе. Вся статья о признакахъ неопредѣленныхъ и невозможныхъ вопросовъ и проч. обдлана крайнѣ недо-

спашочно, здѣсь не находится ничего общаго. Это собраніе частныхъ случаевъ и уравненій безъ всякой связи и порядка. Разсмащриваніе выраженія $\frac{a}{b}$, изложено неправильно; учащійся, пройдя сію спашью, можешь получить ложное понятіе. Можно ли было сказать, что $\frac{a}{b} = b$, потому, что $0 = 0 \times b = 0$? Гг. Авторы производящъ шъ же дѣйствія съ величинами безконечными, какъ и съ величинами конечными; это споль же неправильно, какъ и у Г. Фусса дѣйствіе съ мнимыми величинами, основано на правилахъ, доказанныхъ для величинъ дѣйствительныхъ. Не можешь ли учащійся заключить изъ сего изложенія, что шакъ, какъ $\frac{a}{0} = \infty$, но $0 = 1 - 1$, слѣд. $\frac{a}{1-1} = \infty$, а изъ сего $a = \infty (1-1) = \infty - \infty = 0$; слѣд. 2, 3, 4 и проч. числа равны нулю.

За симъ слѣдуешь въ сей Алгебрѣ составленіе квадрата, извлеченіе корня 2-й степени изъ числовыхъ величинъ, рѣшеніе квадратныхъ уравненій, и наконецъ извлеченіе квадратныхъ корней изъ Алгебраическихъ сложныхъ величинъ; порядокъ шотъ же самый, какъ и у Лакроа, котораго неправильность замѣчена выше. Сверхъ сего должно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: при извлеченіи квадратныхъ и кубическихъ корней

изъ числовыхъ величинъ, не сказано, какимъ образомъ можно приблизиться до извѣстной степени вѣрности къ истинному корню Квадратныхъ уравненій наполнены множествомъ примѣровъ, безъ всякихъ изслѣдованій общаго вида оныхъ. Кажется, полезнѣе было бы изложивъ полнѣе извлеченіе корней и квадратныхъ уравненій, нежели распространяться (какъ шо сдѣлано въ семь Курсѣ) о правилахъ, основывающихся на пропорціяхъ, и дѣлающихся и безъ шого довольно ясными въ Ариѣметикѣ. Чшо же касается до логарифмовъ, шо надо замѣшшшь, что они въ семь Курсѣ основаны на прогрессіяхъ: шакое изложеніе теории оныхъ, какъ кажется можешь быть допущено по одной необходимости въ Ариѣметикѣ, а не въ Алгебрѣ; вообще вся сія спашья изложена въ семь курсѣ весьма темно. За симъ слѣдуешь: *прибавленіе* къ начальнымъ основаніямъ Алгебры, состояще изъ фигурныхъ чиселъ, съ примѣненіемъ къ изчисленію кучъ ядеръ, шотомъ биномъ Ньютона, логарифмическіе ряды, неопредѣленные уравненія 1-й степени, дѣйствіе съ подкоренными величинами, рѣшеніе двучленныхъ уравненій, и теорія высшихъ уравненій. Касательно сего прибавленія можно замѣшшшь, что гораздо правильнѣе было бы помѣшшшь неопредѣ-

ленные уравненія, послѣ рѣшенія уравненій 1-й степени со многими неизвѣстными, равно какъ дѣйствіе съ подкоренными величинами, до квадратныхъ уравненій. Возвышеніе многочисленнаго количествѣ въ дробный и оприцаательный показатель, можно объяснить проще и яснѣе. Неопредѣленные уравненія, изъяснены крайне недоспашочно, ибо невозможно, руководствуясь симъ Курсомъ, получить ряда величинъ, удовлетворяющихъ неизвѣстному. Также не поняшно, для чего Гг. переводчики помѣстили въ въ сихъ прибавленіяхъ случаи, когда величины, превращающіяся въ $\frac{0}{0}$, обращаются въ нуль, или безконечность; кажется, было бы правильнѣе, если бы о семъ сказали въ главѣ 65. Недоспашки въ двучленныхъ уравненіяхъ тѣ же самыя, какъ и въ Курсѣ Лакроа. Теорія высшихъ уравненій, составлена весьма хорошо самими Гг. переводчиками изъ Алгебры Лакроа и Бурдона, и для начального курса имѣетъ свою цѣну.

Вторая часть сего Курса, заключаешь въ себя Геометрію, объ Тригонометріи, Аналитическую Геометрію и проч. Первая изъ сихъ наукъ составлена самими Гг. переводчиками, по той причинѣ, что въ подлинникѣ она уже слишкомъ сокращена. Не стану распространяться о достоинствахъ оной,

но только скажу, что она довольно выполняется свою цѣль. Все же послѣдующее можно бы сдѣлать гораздо основательнѣе, просить и дать болѣе ясности, общности вмѣстѣ съ полношюю.

И такъ, что же можемъ мы сказать вообще о семъ Курсѣ? Ариѣметика и Алгебра имѣетъ болѣе опущеній и недоспашковъ противъ спрогости Математической, нежели Курсѣ Лакроа, съ шюю только разношюю, что изложеніе истинъ въ нѣкошорыхъ мѣстахъ у послѣдняго, ошъ обширности всего шворенія, представлено яснѣе. Касательнѣе же 2-й части, шю можно сказать, что она представлена не въ видѣ науки, но въ видѣ ремесла, ибо здѣсь найдушъ описание угломѣрныхъ орудій, крашкія понятія о топографической съемкѣ, объ уменьшеніи и увеличиваніи плановъ, о нивелировкѣ, формулы для вычисленія шодшшш бревень и пр. и пр.

Наконецъ, въ заключеніе сего разсужденія, должно сказать нѣсколько словъ о *полномъ Курсѣ Чистой Математики*, соч. *Фракера*, состоящемъ въ подлинникѣ въ 2 частяхъ. Сіе швореніе появилось первымъ изданіемъ въ 1809 году, и чрезъ десять лѣтъ послѣ того, 1-я часть онаго переведена на Россійскій языкъ. Между шѣмъ, самъ Ав-

поръ увидѣлъ нѣкоторыя недоспашки своего сочиненія и „рѣшился, (какъ онъ самъ говорилъ въ предисловіи ко 2-му изданію онаго, вышедшему въ Парижъ въ 1819 году) передать его „во всѣхъ подробностяхъ, доспавя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе ясности, спросости въ доказательствахъ, спочности, и даже включивъ цѣлыя спашы, прежде недоспавшія.“

Можно смѣло сказать, что всѣ недоспашки, исчисленные при размашприваніи упошребляемыхъ у насъ Курсовъ, не находящяся во шпоромъ изданіи его шворенія. Глубокомысленный Авшоръ, очеркомъ пера своего, представилъ Машемашику, какъ неразрывную цѣпь истинъ, идущихъ отъ первыхъ началъ нумераціи и окалчивающихся сложнѣйшими выкладками Интегральнаго исчисления. „Сему писашелю,“ говоритъ почтенный переводчикъ (*) его Высшей Алгебры, „мы обязаны Курсомъ чиспной Машемашики, какъ науки философской, имѣющей приложеніе ко всѣмъ знаніямъ естественнымъ, и долженствующей имѣть шашкое же приложеніе къ знаніямъ правственныхъ. Было время, когда Чиспую Маше-

„машикку представляли ремесломъ, нужнымъ „будшо шокмо для Наукъ Военныхъ, Земле-„мѣрія и шому подобнаго: посему и курсы „примѣняемы были къ шой или другой час-„ши въ особенноти. Франкеръ предположилъ „себѣ общую цѣль сего высокоаго предмета „усилій ума, состоящую въ раскрытіи, изо-„шрени и укврпленіи мыслящей способно-„спши, цѣль во всѣхъ наукахъ единшвенную „и главную. Онъ первый убѣдительно дока-„заль, что при изученіи Машемашики, какъ „при изученіи философскомъ, должно имѣть „въ виду не сполько зашверживаніе истинъ, „сполько изслѣдованія начала оныхъ, связи „ихъ съ другими и послѣдшвія, дабы шѣ, „кои изучають сіи истинны, пришли сами „въ состояніе изобрѣшашелей. Таковое изу-„ченіе, не сполько занимается предметомъ, „сполько мыслаю, оный предметъ посши-„гающею; пошому, что съ высокою шео-„рїею легко дѣлать всѣ возможныя прило-„женія къ опышнымъ знаніямъ.“

О превосходствѣ сего Курса передъ прочими, не можеть судить шощъ, кошорый дѣлаеть свои заключенія, перебирая шолько листы, и просмашривая слегка нѣкошорыя истинны; для полученія полнаго пониманія, должно со вниманіемъ прочешъ все безъ исключенія, и шогда шолько увидашъ

(*) Императорскаго Московскаго Унивѣрситета
Ординарній Профессоръ И. И. Давыдовъ.

бездѣнный прудъ Авшора, и то, какою цѣпью связалъ онъ истины Машемашики, какая спрогосъ и какое глубокомысліе заключается въ его доказательствахъ. Поспавя послѣ чепырехъ дѣйствій Ариемешики, спашью о производимеляхъ, онъ отдалилъ всѣ недосаики, находящіяся въ Ариемешикахъ Лакроа и Беллавени. Послѣ сей спашьи ему удобно было изложитъ свойства чиселъ, оыскиваніе всѣхъ дѣлителей, общаго наибольшаго дѣлителя и даже самую повѣрку дѣйствій умноженія и дѣленія. Проспья и десятичныя дроби, и періодическія, представлени превосходнѣе, нежели гдѣ нибудь. Алгебра въ изящности своей не успунаешъ Ариемешикъ. Не спану распроспраняшся о порядкѣ часпей, оную соспавляющихъ, равно какъ и о превосходствѣ подробностей; но шолько скажу, что мы находимъ въ оной полный и вмѣстѣ легкой способъ рѣшенія неопредѣленныхъ уравненій и свойство неравенствъ, двѣ спашьи, которыя мы не встрѣчали до сихъ поръ ни въ одномъ Курсѣ и споль нужныя для желающаго прибрѣстъ основательныя познанія въ Машемашикѣ. Ислѣдованіе уравненій 1-й степени, и квадратныя уравненія, въ избѣжаніе ушомительныхъ подробностей, изложены хотя сжашо, однако же гораздо удовлетворитель-

нве и съ большею ясностію, нежели во всѣхъ прочихъ Курсахъ.

Въ Геометрію свою Франкеръ ввелъ способъ предѣловъ, основывающійся на словахъ величайшаго изъ Машемашиковъ — Авшора Небесной Механики, кошорый говоритъ, что „Способъ предѣловъ, служимъ основаніемъ вычисленію безконечно великихъ и „малыхъ количествъ. Дабы удобнѣе познать, комимъ учащихъ съ симъ вычисленіемъ, „полезно отккрытъ его лачало въ самыхъ „коренныхъ истинахъ, которыя всегда должно предлагашъ самими общими способамн. Такимъ образомъ учащіяся вмѣстѣ съ „получаемыми познаніями, прибрѣтунтъ способъ спискивашъ новыя. Для дальнѣйшихъ „успѣховъ своихъ въ науку, осшалось имъ „слѣдовашъ прямо по проложенному пути; „они прибрѣли уже навыкъ неуклонно продолжать его: поприще ученія спановишся „для нихъ не споль пруднымъ. Пришомъ „систему познаній, объемлемыхъ единообразнымъ способомъ, легче сохраняшъ и „распоспраняшъ. И шакъ предпочитайше „въ своемъ преподаваніи способы общіе; „спарайшесь излагашъ ихъ съ возможною „проспшою, и вы увидише, что они по- „чши во всякомъ случаѣ легчайшіе.“ „Покорившисъ симъ мудрымъ совѣшамъ,“ го-

воришь Франкерь: „вездѣ уношребляль я „способъ предъловъ, кошорый предложиль „въ новомъ видѣ, и подчиниль ему теорію „несоизмѣримыхъ. Я не столько старался „(продолжаешь сей Авторь), удерживашь фор- „мы, принятыя въ Геометріи, сколько самый „способъ, составляющій ея характеръ: въ „свѣдѣствіе сего я пользовался уравненіями, „гдѣ они казались мнѣ нужными. Впрочемъ „въ ихъ уношребленіи наблюдаема была „умѣренность и ошторожность; все, что „требовало нѣсколько сложнаго анализа, „оснавлено для приложенія Алгебры къ Гео- „метріи.“

Первая часть сего Курса Математики втораго изданія (*), содержишь Ариѣметику, начальную Алгебру, Геометрію и Аналитическую Геометрію, заключающую: нѣ кошорыя задачи о линіяхъ, Геометрическія построенія различныхъ выраженій Алгебраическихъ, разсужденіе о знакахъ количествъ въ приложеній Алгебры къ Геометріи, — (статья извлеченная изъ *Geometrie des positions* знаменитаго Карно, кошорую мы не встрѣчали до сихъ поръ ни въ одномъ Кур- сѣ), прямолинейную Тригонометрію, урав-

(*) Переведенная на Россійскій языкъ, и напечатанная по Высочайшему повелѣнію.

ненія прямой и круговой линій, коническія сѣченія, изслѣдованія уравненій 2-й степени, и различныхъ задачи Геометрическаго анализа. Вторая же часть высшую Алгебру, сферическую Тригонометрію, Геометрію о трехъ измѣреніяхъ. Дифференціальное, Интегральное и Вариационное исчисленія, и исчисленіе разностей (*). Намъ извѣстно много превосходныхъ твореній, гдѣ изложены различные способы, и различные открытія Геометровъ послѣднихъ столѣтій, относящіяся до разрѣшенія уравненій высшихъ степеней; но только высшей Алгебрѣ Франкера мы обязаны, что всѣ сіи многообразные способы, изложены въ совокупности и порядкѣ. Преподающій Дифференціальное исчисленіе по сему курсу, легко увидишь, что его учащіяся не будутъ встрѣчать тѣхъ затрудненій, тѣхъ камней преткновенія, каковыя они находятъ, учась по инымъ курсамъ. Не видимъ ли мы часпо, что они, вышвердивъ на память общія правила Дифференцированія функцій, едва начинаютъ постигать опредѣленіе дифференціала? Но

(*) Высшая Алгебра, Интегральное и Вариационное исчисленія, переведены Давыдовымъ; все же прочее Д. М. Перевощиковымъ, съ большими измѣненіями и прибавленіями.

не уже ли сіе происходить дѣйствительно отъ трудности сей науки? Не бываетъ ли сіе отъ того, что по большей части, учащіеся напередъ не пригошовлены, и что науку сію представляють для ихъ мышленія, какъ отрасль совершенно новую и неизвѣстную связи съ истинами, уже имъ извѣстными? Франкеръ постигъ причину затрудненія въ успѣхахъ учащихся, и во избѣжаніе сего, представляеть высшую Алгебру, какъ часть непосредственно ведущую къ Дифференціальному исчисленію, а самыя дифференціалы основываетъ на Теоріи функций безмершнаго Лагранжа. Изложивъ сначала общія правила дифференцированія функций, а потомъ превосходящее приложеніе сего исчисленія къ высшему анализу — приложеніе, каковаго, рѣшительно осмѣливаюсь сказать, мы не встрѣчали до селъ ни въ одномъ твореніи, приступаешь къ способу величинъ бесконечно малыхъ, столь необходимому и важному въ приложеніяхъ къ Физикѣ и Механикѣ. Здѣсь, показавъ истинный смыслъ знаковь dy и dx , размашриваемыхъ какъ величины бесконечно малыя, онъ имѣлъ право всѣ выведенныя дифференціалныя результаты, представивши по способу означенія Лейбница, и чрезъ сіе доставивши удобство интегрировать функции,

и многія задачи въ интегральномъ изчисленіи рѣшить по способу послѣдняго.

На сіе возразить: какимъ образомъ могъ онъ такую полношу заключить въ столь шѣсныя предѣлы? На сіе отвѣтствую словами самаго Автора, что одна лишь краткость слога въ шомъ ему могла способствовать. Могущъ сказать, что сія сжатость и краткость въ объясненіяхъ дѣлають сію книгу не удобною для всеобщаго преподаванія, и что пошому, Курсъ сей будетъ шемень для молодыхъ людей, и они не въ состояніи будутъ понимать его. На сіе можно возразить словами самаго Автора, сказавшаго: „опытъ убѣдилъ меня, что ничто столько не удаляетъ отъ цѣли, которой долженъ достигнуть всякой излагающей какую нибудь науку, какъ мелочныя и упоминательныя разсмотрѣнія каждаго предмета. Сочинишель, передавая всѣ свои мысли, пренеписываетъ разсужденію чашащеля; напашавникъ дѣлаетъ необходимымъ для учащагося, который привыкаетъ такимъ образомъ къ недѣтельности разсудка и къ многословію, весьма вреднымъ для успѣха; наконецъ, занятія подробностями не позволяютъ ему слѣдовать за связью существенныхъ понятій, и постигнуть главнѣйшее — совокупность предложеній.“ Успѣхи мно-

гихъ учившихся по Курсу Франкера въ Московскомъ Университетѣ, доказывающъ всего лучше истину словъ почтеннаго Автора.

Нѣкоторые, можешь быть, замѣтятъ также неудобство излагать прогрессию и логарифмы въ Арифметику. Сіе сдѣлалъ Авторъ, какъ кажется, для того, чтобы имѣть средство въ началахъ Алгебры помѣстить нѣкоторыя замѣчанія и примѣры, основывающіеся на оныхъ и дѣлающіеся весьма занимательными для успѣвшихъ въ Математику. Преподавая Арифметику по сему Курсу, можно откидывать объ сіи спашьи, не вредя нѣмъ цѣлому.

Оканчиваю сіе разсужденіе объ употребительнѣйшихъ у насъ Курсахъ, усерднымъ желаніемъ, чтобы наши опечесшвенные любители Математики, достигнувъ духъ ученія глубокомысленнаго Франкера, сравнивши попомъ изложеніе Математики во всѣхъ прочихъ Курсахъ съ твореніемъ сего знаменитаго Автора: они согласятся въ томъ, что Курсъ Франкера достоинъ быть названъ *классическимъ* во всей обширности сего слова: „Уже время,“ говоритъ пошъ же переводчикъ высшей Алгебры сего писателя; „уже время убѣдиться въ шой истинѣ, въ кошорой древніе Платоны и Пифа-

„горы не сомнѣвались, и для кошорой нынѣ Лапласы и Шубершы служатъ примѣромъ въ истинѣ, что Математика, дщеръ Философіи, есть одна наука ума, и что даръ слова, какъ явленіе ума, изъ ней должно почерпнуть свои законы. Изслѣдованія Ньютоновы, Эйлеровы, Лагранжевы, являющія высренній умъ, всеобъемлющее соображеніе и сильное вниманіе, приличны болѣе нынѣшнему вѣку просвѣщенія, нежели мечшы зашѣливаго воображенія, свойственныя юношескому возрасту человѣчества.“

Ал. Б.—ъ.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

Хронологическое обозрѣніе достопамятныхъ происшествій новѣйшихъ временъ въ Испани.

(Изъ *Tabla chronologica por Don Francisco Martinez de Aguilar.*)

Небольшое сочиненіе, вышедшее въ свѣтъ подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ и писанное въ духъ нынѣ господствующей партіи,

по утверженію Издашеля, имѣешь по достоинству, что оно выбрано изъ официальной вѣдомости Gaceta de Madrid и другихъ достоверныхъ докуменшовъ. Оно напечатано въ Малагѣ, а пошому и преимущественно заючаешь въ себя множество подробностей какъ о семь городѣ, шакъ и о Гранадской и Андалузской обласяхъ.

Оно содержишь въ себя слѣдующія *извѣстія о владеніи Наполеона въ Испанію.*

Вступленіе Французскихъ войскъ въ Испанію началось 19 Окшября 1807 года, и въ конць сего года находилось въ семь Королевствѣ 47,400 человекъ пѣхоты, 7,120 человекъ конницы, 100 пороховыхъ фуръ, 94 пушки, 18 морширь и 55 гаубиць.

Въ шеченіе 1808 года вступило 203,300 человекъ пѣхоты, 36,200 человекъ конницы, 1800 пороховыхъ фуръ и 196 орудій. 11 Окшября перешли чрезъ границу Испаніи первая отдѣленія большой Французской арміи, шедшей изъ Германіи.

Въ 1809 году вступило 44,950 человекъ пѣхоты, 4320 человекъ конницы, 434 орудія и 305 пороховыхъ фуръ.

Въ 1810 году вступило 124,510 человекъ пѣхоты, 25,734 человека конницы, 96 пушекъ, 16 морширь и 3209 пороховыхъ фуръ.

И того въ 1807, 1808, 1809 и 1810 годахъ вступило 426,260 человекъ пѣхоты, 73,356 человекъ конницы, 7650 человекъ, состоящихъ по арміи, 7530 вожашихъ, всего 514,796 человекъ, 820 пушекъ, 34 морширь, 55 гаубиць и 5414, фуръ съ военными припасами.

Въ 1811 году до 28 Января вступило только 600 человекъ пѣхоты и 180 конницы.

Число пльнныхъ Испанцевъ, Англичанъ и Португальцевъ, препровожденныхъ чрезъ Байонну во Францію, простиралось до 22 Февраля 1811 года, всего на 48,288 человекъ.

Изъ всѣхъ вступившихъ въ Испанію Французскихъ войскъ, возвратились во Францію съ 1807 до 1811 года только 53.300 человекъ.

Къ общему числу войскъ причислишь должно 6000 человекъ Французовъ съ эскадры Адмирала Розильи. Она состояла изъ 5 линейныхъ кораблей и 1 фрегата съ 2000 человекъ высаднаго войска и была 13 Юля 1808 года въ Кадикскомъ заливѣ разбиша и взяша флотомъ Генерала Аподаки.

Къ сему же числу должны быть присокуплены по крайней мѣрѣ 80,000 человекъ Французскаго войска, которые въ шеченіе упомянутыхъ чешырехъ лѣтъ вступили

чрезъ Перпиньянъ въ Каталонію, подъ начальствомъ Генераловъ Дюгема и Сень-Сира и Маршаловъ Ожеро и Макдональда.

28 Мая 1813 года Французы выступили изъ Мадриша, а 29 вступили въ оный Испанскія войска подъ начальствомъ Эмпесинадо. 25 Сентября собрались въ Мадришъ настоящіе Кортесы.

24 Марша 1814 прибылъ Король Фердинандъ VII послѣ шестилѣтняго Французскаго плѣна въ Испанію.

4 Мая 1814, уничтожилъ Король предписаніемъ изъ Валенціи конституцію Кортесовъ и 13, къ неописанной радости народа, имѣлъ шоржестивенное вшествіе въ столицу.

15 Мая, Генералы О'Донель и Крузь послали на рукахъ изображеніе Короля при громкомъ рукоплесканіи народа по улицамъ Малаги; попомъ низвергнушь былъ камень конституціи и на его мѣстѣ воздвигнушь камень Королевской площади Фердинанда VII.

29 Мая 1818, Королевскимъ предписаніемъ возобновленъ Орденъ Іезуитовъ.

19 Сентября 1819 года. Возмущеніе Корунскаго гарнизона подъ начальствомъ Генерала Порье (называемаго также Марквезитѣ). Онъ разбишь, взявъ въ плѣнъ Гене-

раломъ Давалосомъ и 30 Октябрия, разсѣрляшь съ соучастниками своими.

1820. — 1 Января. Войска экспедиціи, расположенныя въ окрестностяхъ Кадикса, возстають и обнародывають конституцію Кортесовъ 19 Марша 1812 года.

11 Января спановишцы Полковникъ Квиорога на островъ Леонъ главою и орудіемъ мятежнаго войска, и шѣмъ начинаешся внорая революція.

11 Февраля встѣхнуло возмущеніе въ Галиціи. Въ Сантъ-Яго присягають конституціи, и прочія мѣста сей области слѣдующъ сему примѣру.

14 Февраля. Возмущеніе въ Мурціи. Жители Генареса, въ разстояніи на милью ошь Мурціи, присягають конституціи, попомъ идушь къ главному городу области, и шамъ принуждають жителей сложить присягу.

Съ острова Леона, или Санъ-Фернандо, выступашъ дивизія мятежнаго войска въ 2000 или 2500 человекъ, подъ начальствомъ Подполковника Дона Рафаеля Ріего, обнародывашъ конституцію въ Ласъ-Кабезасъ, отшуда идеть въ Алджезиру, Эшерону и Марреллу, 18 Февраля въ 8 часовъ вечера вступашъ въ Малагу, распространяешъ возмущительныя прокламаціи и старашся

взбунтовать народъ, но не успѣваете убить къ тому ни одного благомыслящаго чловѣка. Въ вечеру слѣдующаго дня, 19 Февраля, Генераль Донъ Жозе ОДонель выступилъ съ 5000 или 6000 чловѣкъ Королевскаго войска на Малацкую равнину, начавъ съ Алхезиры преслѣдовать аррьергардъ инсургентовъ. Гарнизонъ сего мѣста подъ начальствомъ Генерала Донъ Жуана Каро занимаетъ Аншекверскую и Велезскую дорогу. Нѣжкошорые Гверильясы нападають на инсургентскую дивизию въ самомъ городѣ. Обѣ паршии съ яростію сражаются на улицахъ Каррентеріи, Аларкосъ, Вишторіи и на площади де ла Мерседь, однако же народъ не принимаетъ участія въ сраженіи. Битва оканчивается только съ наступленіемъ ночи; съ обѣихъ сторонъ значительна потеря убитыми и ранеными. Инсургенты соединяются на площади де-ла-Мерседь, гдѣ и остаются подъ ружьемъ во всю ночь, а Королевскія войска возвращающіяся на квартиры свои къ Теанинцамъ, съ ла-Тринидадъ, Анхелосъ и др. Въ 6 часовъ утра инсургентская дивизія ошсупаеишь по Колмерарской дорогѣ; а Королевская иденъ въ Аншекверу, а ошсуда въ Кампилосъ и Ронду, гдѣ происходитъ сильное нападеніе съ большимъ урономъ для обѣихъ сторонъ.

Сии сраженія до того ослабляютъ инсургентскую дивизию, что она совершенно расхоридишь въ окрестностяхъ Кордовы.

7 Марша, мятежники съ неслыханнымъ насиліемъ принуждаютъ Короля Фердинанда VII присягнушь Кадикской конституціи ошъ 19 Марша 1812 года.

9 Марша учреждаетъ въ Мадридѣ временная Правительствующая Юнша, состоящая изъ слѣдующихъ лицъ: Президентша Кардинала де Бурбона, Вице Президентша Генераль-Лейтенантша Донъ Франциска Баллеспероса, Епископа Валладолидъ-де-Мегакалскаго, Донъ Мануела Абада, Квейпо, Донъ Мануела Лардизабала, Донъ Машеа Вальдемороса, Инженеръ-Полковника Донъ Висентша Санхо, Графа Табоада, Донъ Франциска Креспо де Техада, Донъ Бернарда Тарруса и Донъ Игнаціа Пезуеля.

Въ шомъ же день предписывается во всѣхъ спранахъ Государства избраніе Алкадовъ и Конституціонныхъ Аюншаторовъ. Въ шомъ же день уничтожается Инквизиціонное правленіе, и возвращается свобода всѣмъ заключеннымъ въ темницу Инквизиціи за политическія мнѣнія.

Въ шомъ же день возмущается Королевство Севилла и въ сподиць онаго прилегають конституція.

Предписаніемъ отъ 10 Марта введена свобода книгопечатанія. Въ тотъ же день возгорается въ Кадиксъ сраженіе между войсками Королевскаго гарнизона и мятежнымъ народомъ. Первые дѣлають нѣсколько выстрѣловъ и тѣмъ причиняють множество бѣдствій.

11 Марта, послѣ многихъ безпокойствъ, происшедшихъ отъ различія мнѣній между начальниками и войсками гарнизона въ Малагѣ, присягають конституціи. Наконецъ они соединяются, и главные начальники мятежа образуютъ Юншу, которая управляетъ дѣлами по ихъ произволу. Королевское Правленіе замѣняется конституціоннымъ.

14-го присягаетъ конституціи гарнизонъ при большомъ параде на Адамедъ (публичномъ гульбищѣ), въ присутствіи Конституціоннаго Аюнтатора и начальниковъ Генеральскаго Штаба.

Предписаніемъ отъ 26 постановлено, чтобы всякъ, кто откажется присягать конституціи, или слагая присягу спаленъ дѣлать возраженія, условія и п. д., былъ изгнанъ изъ Королевства и, если онъ принадлежитъ къ духовному званію, былъ лишенъ доходовъ съ своего имѣнія.

2 Апрѣля прибыли въ Малагу Депутаты Кортесовъ: Донъ Мацель Гарсія Гереросъ, Донъ Франциско Маршинесъ де-ла-Роза, Донъ Жозе де Сорраквинъ и Донъ Жозе Марія Калашрава, которые, какъ приверженцы конституціонной системы, были посланы въ Африканскія Президентства; приверженцы конституціи ввозятъ ихъ на триумфальной колесницѣ на конституціонную площадь.

6 Юня учреждается въ Мадридѣ національный Конгрессъ, а 9 Его Величество Король даетъ присягу предъ Президентомъ онаго.

Предписаніемъ Кортесовъ отъ 17 Августа уничтожается Лезуинскій орденъ и конфискуется его имущество.

7 Сентября, возмущеніе въ Мадридѣ по поводу опрѣшенія отъ начальствованія войскомъ Генерала Ріего, вопреки совѣту Правленія.

11 Сентября, Кортесы признають Голландскій долгъ въ 31,135,000 гульденовъ.

25 Октября. Уничтоженіе монастырей и четырехъ военныхъ орденовъ съ небольшими исключеніями.

16 Ноября. Возмущеніе въ Мадридѣ, по той причинѣ, что Король, вопреки конституціи, наименовалъ Генераль-Лейтенан-

на Донъ Жозе Карвалля на мѣсто Генераль-Лейтенанта Вигодеша Генераль-Капитаномъ Мадридской области. Народъ успокоивается, по прибытіи Короля въ столицу и по удаленіи Духовника и главнаго Маюрдома.

20 Февраля 1821. Возмущеніе приверженцевъ констипуціи въ Малагѣ, по разнесшемся ложному слуху, о томъ, что въ Римъ присягнули Испанской констипуціи. Весь городъ иллюминированъ при пушечныхъ залпахъ.

14 Апрѣля. Большое возмущеніе въ Малагѣ. 24 человекъ, большею частію духовныхъ лицъ, осуждены на изгнаніе, одни ночью взяты подъ стражу, другіе спасаются бѣгствомъ. Первые высылаются изъ города, и припомъ представляють Правительству необходимость удалитъ достойнаго нашего Священнаго отъ мѣста, имъ занимаемаго.

4 Маія. Толпа убійць въ 50 или 60 человекъ, соединяется въ Пуерта-дель-Соль въ Мадридѣ, овладѣваетъ ключами коронной шеницы и умерщвляетъ ударомъ молотка въ голову и двумя исполненными выстрѣлами Донъ Маміаса Винуэзу, Архидіакона Таранконскаго и почетнаго Капеллана Его Королевскаго Величества.

1 Сентября. Гражданскій начальникъ Сарагоссы арештуешь, по приказанію Правительства Генерала Рiego, за участіе, принятое имъ въ новой революціи, проецированной во Франціи и Испаніи.

19 Января 1822 года. Нѣсколько областей признають верховную власть Короля, а именно большая часть Каталоніи и Наварры и многія мѣста другихъ областей, гдѣ уничтожается констипуція и снова вводится правленіе Его Величества. Во всемъ Королевствѣ показываются Королевскіе приверженцы. Священникъ Мерино, Траппистъ, Баронъ Эрольсъ и другіе знаменитые герои, разбивають констипуціонныя войска на всѣхъ пунктахъ.

Въ Январь 1822 года Франція успротивляетъ линію наблюдательнаго войска, которую она мало по малу усиливаетъ, и защищаетъ нашихъ партизановъ. Въ Ургель учреждается Регентство и Юнаго Правленія, которая управляетъ именемъ Короля и щемъ дѣлаетъ начало преобразованію.

10 Апрѣля 1822 года. Констипуціонныя анархисты производятъ неслыханныя жестокости въ Каталоніи и другихъ областяхъ, сожигаютъ деревни, убиваютъ ихъ жителей и изливаютъ ярость свою на духовенство. Королевскія войска облегаютъ Бар-

целлону, и Баронъ Эрolestъ назначается Глав-
нокомандующимъ Королевскими войсками.

26 Июля. Нѣсколько деревень въ Сьерра-
де-Рондѣ возстають за Короля; Генераль
Виллакампа отправляется въ Ронду для успо-
коенія оныхъ; къ нему присоединяются вой-
ска изъ Малаги, Алджезиръ, Кадикса и дру-
гихъ мѣстъ, покоряющъ возмущившихся и
казнятъ многихъ.

4 Сентября. Мясежники въ Валенціи
жертвуютъ своей ярости безсмертнымъ
Генераломъ Элио. По предписанію Е. В. оныъ
7 Іюля 1823 года, празднуемы были съ боль-
шимъ великолѣпіемъ его похороны. Сказы-
ваютъ, что шло его, по истеченіи года,
найдено еще невредимымъ, свѣжимъ и гиб-
кимъ, ибо изъ горла, носа и рта текла
кровь, каковое необыкновенное явленіе по-
сприсло даже самихъ враговъ его.

18 Сентября. Достойнѣйшій отецъ нашъ
и Архіерей Донъ Алонзо-Каньедо-и-Вигиль
осуждается на ссылку изъ Испаніи, и спа-
сается бѣгствомъ въ Гибралтаръ. Его иму-
щество конфисковано.

21 Сентября. Донъ Рафаель Ріего тор-
жественно вступаетъ въ Малагу (здѣсь слѣ-
дуетъ подробное описаніе празднествъ) На
триумфальномъ сводѣ находилось изображе-
ніе Дона Ріего на доскушкѣ бумаги. Онъ

пробылъ здѣсь 4 дни, въ продолженіе конхъ,
онъ нѣсколько разъ говорилъ съ балкона къ
народу. Одну рѣчь его прервалъ крикомъ
своимъ осель, такъ, что онъ не могъ про-
должать ее. Другую онъ не окончилъ попо-
му, что физическія его силы, по словамъ
его, ему того не позволяли. Утромъ 25 онъ
отправился въ Кадиксъ.

16 Декабря, торжественно обнародованъ
былъ Уголовный Уставъ.

19 Февраля 1823. — Въ вечеру сего дня
мясежники нарушають святосіи Королев-
скаго дворца, и лишаютъ Е. В. свободы по
произволу избирають и увольняютъ Спашсъ-
Секретарей своихъ.

7 Марша. Авангардъ Французской арміи
переходитъ чрезъ Пиренейскія горы на по-
луостровъ. Она состоитъ изъ трехъ диви-
зій и всѣхъ Испанскихъ войскъ подъ глав-
нымъ начальствомъ Е. К. Выс. Герцога Ан-
гулемскаго. 5,000 роялизовъ осаждаютъ
Пампелуну.

14 Марша. Кортесы объявляютъ, что
они съ И. В. и Королевскою Фамилією на-
вѣрены 20 числа отправиться въ Севиллу.
Оныъздѣ И. В. совершается 20 числа съ
большимъ насиліемъ со стороны Кортесовъ,
а 23 отправляющаго шуда же Депушанъ
Кортесовъ и Спашсъ-Секретари. Также да-

но предписаніе забрать все церковное серебро, дабы, какъ въ ономъ сказано, спасти оное отъ хищничества иноземцевъ.

20 Марша. Французская армія, въ 100,000 человекъ, проходитъ чрезъ Ирунь, Аррагонію и Каталонію, соблюдая строжайшую дисциплину.

9 Апрелья. Въ Охарзунѣ, что въ Гвипускоу, учреждается отъ имени Короля временная Правительствующая Юнша.

10 Апрелья. И. В. и Королевская фамилія прибыли въ Севиллу.

1 Мая. Конституціонное Аюнтаторство въ Малагѣ торжественно объявляетъ войну Франціи и другимъ союзнымъ Державамъ.

6 Мая. Революціонная партія осуждаетъ на ссылку Епископа Леридскаго, двухъ Игуменовъ, нѣсколько Канониковъ и Священниковъ, и 30 монаховъ различныхъ орденовъ, спарцевъ, имѣвшихъ отъ 70 до 80 лѣтъ отъ роду. Сверхъ того, убиваютъ Епископа Вихскаго.

9 Мая. Французскія войска вступаютъ при громкомъ изъявленіи радости въ Бургосъ. Графъ Абизбаль сдается съ своею дивизіею на капитуляцію. Дивизія Генерала Баллестероса уничтожена, а онъ самъ съ немногими приверженцами спасается бѣг-

ствомъ. Предписаніемъ Коршесовъ увольняются Генералы Абизбаль, Баллестеросъ, Мина и Виллакампо.

23 Мая. Французскія войска, подъ начальствомъ Е. К. Выс. Герцога Ангулемскаго, вступаютъ при громкомъ рукоплесканіи въ Мадридъ.

26 Мая. Въ Мадридѣ учреждается Регентство, состоящее изъ Герцога Инфантадо, Герцога Моншемара, Донъ Жуана Каби, Епископа Осунскаго, Донъ Антонія Гомеса Калдерона, Барона Эролеса и Донъ Франциска Эаддея Каломарде-и-Ретазуна, въ званіи Секретаря, а дѣйствіе Правительствующей Юншы въ Охарзунѣ прекращается.

30 Мая. Дивизія, подъ главнымъ начальствомъ Е. К. В. Герцога Ангулемскаго, идетъ къ Севиллѣ для освобожденія И. В. и Выс., и въ то самое время приходитъ извѣстіе, что И. В. принуждены были отправиться въ Кадиксъ.

11 Іюня. Сверженіе съ престола Е. В. рѣшено большинствомъ голосовъ и обнародовано, и учреждено Регентство. И. В. и Королевская Фамилія прибыли 14 Іюня въ 4 часа утра въ Кадиксъ. Ни одинъ изъ Посланниковъ при лицѣ Короля не признаетъ Регентства.

17 Юля. Севилла пребываетъ въ анархическомъ состояніи. Ушромъ является Лопезъ Ваньосъ съ остатками войска Абизбалеовой дивизіи предъ Трианскою заспавою, послѣ него Кастельдоній и наконецъ Генералъ Зайасъ; народъ противился ихъ вшепвию, палилъ изъ пушекъ съ моста, и наносилъ великій вредъ конституціонному войску; однако же Ваньосъ успѣваетъ овладѣть мостомъ и вступилъ въ Севиллу. Онъ собираетъ 3 милліона подаши, и къ ушру 18-го выходитъ изъ города.

22 Юля. Въ Малагу спасаются многіе бѣглецы конституціонныхъ войскъ, а 27-го вступаешь шуда Генералъ Зайасъ съ 400 человекъ конницы и принимаетъ главное начальство. Число бѣглецовъ, непрерывно увеличиваясь наконецъ, составляетъ около 4000 человекъ пѣхоты и 500 человекъ конницы, остатокъ всѣхъ конституціонныхъ войскъ. Генералъ Зайасъ пребуешь значительной подаши, но подучаешь только 200,000 реаловъ и отпраляется въ Аншекверу.

23 Юля. Регенштво объявляетъ виновными въ оскорбленіи Величества, всѣхъ членовъ собранія Коршесовъ, подавшихъ голосъ къ смѣненію Короля, всѣхъ лицъ, составлявшихъ инсургеншское Регеншство, и всѣхъ

начальниковъ, участвовавшихъ въ перевезеніи И. К. В. и Выс. въ Кадиксъ, и предписываетъ Цеушскому Губернатору воспретить сповашъ вступленію Коршесовъ и революціоннаго правленія въ сей городъ.

1 Юля. Вѣрноподанные жштели Сиерраде-Ронды вторично принимаютъ сторону Короля. Военачальники Юбрикского Кантона и другихъ мѣсть, которые посреди сихъ скалъ уничтожили ужасную военную силу Наполеонову, созываютъ приверженцевъ своихъ, разбиваютъ конституціонное войско, и выгоняютъ оное изъ Сиерры. Они приглашаютъ Генералъ-Лейшманша Донъ-Жуана-Каро, бывшаго Губернатора Малагского, принявъ надъ ними главное начальство; онъ соглашается на ихъ приглашеніе, и возсшановляетъ Королевское правленіе въ Рондѣ.

12 Юля. Дивизія изъ 6,000 человекъ дѣлаешь вылазку изъ Кадикса, но прешерпываетъ совершенное пораженіе и значительный уронъ убитыми и ранеными.

25 Юля. Французскія войска вступаютъ въ Гренаду. Находящіяся въ Малагѣ бѣглецы и приверженцы конституціи приходятъ отъ шого въ величайшее замѣшательство и спасаются въ Гибралтаръ, Малорку, Англию и другія страны.

11 Августа. Генераль Зайась возвращається съ 1000 человекъ пѣхоты и конницы изъ Алланіи и Велеза въ Малагу. Партизаны Донь-Франциска Гомеза, называемого также Паншико, вмѣстѣ съ Сьерра-де-Рондскими, изрубивъ Малагскій гарнизонъ, приближаются къ городу на полъ-мили.

17 Августа. Утромъ сего дня Генераль Донь-Рафаэль Ріего въ крестьянской одеждѣ прибылъ на лодкѣ изъ Кадикса въ Малагу.

18 Августа. Въ вечеру большой смотръ констишунціоннаго войска въ Малагѣ, состоящаго изъ 16 полковъ пѣхоты, всего 4,000 человекъ, и 6 полковъ конницы, всего 600 человекъ. Генераль Зайась сдаетъ главное начальство Генералу Ріего.

21 Августа. Войска окружаютъ монастыри, и многіе монахи отправляются на фрегатахъ Ла-Комунерасъ. Между прочими взяли подъ спражу Генераль Зайась и двое другихъ Генераловъ, и отправлены въ Кадиксъ.

23 Августа. Собираютъ все серебро изъ монастырей и приходскихъ церквей.

26 Августа. Никому не позволяется ни входить въ Малагу, ни выходить изъ оной; собираютъ податъ въ 2 милліона. Пресвитера Донь-Анхонія-де-ла-Торре и семерыхъ другихъ особъ выводятъ изъ шем-

ницы на мило отъ города, гдѣ ихъ съ величайшею жестокостію умерщвляютъ.

27 Августа. Рѣшено, снова поспроить крѣпость Гибралфоро. Нѣсколькихъ монаховъ отправляютъ въ Гаванну.

1 Сентября. Отправляютъ моремъ въ Каршагену, негодныхъ солдатъ, 18 сундуковъ съ деньгами и серебряною ушварію и множество съѣстныхъ припасовъ, за кошыры не могутъ заплашить.

2 Сентября. Констишунціонное войско, состоящее изъ 4000 человекъ пѣхоты и 500 конницы, спроща въ Аламедъ и подъ начальствомъ Генерала Ріего идетъ къ Велезу.

4 Сентября, въ 6½ часовъ утра, является Французскій парламентаръ, а 7 сдается на капитуляцію отрядъ, оставленный Генераломъ Ріего въ Аламедъ. Дивизія Французскихъ войскъ отъ 2500 и до 3000 человекъ, съ 10 пушками и 4 гаубицами, подъ начальствомъ Генерала Любердю, вступаютъ въ городъ при громкихъ восклицаніяхъ народа. Спашую Короля спавяшъ снова на прежнее мѣсто. Французская конница преслѣдуетъ дивизію Генерала Ріего, и беретъ множество пленныхъ. Въ 9½ часовъ вечера вступаютъ дивизія Испанскихъ войскъ подъ начальствомъ Губернатора Донъ Жуана

Каро, и правленіе Е. К. В. возстановлено въ семь городѣ. Пльннымъ возвращается свобода. Въ слѣдъ за нагруженными барками посылають вооруженныя лодки, кошорыя и возвращають 12 изъ нихъ, изъ коихъ одно съ серебромъ. Однако же не могли наспигнуть судна съ пльнными Капуцинами.

6 Сеншября. Половина дивизіи Французской выступаетъ въ походъ къ Велезу, для преслѣдованія Ріего.

7 Сеншября. Торжественный церковный ходъ, въ возблагодареніе Свяшому Угоднику, покровителю города, за спасеніе изъ рукъ Якобинцевъ.

9 Сеншября. Выступаетъ вторая половина Французской дивизіи по направленію къ Аншекверъ, для соединенія съ корпусомъ, двѣсивующимъ противъ Ріего.

14 Сеншября. Ріего всупаетъ въ Яэнь, хочешь воспользовашся церковнымъ серебромъ и наложитъ значительную подать, но не успѣваетъ ни въ томъ, ни въ другомъ, съ шремя шоварищами спасается бѣгшвомъ въ деревню Аргвильось; вмѣстѣ съ ними захваченъ 15 числа Алкадомъ и нѣсколькими крестьянами и въ 8 часовъ вечера ошведенъ въ Каролинскую шемницу.

16 Сеншября, возвращающа Епископъ Донъ Алоизо Коредо-и-Вигиль изъ зашоче-

нія, народъ принимаетъ его съ громкимъ рукоплесканіемъ.

18 Сеншября, возвращающа въ Малагу Капудины на шомъ же суднѣ, на кошоромъ Ріего ошправилъ ихъ въ Карпагену.

20 Сеншября, по ушпру, занимають союзныя войска крѣпостцу св. Пешра. Французы берутъ Трокадеро съ значительного пошерю пушекъ, и пѣснѣ осаждають Леонъ и Кадиксъ.

27 Сеншября. Коршесы расходяшся въ Кадиксъ и предоставляють полную верхнюю властъ Королю. Народъ возмаетъ въ Кадиксъ, восклицая: да здравствуетъ Король! Смерть ширанамъ! (разумѣя подъ симъ Коршесовъ).

1 Окшября. Король и Королевская фамилія, освобожденные ош власпи инсургентовъ, ошправляются въ Пуершо-де-Санш-Марія. Въ шомъ же день Е. В. издаетъ предписаніе, въ силу коего уничтожаються всѣ акшы шакъ называвшагося Консшимуціоннаго правленія, а подшверждаються всѣ шѣ, кошорые были совершены Охарзунскою Юншою и Мадришскимъ Регеншшвомъ.

3 Окшября, въ 7 часовъ ушра, занимають союзныя войска, подъ начальствомъ Генераль-Лейшенанша Бордесу, Кадиксъ и Леонъ ош имени Е. В. Короля.

6 Октября, Е. В. повелеваетъ во всѣхъ церквахъ Королевства принести торжественную жертву умилоствления, по причинѣ неслыханныхъ оскорбленій, нанесенныхъ Господу Богу, во время революціи безбожниками и вольнодумцами (ateos, materialistas у libertinos.)

8 Октября, Е. В. и Королевская фамилія имѣють торжественный въездъ въ Севиллу.

9 Октября, Е. К. В. повелеваетъ во всѣхъ церквахъ Королевства отслужить панихиду по усопшихъ, пожертвовавшихъ жизнью для защиты правъ Церкви и Престола.

7 Ноября, отводяшь мятежника Донъ Рафаэля Ріего въ Мадридъ, гдѣ осуждають его на висѣлицу и казнятъ его.

13 Ноября, Торжественный въездъ Е. В. и Королевской фамиліи въ Мадридъ, при громкихъ изъявленіяхъ всеобщей радости.

8 Января 1824 года, учреждается въ Мадридъ Судъ всеобщей Полиціи.

1 Маія, издаетъ Король актъ всепрощенія съ извѣстными исключеніями.

18 Юля, открываютъ въ Малагѣ сильныя признаки конституціоннаго прошиводѣйствія, а именно, узнають, что въ Гибралтаръ послана новая экспедиція мя-

тежниковъ, и ловяшь двухъ шпионовъ съ возмущительными прокламаціями. Войска остаются подъ ружьемъ, и Генераль Донъ Жозе Олавонъ принимаетъ всѣ нужныя мѣры предосторожности.

3 Августа. Утромъ сегодня отрядъ мятежниковъ изъ 100 человекъ, подъ начальствомъ Франциска Вальдеса, отплывшій изъ Гибралтара, пристаешь къ берегу въ Тарифъ, нападаетъ на малочисленный гарнизонъ, овладеваетъ симъ городкомъ, мгновенно увеличиваетъ число своихъ приверженцевъ, освобожденіемъ кашортниковъ и принятіемъ нѣсколькихъ бѣглецовъ, до 400 человекъ, и налагаетъ подать во 100,000 реаловъ. 6го посылаетъ Донъ Жозе Одонель изъ Алхезиры Полковника Донъ Жозе Баррадаса съ нѣсколькими войсками къ Тарифу, куда 7-го приходишь еще нѣсколько Французскихъ войскъ подъ начальствомъ Графа д'Асторго, съ двумя Французскими фрегатами и гондлетою; всѣ оны вмѣстѣ блокируютъ Тарифу съ моря и съ суши. Сдѣлавши проломъ въ стѣны, войска проникають 19 числа въ городъ и овладеваютъ онымъ. Мятежники спасаются бѣгствомъ, одни на соседній островокъ, другіе въ крѣпостицу Санта-Катилину. Испанскія войска берутъ послѣднюю приступомъ, а 20 числа Французы

овладевають укрѣпленнымъ островомъ, гдѣ находясь 20 пушекъ и беруть въ пѣнь 160 человекъ мяшежниковъ. Вальдезь, пользуясь ночью темною, спасается бѣгствомъ. Пѣнныхъ отводишь въ Алджезиру, гдѣ однихъ казнятъ, другихъ ссылають на кашорту. Въ Именѣ возстають также конспиративная парція подъ начальствомъ Христо-баля Лопеса Герреры, но храбрый офицеръ съ 10 человекъ солдатъ, разбиваетъ ихъ и беретъ нѣсколько пѣнныхъ, изъ коихъ шестеро казнены 23 числа въ Алджезирѣ.

13 Августа, показываясь близъ Альмеріи бригадина и фелука, и подають сигналы, на которые отвѣчаютъ изъ города. Заботливый Губернаторъ приказываетъ занять важнѣйшіе пункты, и взять подъ стражу нѣсколько подозрительныхъ особъ. 14 числа приближаются оба судна, прибывшія изъ Гибралтара съ 50 человекъ вооруженныхъ мяшежниковъ, при сильномъ огнѣ, кошорому съ большимъ успѣхомъ отвѣчаютъ башшарей съ берегу. Инсургенны приступаютъ къ берегу на полъ-мили отъ Альмеріи и идутъ къ Гвесіи, гдѣ они издають прокламацію, въ которой называютъ себя второю дивизією освободительной арміи. Къ нимъ присоединяются болѣе 450 человекъ пѣхоты и 80 человекъ конницы, и 16

числа они приступаютъ къ городу, но мощный гарнизонъ отражаетъ ихъ на всѣхъ пунктахъ. Послѣ непрерывной пѣльбы, продолжавшейся 4 часа, они отступаютъ въ Бенагадукъ. Но пѣнь, оставленные соединившимися съ ними конспиративистами, они были совершенно разсѣяны нападшими на нихъ роялистами; въ числѣ 30 пѣнниковъ, находились не только всѣ офицеры Гибралтарскихъ бѣгленцовъ, но и Французскій Генераль Моншарло, называвшійся Президентомъ Французской либеральной Конфедерации; онъ былъ разстрѣлянъ 24 числа, объявивъ, что заговоръ сей распространяется на многіе пункты полуострова.

14 числа, взяты подъ стражу многіе подозрительныя особы въ Пальмѣ, что на Малоркѣ, и найдены всѣ проексы и бумаги масоновъ. 20 Августа, воспослѣдоваль строгій актъ противъ мяшежниковъ. 1 Октября, великолѣпно празднуемо было годовое торжество освобожденія Королевской фамилии.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя книги.

1827.

39. *Евгеній Онегинъ, романъ въ стихахъ.*
Сочин. Александра Пушкина. Глава
третья. С.п.б. въ тип. Депарш. Нар.
Просв. 1827. въ 12 д. л. 51с.
(Чашацели вспоминашь, что въ первой
главѣ сего романа, Поэшь рассказывалъ намъ
разсѣянную сподичную жизнь своего героя;
во второй — произвольное его пусцынли-
чество въ деревнѣ. Въ сей третьей гла-
вѣ, изобразилъ онъ любовь юной Ташьяны
къ Онегину, и что-то похожее на сіе чув-
ство, только не такое и неопредѣленное, въ
самомъ Онегинѣ. Здѣсь Поэшь намъ еще
лучше развернулъ характеръ своего героя.
Онегинъ, утомясь и наскучивъ внешнею
жизнію, и не имѣя ни довольнои силы, ни
твердоси для внутренней, скользить, такъ
сказашъ, на краю той и другой. Онъ исчер-
палъ уже весь удовольствія жизни, и посто-
му новая любовь кажется ему новшореніемъ
скучной, давно знакомой драмы; но Ташьяна

такъ мила, такъ чиста, съ такою дѣш-
скою невинностію сама падаетъ въ его съ-
ши, что онъ не можешь вовсе избѣгнушь
ошъ нѣкоторыхъ впечашавній, хотя и ша-
пшь ихъ. Съ Ташьяною Поэшь также по-
знакомилъ насъ еще во 2-й главѣ. Она уви-
дѣла Евгенія — и всѣ романическіе герои
оживились въ романическомъ ея воображеніи:

Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де-Ливаръ,
И Вершеръ, мученикъ мадежной,
И безподобный Грандиссонъ,
Который намъ наводитъ сонъ,
Всѣ для мечтательницы нѣждой
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онегинѣ слились.

Вся сія глава посвящена дѣйствію эпои любви
въ сердцѣ Ташьяны; но Поэшь намъ лю-
битъ ошсшуленія: онъ любитъ, въ проме-
жуткахъ расказа, разговориться съ своимъ
чашацелемъ о шомъ и другомъ. Такъ и здѣсь,
сказавъ, что письмо Ташьяны къ Онегину
было написано по-Французски, онъ весьма
оспроумно подшучиваетъ надъ шѣмъ, что
прекрасный полъ почти ошучилъ насъ ошъ
природнаго нашего языка:

Дошнь дамская любовь
Не изьяснелася по-Руски;
Дошнь гордый нашъ языкъ
Къ поштовой прозѣ не привыкъ.

И это говоритъ онъ съ такою правдоподобною важностію, что можно подумашь, будто бы онъ хотѣлъ выдать за починъ свои мнѣнія сію такую провію:

Неправильный, небрежный лепешь,

Нешочный выговоръ рѣчей,

По прежнему сердечный шрепешь

Произведуть въ груди моей.

Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы:

Мнѣ галлицизмы будутъ милы...

Со всею его любовью къ галлицизмамъ, пожелаемъ, чтобы онъ поскорѣ сдержалъ намъ свое слово, данное въ предувѣдомленіи, и подарилъ насъ новыми главами Онѣгина, въ кошорыхъ, по слранному, свойственному Поэтамъ проповорѣчію, нѣтъ галлицизмовъ, за що много есть испинныхъ, неподражаемыхъ красошъ).

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Посѣтители Висваденскихъ теплицъ.

Повѣсть соимн. Г-жи Шопенгауеръ.

„Хорошо, что ты вонъ здѣсь попался!“ вскричалъ Баронъ Райпернстаузенъ, схвативъ за руку своего племянника, которій только что хотѣлъ юркнуть въ одну изъ богатоубранныхъ лавокъ, помѣщенныхъ въ галлерей передъ сборною залою. „Скажи мнѣ пожалуста, Адельбернъ, что долженъ я о тебѣ подумашь?“ продолжалъ онъ, и чѣмъ съ большимъ жаромъ говорилъ въ послѣдствіи, тѣмъ скорѣе расказивалъ взадь и впередъ по галлерей. „Полю, не оглядывайся на эшошъ хрусталь, успеешь закупить въ другой разъ, а шенерь изволь мнѣ ошвѣчашь. Съ шѣхъ поръ, какъ ты ворошился изъ путешешствія, совсѣмъ не узнаю тебѣ; ты, правда, всегда былъ не веселаго десятика, однако былъ малый съ огнемъ, съ ду-

шею, съ чувствомъ, а шеперь спалъ совсѣмъ не шопъ.“

— „Любезный дядюшка,“ сказала Адельбертъ, „меня бы очень огорчило, если бь вы...“

„Э, милый, совсѣмъ не шо!“ прервалъ его Баронъ: „за чѣмъ бышь шакъ, ни шо ни сѣ. Я съ шакою радостію, съ шакими надеждами, ѣхалъ сюда въ Висбаденъ шебъ на вспрѣчу, и чшо жь я нашель? Прелеснѣйшія дѣвицы — личики, какихъ, передь Богомъ, никакой живописецъ не нарисуетъ красивѣе, даряшъ молодца улыбною, а онъ споишь, какъ ишуканъ, кланяетъся не довчѣ куклы на проводокъ, и бѣжитъ вонъ при первомъ удобномъ случаѣ, какой представившя. Такъ ли живущъ люди въ свѣтѣ? и шакихъ ли примѣровъ набрался пы въ путешесствіяхъ. Если шаковъ чужеземный обычай, шо я благодарю Бога, чшо проживши сорокъ восемь лѣтъ, не знаваль его, и поверни меня хошь куда...“

— „Ахъ, любезный дядюшка, нечего и говоришь о шомъ: мы всѣ, молодые люди, давно знаемъ, какой вы намъ опасный соперникъ...“

„Молчи!“ вскричалъ Баронъ съ притворнымъ гнѣвомъ, не могши однако удержаться отъ самодвольной улыбки: „пы думаешь поддѣшь меня на льстинныхъ сло-

вахъ — нѣтъ, брашъ, не проведешь! Ты знаешь, чего я пребую, знаешь, чшо мнѣ смертельно хочешя видѣшь шебя жепашнымъ, и чѣмъ скорѣе, шѣмъ лучше, — шолько не на чужеспранкѣ — нѣтъ! онъ намъ не годяшся. Какая нибудь Берлинка, Франкфуршка, Ганноверянка, все эшо намъ не подъ спашъ, хошь какъ бы ни были онъ любезны. А вонъ, двѣ дѣвицы Аллергайнъ — я долженъ шебъ признашся, чшо ихъ отецъ, мой шапинный пріятель, не совсѣмъ безъ моего содѣйствія пріѣхаль сюда... мы вѣдь съ нимъ близкіе сосѣди! Посмошри же пы на эшихъ барышенъ — ну, право премиленькія, и между нами говоря, ужъ закидываюшь на шебя глазки. Блюкурая Тереза, брюнешка Берта — одна свѣжа, молода, какъ майская роза, другая свѣшла, чиспа, какъ небесная росинка — ну, чшо жь пы скажешь, худъ мой выборъ, чшо ли? Да не стой же брашецъ, какъ пенъ?“

— „Любезный дядюшка, и майская роза и небесная росинка, обѣ не для меня!“ отвѣчалъ Адельбертъ столь же скромно, какъ и рѣшительно.

„Обѣ не для тебя!“ повторилъ съ сердцемъ Баронъ. И онъ вѣрно даль бы полную волю своему гнѣву, если бь не увидѣль издали нѣсколькихъ знакомыхъ дамъ, которыя

медленно приближались по аллею. „Скажу же тебе раз навсегда свое мнение, а шамь дьлай, что хочешь!“ продолжалъ онъ въ полголоса и съ едва удерживаемою вспыльчивостію. У меня совсѣмъ нѣтъ охоты, еще эту зиму просидѣшь одному въ усадьбѣ своей, или въ дурную погоду и по снѣжнымъ дорогамъ пускаешься за нѣсколькими милями, искать какого либо скареднаго, скучнаго знакомства — нѣтъ, мнѣ ужъ не должно! Бывало прежде люди были и оставались молоды, и тогда еще, какъ наступали, такъ называемые зрѣлые годы, бывало, вездѣ найдешь веселое общество, — а теперь все только шаррики, да проныры, или удалцы, да опасные; нѣтъ и другимъ усердно кланяюсь! Мнѣ надобно, чтобы вокругъ меня была семья, съ кошорою могъ бы я вести жизнь веселую и опрадную, къ чему впрочемъ Господь Богъ послалъ мнѣ все нужное. И шакъ, прежде нежели наступитъ зима, изволь лайши себя молодую хорошенькую жену, да чтобы она была дѣшняя уроженка и мнѣ понравилась, а не то — увидишь, что я сдѣлаю!“

— „Однако, дядюшка, чтобы послѣ такого скорого выбора намъ обоимъ не раскаялись: если молодая, прекрасная жена вздумаетъ окружить себя большимъ обществомъ

и заведешь шумную, суешную жизнь въ усадьбѣ вашей!“

„По мнѣ хоть собери около себя цѣлое снадо поддипаль, разумешься добросовѣстныхъ — шѣмъ веселѣе мы заживемъ, по ешь я, молодая швоя жена и ея почишались, въ которые вишусь я первый; по-по будешь у насъ раздолье!“ вскричалъ Баронъ въ запальчивости. „А шты изволь себя тогда играть роль философа, сколько угодно. Если жъ не здѣлаешь того, что мнѣ угодно, по ешь не женишься; по я самъ женюсь, тогда шты изъ наслѣдниковъ моихъ въ опшнавку, и Богъ знаетъ, можешь быть потеряешь и свое маіоранство. Тутъ ешь одна дѣвица Вальборнъ, краса дѣшнихъ дамъ и хоть иносшранка, но ко мнѣ кажешся, довольно благосклонна — что шты смѣешь, пошрѣшь?“

— „Извинише, дядюшка, я право не думала васъ обидѣть своимъ смѣхомъ. Эта дѣвица Вальборнъ, кошорая шакъ часто мнѣяетъ своихъ любимцевъ, какъ свои шляпки и косынки...“

„Молчи, пожалуста,“ прервалъ Баронъ, знаю, что у тебя какая-то шпанная иншпанція къ этой дамѣ, и шты съ нею обращаешься иногда шакъ, что право мнѣ за тебя сшдно. Для тебя она конечно не

пара, и ни за что въ свѣтъ не хотѣлъ бы я видѣть ее ливою женою; но развѣ изъ этого надобно бытъ невѣжливымъ и несправедливымъ? и къ кому жь? къ слабѣйшему полу? "

Между пѣвмъ довольно уже близко подошли къ аллеѣ дамы. Шедшая впереди дѣвица Вальборнъ прибавила шагу, чѣмъ поскорѣ поклонилась Барону, съ которымъ ей нужно было переговорить о тысячѣ разныхъ мелочей для условленной на дняхъ загородной побѣдки. Дядя хотѣлъ припнунуть къ совѣщанію племянника, но сей, въ самомъ еще началѣ, съ легкою уклонкою, промелькнулъ мимо дамъ и опошелъ ужъ шакъ далеко, что нельзя было и кликнуть его.

„Вошь, опять ушелъ! Это право несносно!“ вскричала Баронъ.

— „Почему жь“ — сказала Мальвина Вальборнъ: „почему не предоставишь вашему племяннику свободы убѣгать отъ общества, въ которомъ не находишь онъ удовольствія.“

„Вы всегда готовы“ — замѣтила Баронъ, все еще сердитый, „сказать доброе слово объ Адельбертѣ, лишь только увернется онъ, какъ теперь, съ глазъ вашихъ.“

— „Потому, что я всегда охотно говорю о людяхъ доброе за-глаза“ — отвѣчала Мальвина смѣясь; „а молодой Райнершгаузенъ конечно часто подаешь мнѣ къ тому случай.“

„Однако, признайтесь: вѣдь вы не замѣчаете, что это ужъ слишкомъ часто случается. Впрочемъ я радъ, лишь бы дядя выигрывалъ шамъ, гдѣ племянникъ перешелъ по безразсудной заспѣчивости.“

Говоря такимъ образомъ, они со всѣмъ обществомъ опошли по аллеѣ далеко отъ сборной залы.

„Кто шакъ эти люди? спросилъ вислокій, пожилой и загорѣлый офицеръ въ Англійскомъ мундирѣ, у чловѣка, съ которымъ сѣдя на одной скамьѣ въ кустарникѣ, прислушался онъ къ разговору мимошедшей группы.

Докторъ Браунъ, къ которому былъ обращенъ вопросъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, какихъ вездѣ бываешь много, а особливо въ большихъ городахъ и въ сборныхъ мѣстахъ особъ высшаго званія. Они все знаютъ, во все мѣшаются, обо всемъ заботятся, по недостатку собственнаго занятія; особливо же трутся они около чужестранцевъ, стараются сдѣлаться для нихъ необходимыми и были бы неувѣщаны, ес-

ли бы какойнибудь позначительнѣе заѣзжій провель сушики на одномъ мѣсцѣ, не наслаждаясь ихъ лицезрѣніемъ.

„Эпошь спашный мужчина въ модномъ сертукѣ, съ важною осанкою, и по лѣшамъ своимъ немного слишкомъ щеголевашый — эпо Баронъ Райнершгаузенъ, богатый дворянинъ, котораго помѣстье находится въ Мекленбургѣ.“ Такъ, отвѣчала Докторъ Браунъ, весьма обрадованный, что можешь прислужиться чужестранцу. „А вошь пошь“ — продолжалъ онъ: „блѣдный, суровый на взглядъ молодой человекъ, который отошелъ прочь, какъ скоро приблизились дамы — эпо племянникъ Барона и какъ должно полагаешь наследникъ его.

„Тѣмъ лучше для него!“ пробормотала Англійскій офицеръ, котораго, судя по выговору, скорѣе можно было счестъ за настоящего Нѣмца, но шакого, который, по долгому пребыванію въ Англии, ошвыкъ опъ своего роднаго языка, и пріучился перешакивашъ съ Англійскаго слово въ слово все упошребительнѣйшія житейскія рѣченія“, что весьма не рѣдко случается съ пѣми, кто живучи долго въ чужомъ краю, имѣль обращеніе все шолько съ плуземцами.

„А вошь еще двое молодыхъ людей, эши вчера шолько пріѣхали, и хоша не включе-

ны еще въ листки о пріѣзжихъ къ шеплацамъ, но вписались уже въ число почташелей дѣвицы Вальборнъ.“ Эпи послѣднія слова, Докторъ Браунъ произнесъ съ лукавою миною и самодовольною улыбкою.

Офицеръ пробормотала что-шо по Англійски и перевернулся на скамьѣ, шакъ, что къ сосѣду почти оборотился спиною.

„Да, да, въ свѣшъ не безъ чудесь, а особливо въ шакомъ шепличномъ свѣшъ, какъ здѣсь; вошь я вамъ доложу...“ продолжалъ Браунъ, ни мало не считаая себѣ помѣхою, что его невнимательный слушатель явно обнаруживала скуку. „Маленькая, но шолшовашая женщина, которая шла возлѣ прекрасной дѣвицы — эпо жена одного Ганноверскаго дворянина; она болна модною болѣзнію, нервическою слабостью; но миленкая барышня, воспитанница ея мужа — она-шо здѣсь собшвенно солнце, полярная звѣзда, ось, около которой все движенся. Въ Англии, какъ я слыхаль, ешь люди, предшавляющіе на теплыхъ водахъ благочиніе въ лицахъ и наблюдающіе за порядкомъ въ обществѣ; но у насъ, у насъ еешъ шепличныя дамы, которыя, напрошивъ, на пошь спояшь, чтошь кружишь людямъ головы и сердца. Тенерь здѣсь въ Висбаденѣ, Мальвина Вальборнъ неограниченная владычица, и

ни одна соперница не смѣешь оспаривать у нея этого титула.“

— „Мальвина... какъ вы назвали?“ спросилъ Нѣмецкій Англичанинъ, сдѣлавшись внимательнѣе.

„Мальвина Вальборнъ“ — повторилъ Браунъ: „однако исключая имени, ни по чему не узнаешь, откуда она собственно родомъ. По-Англійски, и по-Французски, и какъ увѣряюшь, по Итальянски говорить она также славно, какъ и по-Нѣмецки. Поешь — что швоя Капалани! танцуетъ не хуже какой нибудь Лемьеръ, и любишь подсмѣяться на счетъ ближняго, даже иногда и надо мною.“

— „Humst!“ пробормотала офицеръ въ глубокомъ размышленіи.

„Что она прекрасна, въ г. Маіоръ, конечно сами замѣнили изволили, но ужъ наши молодыя господчики черезъ чуръ околдованы ею. Сколько возни, хлопотни, спору и бѣганья, изъ того шолько, чшобъ имѣть честь на прогулкѣ нести шаль ея; и старый Баронъ Райнершгаузенъ шуда же гоняется за нею, не хуже молодежи.“

„А есть у нея особенный фаворитъ?“ спросилъ Маіоръ съ большимъ участіемъ, не жеди какое оказывалъ до сихъ поръ.

— „Черезъ каждыя три дни новый, и доложу вамъ, нѣтъ ничего горше въ свѣтѣ, какъ видѣшь эшихъ бѣдняковъ, послѣ ихъ напады: бродящъ какъ шѣни, но за всѣмъ шѣмъ судьба предшественниковъ не вразумила ни одного. Вы вѣрно замѣнили молодого человека, кошорому шакъ пристало его охотничье платье? Очъ шущъ же прошелъ въ свѣтѣ нашей новой Армии. Уже пять дней, какъ онъ въ милости, шо есть, имѣешь позволеніе, нести за нею ридикюль, какъ вы видѣли; она принимаетъ очъ него цвѣты, кошорые онъ подноситъ ей за объдомъ, вальсируетъ съ нимъ, когда придетъ ей охота танцовать, и позволяеть ему споянть въ сборной залѣ за своимъ шудомъ. Такъ долго никто еще не былъ счастливецемъ. Г-жа Эльрихъ, мать этого молодца, ужъ и поговариваетъ, что изъ шого можешь выйти что - нибудь прочное, и всячески забываетъ къ г-жѣ Шшейфельсъ, у кошорой живешь красавица, чшобъ въ искреннемъ разговорѣ поразвѣдашь о денежныхъ и другихъ обстоятельстввахъ. Но, хопите ли объ закладъ, что не даде какъ завтрашій день кончится приволье молодого охотника? Вы вѣдь замѣнили молодого горнаго офицера, кошорый шо же прошелъ здѣсь за нею, и кошорого я даже еще не знаю имени. Чер-

ный горный мундиръ появляется здѣсь рѣдко; въ немъ есть что-то романшическо-привлекательное; бьюсь объ закладъ, о чемъ хотите, что завтра же черная куршка съ прекраснымъ серебрянымъ позументомъ вышвѣснитъ зеленый охотничій кафтанъ.

— „Это не хочешь отвѣчать!“ сказала про себя Маіоръ, который, не слишкомъ обращая вниманіе на послѣднюю длинную рѣчь Доктора, былъ погруженъ въ думу и чертилъ на песокъ разныя изображенія палкою.

„Что изволили сказать?“ спросилъ Докторъ. Онъ не догадался, что сосѣдъ его буквально перевелъ Англійскую фразу: *it will not answer*, которая на числомъ Нѣмецкомъ языкѣ значила: *es kommt nichts dabei heraus* (изъ того ничего не выйдетъ). „Хотите ли биться объ закладъ?“ спросилъ онъ еще, не получивъ отвѣта на прежній свой вопросъ.

— „Съ незнакомыми я не бьюсь“ — отвѣчалъ съ досадою офицеръ.

Докторъ помолчалъ нѣсколько минутъ, но странное обращеніе сосѣда, все еще не општолкнуло его. „Видите ли“ — началъ онъ снова: „молодой Райнершгаузенъ возвращается назадъ — тошъ самый, что да-вече убѣждалъ отъ дамъ. Этомушъ молодой человекъ — фениксъ, феноменъ въ своемъ

родѣ. Онъ совсѣмъ не любитъ прекраснаго пола, а къ дѣвицъ Вальборнъ питаетъ какую-то ненависть. Его, одного шолько его не опушала могущественная волшебница своимъ съпиями. Когда шолько возможно, онъ убѣгаетъ ея, а если ужъ надобно пробыть нѣсколько времени съ нею; то такъ мало обращаетъ на нее вниманія, что даже выходитъ изъ границъ приличія. Точно, будто она совсѣмъ для него не существуетъ; онъ, доложу вамъ, ни однимъ взглядомъ ее не удостоиваетъ. Ага! подумалъ я сначала: Донъ Цезарь и Донна Діана *)! Молодецъ лукавить: хочешь гораду красавицу побѣдить упрямымъ; спараясь преодолѣть его, она сама попадетъ въ съшь; однако я очень ошибался. Уже скоро при недѣли, какъ они видятся здѣсь и очень равнодушны другъ къ другу; дѣвица Вальборнъ шакже мало занимается имъ, какъ и онъ ею: они взаимно опшпалкиваются, какъ съверъ и югъ, и не смотря на всю несспешенность того, у нихъ, какъ будто бы шакъ должно быть. Посудите сами: она краса нашихъ дамъ, а онъ за то краса нашихъ молодыхъ людей; собою молодецъ и, когда захочетъ,

(*) Дѣйствующія лица изъ Киндовой Комедіи.
Пр. Перев.

можетъ быть очень любезенъ. Посмотрите, вонъ онъ идетъ опять назадъ — видно не далеко Мальвина — шакъ и есть, вонъ вся компанія приближается сюда, и, не говоривъ ли я? горный офицеръ несетъ уже шаль, а охотникъ осмался только при одномъ ридикюль.“

„Желаю вамъ добраго ушра!“ сказалъ Англійскій офицеръ, вставъ съ мѣста и приподнявъ на голову шляпу.

Докторъ не безъ удивленія посмотрѣлъ на него. „Развѣ не хотите дожидаться здѣсь порожественнаго шествія прекрасной волшебницы?“ спросилъ онъ.

„Боюсь поймать здѣсь холоду на водъ.“ отвѣчалъ Маіоръ и пошелъ прочь. Порывшись въ аллею съ обществомъ, онъ бросилъ пасмурный, пронизательный взглядъ на Мальвину, и прошелъ мимо, не поклонясь.

Покачивая головою, Докторъ отправился домой и разсуждалъ о странномъ чувствіи, а еще болѣе объ его послѣднихъ непонятныхъ словахъ, кошорыя значили только: боюсь получить насморкъ: I fear to catch a cold.

Мальвина Ваальборнъ не имѣла правильности въ чертахъ лица, но было дѣйствительно самое прелестное и привлекательное созданіе. Докторъ сдѣлалъ также довольно вѣрное описаніе того, какъ обращалась она съ мужчинами; но это скорѣе можно было назвать живостию, полнопокою чувственныхъ и умственныхъ способностей или просто оригинальностію, нежели низкимъ кокетствомъ. Какая-то, ей одной свойственная прелесть сопровождала ея каждое движеніе; шла ли она, шандовала ли, занималась ли какою нибудь женскою работою, невозможно было отвести отъ нея взора отъ ея гибкаго, стройнаго спана, красивой, опрятной ножки, или маленькихъ бѣлыхъ пальчиковъ. Лица ея, разбирая по чертамъ, почти нельзя было назвать прекраснымъ; на щекахъ ея не цвѣли ни розы, ни лиліи; она принадлежала къ числу шѣхъ рѣдкихъ, почти прозрачно-свѣтлыхъ брюнетокъ, кошорыя невыразимо прелестны, когда покрасившись, а она красилась часпо, хотя и не была особенно спыдлива. Ротъ ея былъ не самый маленькій, но когда говорила она, то два ряда драгоценныхъ перловъ блистали между немного выпуклыхъ кораловыхъ устъ, а когда смѣялась, то по обѣ стороны дѣлались ямки, въ кошорыя

гъбные пѣснопѣвцы первой половины прошедшаго столѣтія усадили бы цѣлый рой милыхъ амурчиковъ. При шомъ свѣщящіяся черные глазки, спройный носикъ, кошорый любила она поднимать къверху, и густыя черно-блещящія волосы, кошорые, по прелестному челу и блоснѣжной шеѣ, падали сошнями кудрей, не шребуя для шого искусства власочесателя. Она казалась не шрѣе двадцати двухъ лѣтъ, и въ самомъ дѣлѣ, едва ли было созданіе, привлекашельнѣе и заманчивѣе сей чернокудрой красавицы.

Въ обществѣ Мальвина умѣла держать себя ловко и свободно, любила смѣяться, но никогда не перешагнула за границу дѣшвеннаго приличія; съ перваго взгляда показывала она, что привыкла жить въ большомъ свѣтѣ, но вмѣстѣ привыкла дѣйствовать по собственной волѣ, не останавливаясь отношеніями или мнѣніями постороннихъ людей. Матери своей лишилась она въ ребячествѣ, и росла подъ надзоромъ нѣскольکو спраннаго, но весьма образованнаго и умнаго отца, живучи большею частію въ иностраннхъ столицахъ, въ кошорыхъ Баронъ Вальборнъ, собственно для нея, останавливался на долгое время и не шадил ничего, чтобы счастливымъ способомъ своего единшвеннаго, любимаго

дѣшница дать всевозможное развитіе. Влещаянная смерть, за годъ передъ шѣмъ, похипила у Мальвины отца ея, и согласно послѣдней волѣ его, жила она съ шѣмъ поръ въ Ганноверѣ у своего опекуна, Барона Шшейнфельса, съ супругою кошораго прѣхала къ Висбаденскимъ водамъ.

Расказывали много спранностей о духовной Барона Вальборна: будто бы въ ней изьявиль онѣ желаніе, чтобы Мальвина не выходила за-мужъ ранѣе двадцати чепырехъ лѣтъ; и будто бы есть еще секретныя приложенія къ сей духовной, кошорыхъ содержаніе должно бышъ объявлено въ шомъ день, когда она достигнетъ сказаннаго возраста; но никто не зналъ о шомъ ничего вѣрнаго. Всѣ эши слухи похожи были на сказки, какія легко распрощрапняются о людяхъ, чѣмъ нибудъ замѣшныхъ въ обществѣ. Впрочемъ шо было извѣшно, что Мальвина хотя достаточна, но не богата. Кромѣ небольшого капитала, наслѣдштво ея отца состояло въ одномъ, довольно значительномъ помѣшѣѣ, смежномъ съ владѣніями г-на Шшейнфельса и находившемся доселѣ подъ его управленіемъ.

Какъ во всѣхъ обширныхъ минеральныхъ шеплицахъ, при сборищѣ людей, другъ другу чуждыхъ, съ различными отношеніями

ми и образованіемъ; шакъ шочно и въ Висбаденѣ, общество раздѣлялось на нѣсколько круговъ, кошоры, не безъ участія въ цѣломъ составѣ, жили сами по себѣ, и въ особенности это раздробленіе замѣтно было въ шо льшо, о кошоромъ мы рассказываемъ. Не шакъ бываетъ у шѣхъ цѣлебныхъ источниковъ, гдѣ шѣшь многолюдства: шущь посѣшители обыкновенно сближаются удобнѣе, и кшо не имѣешь охоты прослышѣ спѣсивцемъ или чудакомъ, шощь не можешь жить по собственной волѣ, а долженъ весьма не рѣдко участвовать въ забавахъ, къ кошорымъ иногда совсѣмъ не чувствуешь склонности.

Г-жа Шшейфельсъ, самая добродушная, но впрочемъ ни чѣмъ болѣ незамѣтная женщина, сдѣлалась на сей разъ, можешь бышь къ собственному своему удивленію, центромъ круга, въ кошорый шѣснился всякой, кшо почему-либо могъ причислить себя къ шакъ называемому высшему обществу. Сначала кругъ сей состоялъ изъ немногихъ особъ, между кошорыми Баронъ Райнершгаузенъ игралъ главную роль, но мало по малу разширился онъ чрезвычайно, ибо Мальвина была магнитъ, протшивъ кошораго не многіе могли устоять. Тѣ, кошорымъ нельзя было пристать къ этому кругу, нахо-

дили по крайней мѣрѣ удовольствіе, не всегда безгрѣшное, въ наблюденіи за нимъ, и довольно рѣзкія замѣчанія, дѣлаемыя обо всѣхъ его занятіяхъ, доставляли занятіе имъ самимъ. Однако общество г-жи Шшейфельсъ мало о шомъ заботилось, ибо самая извѣстность, что споншь на верхней ступени въ обществѣ, дѣлаешь нечувствительнымъ ко всѣмъ подобнымъ нападкамъ. Когда вечера начали спановинься длиннѣе, всѣ шшли сходящіяся въ сборную залу и съ шакую непринужденностію предавались всякаго рода общественнымъ забавамъ, какъ будто въ самомъ шѣсномъ кругу друзей и знакомыхъ.

Однажды вечеромъ, небольшой льшій дождикъ ранѣе обыкновеннаго прогналъ все общество съ площадки передъ залою; въ эту залу послѣдовала за нимъ и музыка, и когда заиграла она въ комнатахъ быспрый Вѣнскій маршь, шо многіе молодые люди никакъ не могли устоять протшивъ приманки волшебныхъ его тоновъ. Уговорили танцовать и Мальвину. Горный офицеръ обхватилъ рукою гибкій спанъ ея и она, какъ Грація, легко носилась по залѣ, а между шѣмъ, молодой охотникъ пасмурнымъ взоромъ слѣдовалъ за каждымъ ея движеніемъ. Адельбершь, кошораго рѣшишельный приказъ дѣ-

ди приковала шупъ на эшошь вечеръ, стоя въ углу съ угрюмымъ лицомъ и даль волю лепешать передъ собою двумя дѣвкамъ Аллергайтнъ, только изрѣдка принимая участіе въ ихъ разговорѣ, и по большою частію невпопадъ. Казалось, что онъ вовсе не понималъ или не хотѣлъ понять желанія, довольно ясно и нѣсколько разъ изъясненнаго и Майскою розой и небесною росинкою, что онъ также охотно далъ бы себя повершить въ залъ. Хорошо, что шаккой неучливости съ его стороны не замѣчала Баронъ Райнершгаузенъ, который въ эту минушу, глаза и слухъ и весь чувствивая свои, имѣлъ только для одной Мальвины. Г-жа Шпейнфельсъ погружена была въ разсмащиванье одной шляпки, которая очень ей нравилась, и все ея вниманіе обращено было къ тому, чтобы какъ нибудь у счастливой обладательницы выпросить позволеніе, взять эту шляпку себѣ для образца. Всѣ прочіе посѣщители, старались, каждый по своему, убить время сколь возможно веселье.

Провальсировавъ нѣсколько круговъ, Мальвина съѣла подлѣ Барона Райнершгаузена; къ ней приблизился молодой охотникъ и хотѣлъ, какъ прежде ему удавалось, накинуть ей шаль, которую, тоже по прежне-

му праву, держалъ онъ осторожно въ рукахъ своихъ; но на эшошь разъ она взяла шаль, даже не взглянувъ на принесшаго, и небрежно бросила ее на заспирокъ своего спула. Молодой человекъ, въ очевидномъ смущеніи, осмѣлился однако попросить ее на шапечъ, но когда и на эшо получилъ холодный отказъ, то пошелъ прочь съ поникшею головою и съ шаккимъ лицомъ, на которомъ ясно изображалась вся борьба досады и огорченія въ груди его.

„Какъ вы суровы и вмѣстѣ опасны, Мальвина!“ прошептала ей Баронъ.

— „Опасна!“ отвѣчала Мальвина смѣясь: „ну, и шо еще позволительно сказать; кто не охотно слышитъ про себя эшо слово, хотя и не всегда ему вѣрять. А сурова? Эшо прешестеркой поклепъ! Хоть я и слыхала, что въ спарину упошреблялось эшо въ числѣ нѣжностей, но для нашего времени ужъ оно не годится.“

„Благодарю, что напоминаете мнѣ о моихъ лѣшахъ, которыя при васъ я часто забываю“ — отвѣчала Баронъ и краска выступила на лицѣ его. „Я легко и охотно забываю о томъ, не смотря на шо, что каждый день у меня передъ глазами суровость, какою пошчиваете вы сердца мужчинъ. Да, сударыня, если бъ вы и еще разъ

назвали меня старомоднымъ, повторю еще разъ, что вы суровы; да и какъ назвашь иначе вашу измѣчивость: сегодня ласкаете вы юношу и своею увлекающею прелестью, ставите его на верхъ счастія и надеждъ, а за то завтра низвергаете въ пренеподнюю скорби? Опъ васъ ли, кошорая спойте выше всего своего пола, можно ожидать причудъ? Да и причуды двушекъ, вещь слишкомъ непостоянная, а вы, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ своимъ опшавленнымъ почтительнымъ, опшаетесь всегда равны: кто разъ потерялъ вашу милость, оптъ уже не надѣйся пріобрѣсти ее снова. Но что же сдѣлалъ вамъ, напримѣръ, оптъ Эльрихъ, кошорого вы шакъ жестоко, почти презрительно опшалкиваете, опгда, какъ нѣсколько дней вы принимали его угожденія по крайней мѣрѣ безъ досады?"

— „Опъ мнѣ наскучилъ; развѣ это не спойтъ наказанія?“ опвѣчала Мальвина съ насмѣшливою важностью.

„Эшимъ разрѣшаемся едва ли и половина моего вопроса“ — сказалъ Баронъ.

— „Такъ, вы въ самомъ дѣлѣ хопите обшояшельнаго опвѣша? хопите сдѣлать родъ исповѣди? Ну, это много, однако вамъ я не могу опказать ни въ чемъ. Скажите же мнѣ прежде, любезный Баронъ, всѣмъ ли

двушкамъ опшались вы вѣрны, къ кошорымъ ласкались въ своей жизни, иногда дни на два, не больше? Таковы-по вы мужчины!“ прибавила она съ лукавою улыбкою. „Вн присвоили себѣ право перелешашь опъ одной къ другой, а сердитесь, когда мы васъ предупреждаемъ, и даемъ вамъ опшавку, прежде, нежели заблагоразсудите взять ее сами.“

„Иной можете быть, ее и не возьмете опъ васъ“ — вскричала Баронъ смѣючись: „если бѣ я передъ вами пошрусилъ, по сказалъ бы; пошробуйте сдѣлать это надо мною.“

— „Ну, объ этомъ, по крайней мѣрѣ, спойте пошумать“ — опвѣчала Мальвина опзашельно. „Однако будьте справедливы“ — продолжала она, принявъ болѣе спротій тонъ: „моя ли вина, когда люди принимаюшь за важное дѣло, что можно только назвашь забавой опъ бездѣлья на водахъ? опливо же, когда многие изъ нихъ сами не знаюшь, чего хопяшь, и вѣроятнo пришли бы въ большое смущеніе, если бѣ невзначай изъ игры вышло что-нибудь дѣльное. Но опшавимъ это! Скажите мнѣ пожалуста, что это за фигура, вонъ тамъ, въ красномъ мундирѣ, съ желтымъ лицомъ и пронзительнымъ взглядомъ? Уже нѣсколько дней,

какъ это явленіе слѣдуешь за мною по память; на меня безпрестанно обращены, меня колютъ эти темнозеленые, впадые глаза; мнѣ кажется эшошь человекъ какимъ-то опаснымъ волшебникомъ, родъ Шиллера Армянина, а что меня онъ шакъ преслѣдуешь, эшо производишь во мнѣ шайный ужасъ.“

„Я самъ замѣнилъ это страшное лице, можешь быть одно изъ новыхъ пріобрѣтеній прекрасной Мальвины“ — отвѣчала немного колко Баронъ: „вѣрно удалось ему слышать о неудачахъ его предшественниковъ и онъ хочеть испытать новый путь, чшобы приблизиться ко владычицъ своего сердца. Вошь мы сей часъ о немъ узнаемъ, если угодно, онъ нашего подвижнаго рееспра пріѣзжихъ“ — примолвилъ онъ, помянкъ себя доктора Брауна.

„Эшошь человекъ приводишь меня въ опчаяніе:“ сказалъ Браунъ на сдѣланный ему вопросъ. „Судя по его мундиру, надобно заключать, что онъ Маіоръ Англійской службы; вѣроятно состоишь на половинномъ жаловань, какъ много подобныхъ ему шапается теперь по Германіи, гдѣ имъ дешевле жить. Впрочемъ же, не могу доложити, ни какъ его зовушь, ни откуда онъ явился, словомъ ничего. Онъ здѣсь ни съ

къмъ не знакомъ. На дняхъ мнѣ удалось было, по крайней мѣрѣ, ввести его въ рѣчь, но и шупъ не много я вышорговалъ. Говоришь онъ по-Нѣмецки изрядно, однако мнѣ отвѣчалъ все на коршкѣ, а иногда совсѣмъ наизворошь, шакъ что я почти долженъ думать, въ полномъ ли онъ умѣ. Въ шепличный листокъ имени его не внесушь, пошому, что онъ живетъ не въ Висбаденъ. Всякое ушро пріѣзжаетъ онъ сюда безъ провожащаго и поздно вечеромъ увъзжаетъ опять верхомъ. Богъ знаетъ, въ какомъ шемномъ углу основалъ онъ себя жилище; но я хочу, и сегодня же эшо сдѣлаю — обратишь на него вниманіе полиціи.“

— „Хорошо,“ сказала Мальвина: „если бѣ вамъ было возможно избавишь полицію отъ шруда; при шоль извѣстномъ шананшѣ доктора Брауна, мы скорѣ бы достигли своей цѣли.“

„Вы шупшите, сударыня, съ вашимъ всенижайшимъ слугою; но я радъ, что вижу васъ веселою, пошому что имѣю до васъ усерднѣйшую просьбу. Теперь здѣсь, кажется всѣ коронкіе ваши знакомые: вдова и семеро несчастныхъ сиротъ, черезъ меня, закланяюшь всѣми достойно чшимуую дѣвцу Вальборнъ, бышь ихъ покровительницею и ходатайницею. Я намѣренъ въ коронкихъ

словахъ изложишь предъ собраніемъ крайнее положеніе сего жалкаго семейства, которое рекомендовано мнѣ Его Превосходительствомъ, г. Оберъ-шталмейстеромъ; а васъ сударыня всеусерднѣйше прошу, по окончаніи крашкѣ моей рѣчи, собрать благіе дары, которыми всякой щедрится по силѣ; ибо для чувствительнаго сердца ничто не можешь быть столь пріятельно, какъ если возьмешь красота...“

— „Ходишь съ шарелкой кругомъ!“ прервала сухо Мальвина. „Но я не имѣю дара быть какою-нибудь belle-quêteuse и безъ того должна сію же минушу итти.“

При сихъ словахъ Мальвина встала и съ легкою уклонкою головы, промелькнула мимо изумленнаго Брауна, къ самому отдаленному выходу изъ залы. „Мнѣ кажешся, сегодня солнечное зашмѣніе на нашемъ общественномъ горизонтѣ“ — шепнула онъ нѣкоторымъ знакомымъ своимъ дамамъ, послѣ того, какъ проводилъ бѣглянку своими выпаращенными глазами. Дамы, которыя не упускали случая выказашь, что совѣшь не принадлежатъ къ слѣднымъ починательямъ Мальвины, нашли эту оспроту чрезвычайно забавною, и шотчасъ распространили ее въ кругу подобномыслящихъ, которыхъ число было не маловажно. Тогда-шо

начали со всѣхъ споронъ и громко изъявляшь сожалѣнія, что дѣвушка, исполненная столь блистательными способностями, которыхъ никто не могъ въ ней оспорить, была такъ нечувствительна, такъ безжалостна къ страдающему человечеству.

Между тѣмъ, Баронъ Райнершгаузенъ, съ очевидною досадою поспѣшилъ выйти за Мальвиною и нашель ее въ галлерей передъ залою въ разговоръ съ горнымъ офицеромъ, который такъ же осмѣлился уже сдѣлать легкой упрекъ за сдѣланный доктору ошказъ.

„Я не могла поступить иначе“ — отвѣчала Мальвина: „многогрѣшная Браунова слезливосць возбудила во мнѣ большое неперпѣніе; а при томъ, этого рода благоприворительности не держусь я ни мало.“

— „Лучше эшто, нежели никакого,“ сказала Баронъ сквозь зубы.

„Всякій дѣлаешь, что можешь и какъ умѣешь, никому не отдавая въ томъ ошчета, кромѣ самаго себя“ — отвѣчала Мальвина. „Но мнѣ пора итти домой: надобно сегодня же запечашать и послать на почту два письма.“

— „Счастливицы, кто ихъ получитъ!“ воскликнулъ со вздохомъ горный офицеръ.

„Эти счастливицы“ подхватила Мальвина, смѣючись: „г-жа Моръ, моя модная

порговка во Франкфуртѣ и мой башмачникъ въ Майнцѣ. Я не веду почши никакой другой переписки.“

— „Какъ, Мальвина!“ вскричалъ Баронъ: „не уже ли у васъ нѣтъ никакой подруги, ни одного друга, кошорому вы повѣряли бы ваши чувствва, мысли ваши?“

„Подруги и друзей, слава Богу! у меня довольно, но всѣ они во мнѣ увѣрены и не имѣюшь нужды съ каждою почшою получать новыя увѣренія въ неколебимомъ дружествѣ. Еще ошь башюшки наслѣдовала я отвращеніе къ такимъ дружескимъ перепискамъ, — не пошому, чшобъ я боялась злоупотребленій, какія нерѣдко нынѣ изъ того выходяшь, нѣтъ! въ моей малозначительности, могла бы я бышь ошь того безопасна; но башюшка мой ушверждалъ, чшо молоденькая дѣвушка, пускаясь въ шакую переписку съ подобной себѣ, гошова нарочно наказничать, или вообразить себѣ какія нибудь мнимыя спраданія, чшобы дшлько сдѣлать импереснѣ свои письма. Ничего нѣтъ легче, какъ шакой дѣвушкѣ предсавить себя главнымъ лицомъ маленькаго романа и сдѣлатьса вдругъ и героинею и повѣшвовашельницею.“

— „Эшо замѣчаніе въ успахъ опышнаго злешока свѣша, каковъ былъ вашъ башюшка,“

сказаль Баронъ необыкновенно угрюмо, „было почно на своемъ мѣстѣ; но признаюсь, ошь васъ не желалъ бы я его слышать. Соспраданіе, участіе, склопность къ свободному изліанію чувствъ своихъ, свойственны юности, и развѣ одна шолько горькая опышность въ продолженіе жизни можетъ ошвратить ошь того. Я боюсь за васъ...“

„Вѣрно близкой кончины; пошому чшо умные дѣши не живутъ долго!“ вскричала смѣючись Мальвина и удалалса поспѣшно.

— „Есть ли въ свѣтѣ справнѣ дѣвушка?“ вскричалъ Баронъ покачивая головою и смотря въ слѣдъ за нею.

„Ахъ, и прелеснѣе!“ вскричалъ со вздохомъ горный офицеръ. „Она перлъ, она неоцненный алмазь, кошораго блескъ освѣщншь и шемнѣйшую шахшу человѣческой жизни!“

— „Берегитесь, молодой человекъ!“ сказаль Баронъ, грозя дружески пальцемъ. „Берегитесь эшой драгоценности, кошораая для меня начинешъ принимать другой видъ. При шомъ же, вы вѣрояшно слышали, при дни продолжается ясная погода, а шамъ...“

„Три дни? при вѣка неописаннаго счастья!“ ошвѣчалъ горный офицеръ, пожирая пламеннымъ взоромъ сверканіе бѣлой Мальвиной одежды, пока не скрылась она въ концѣ длинной аллеи.

Когда Баронъ возвратился назадъ въ залу, Адельберна уже тамъ не было, онъ воспользовался его отсутствіемъ, чтобы удалиться; а небесная росица и Майская роза сидѣли въ углу, повѣся головки; и едва удерживались отъ зѣвоты. На лицахъ прочихъ собесѣдниковъ изображалась также спранныя борьба умиленія и скуки — борьба, произведенная многорѣчіемъ доктора Брауна, который все еще не докончилъ своего длиннаго разглагольствія о вдовъ и семейныхъ дѣлѣхъ. Мужчины сидѣли, какъ приговоренныя жертвы, боясь бѣжать отъ скуки, чтобы не назвали ихъ послѣ жестокосердыми и скупыми; а женщины одна другой насмѣхивали, въ какое затрудненіе бывающъ онѣ почти ежедневно приводимы съ шѣхъ поръ, какъ исчезли карманы изъ ихъ гардероба. Одна только г-жа Шшейнфельдъ была похвальнымъ изъ того исключеніемъ. Съ безпрерывно возрастающимъ умиленіемъ, однимъ ухомъ прислушивалась она къ высокопарной рѣчи доктора Брауна, а другимъ выслушивала шепотъ сосѣдки обо всемъ, что касалось до ея новой шляпки.

„Ахъ, бѣдные, бѣдные люди!“ говорила, вздыхая, г-жа Шшейнфельдъ, когда наконецъ Майская роза, объ руку съ Брауномъ, спала обходящъ всѣхъ кругомъ, поднося свой пре-

красный рабочій ящичекъ для вклада даровъ, выжимаемыхъ докторскимъ краснорѣчіемъ изъ сердецъ слушателей. „Такъ, вы думаете, милая“ — продолжала г-жа Шшейнфельдъ, обращаясь къ своей сосѣдкѣ, и шаря вокругъ себя, чтобы плашкомъ осушить слезящія глаза свои: „вы думаете, что у Ледерманши во Франкфуртѣ, можно найти такія перья? нѣтъ, право! эта бѣдная женщина раздраетъ мнѣ душу — однако, милая, не льзя ли хоть на одинъ день, сдѣлайте мнѣ одолженіе, — Боже мой, гдѣ мой ридикюль — только на одинъ день — семеро жалкихъ сиротъ — однако все лучше, прошу васъ только на минушу — вошь, слава Богу, наша и ридикюль и кошелекъ — только на минушу сходимъ въ боковую комнашу — вошь, вошь вамъ, любезный докторъ — посмотрите, въ шей, крайней комнашѣ нѣтъ никого — вошь, вошь моя миленькая!“ И добродушная женщина полною горстью сыпала Брабантскіе шалеры въ красивую кошомку, съшла между шѣмъ увесели услужливую сосѣдку въ боковую комнашу, чтобы тамъ предметъ желаній своихъ, новую шляпку, примѣришь передъ зеркаломъ, прежде нежели будетъ заказана ей подобная.

„Ну, что?“ воскликнул на следующее утро Баронь племяннику, которому вельвь явился къ себѣ очень рано. „Поразмыслили вы о нашемъ последнемъ разговорѣ? Пришелъ ли въ себя, и хочешь ли наконецъ исполнить желаніе своего дяди, любящаго себя ошъ всей души — желаніе, относительнo двухъ дѣвиць Адлергайнъ? Торопишь себя я не намѣренъ ни мало, но желалъ бы знашь, и шеперь же, кошорую выбрали вы изъ двухъ милыхъ дѣвушекъ. Не хочу и принуждать себя, если шолько одна изъ энихъ двухъ будешь моею племянницею. Вѣдь я не могу же, въ угодность швоему упрямству, обидѣть своего спараго друга. Скажу шобъ, милый Адельбершь, что онъ считаешъ эшо ужъ дѣломъ рѣшеннымъ, да и я располагался не иначе. Могъ ли я вообразить себя, чтошобъ мой племянникъ, кошорого самъ я воспитывалъ, такъ заупрямился въ выборѣ изъ двухъ любезныхъ дѣвиць?..“

— „Не сердитесь на меня, добрый дядюшка“ — ошвѣчалъ Адельбершь: „я желалъ бы...“

„Желалъ бы времени на размышленіе“ — прервалъ Баронь: „чтошобъ надуматься, кошорую предпочесть?“

— „Нѣшь, мнѣ шого не нужно“ — сказала Адельбершь почтительно, но швердо.

„Такъ и надумывались не нужно?“ вскричала Баронь, разгорячась: „ну же, скажи мнѣ коротко и ясно: кошорая изъ двухъ?“

— „Никшорая!“ ошвѣчалъ Адельбершь шпихо.

„Никшорая? Въ самомъ дѣль? Ну, но мнѣ пожауй! Принуждашь я себя не хочу и не могу. Шупай, шолько ужъ не ценяй! Я шобъ говорилъ и повшоряю: я женюсь самъ!“ Такъ говорилъ Баронь, вставши въ большой досадѣ и расхаживая скорыми шагами по комнашь.

— „Желаю вамъ шакого же счастья, какимъ вѣрно будешь наслаждаться супруга, кошорую выберешь ваше благородное сердце!“ — вскричала Адельбершь съ непришворною искренностію. „Да, мой добрый, любезный дядюшка! я радуюсь, что вы рѣшились на шо. Мнѣ представляешся случай доказать вамъ, что совсѣмъ не корышполубивые виды привязываютъ меня ко вшорому ошцу моему неразрывными узами. Я не бесполезно провелъ время въ Университетѣ и въ чужихъ краяхъ; вамъ обязанъ я шѣмъ, что небольшое наследство, доставшееся мнѣ ошъ ошца, увеличилось во время моего малолѣшства, знаю, что вы не откажете

миѣ и впередъ въ совѣтъ вашемъ и вспоможеніи — и шакъ я смѣло могу идти на пути жизни, богачій всего болѣе вашею любовью. Да благословишь васъ Богъ, да благословишь оныя добраго, любезнаго моего дядю!“ прибавилъ Адельберщъ, увлеченный внушительнымъ движеніемъ. Оныя хотѣлъ схватить руку Барона, но сей заключилъ его опечески въ свои объятія и оба остались нѣсколько время безмолвны въ семь положеній.

„Эхъ, ты негодный!“ вскричалъ наконецъ Баронъ, вырвавшись изъ объятій племянника и желая смѣхомъ скрыть блистающую на глазахъ его слезу. „Я зналъ, что ты предобродушное созданіе; ну, да это общее въ нашемъ семействѣ, и мы съ тобою не выродки. Когда ужъ шакъ, мой милый, садись же и выслушай: я перескажу тебѣ все обстоятельно. Не подумай однако, чтобъ я, на старости лѣтъ, влюбился“ — продолжалъ оныя, смягча голосъ: „Избави Богъ! нѣтъ, мой выборъ обдуманъ долго и разсудительно. Дѣвушка, которая у меня на примѣнь, конечно — ну, какова она есть, того пересказать и не умѣю и не хочу, — но ясно и вразумительно, что она любитъ меня душою, что она, не смотря на мои сорокъ восемь лѣтъ, предпочитаетъ меня

всѣмъ молодымъ повѣсамъ, которые поднами падаютъ къ стопамъ ея; ну, вѣдь ты меня знаешь: я слава Богу, въ полномъ еще разумѣ; и шакъ нечего говорить. Но надобно ковать железо, пока горячо; а какъ ты швердо стоишь въ швоемъ упорствѣ на счетъ дѣвицы Алдерстайнъ... Ты знаешь, сегодня условились мы съѣхать поѣздку въ Эльфельдъ; пусть попытаюсь я дознаться — случай найдется — я прямо спрошу у Мальвины, желаетъ ли она имѣть мужа, который, правда годился бы ей въ батюшки, но будешь ее носить на рукахъ.“

Адельберщъ не отвѣчалъ ни слова: Баронъ шакже помолчалъ нѣсколько.

„Послушай, Адельберщъ!“ началъ оныя опять: „какъ ты ни стараешься скрывать, но я все вижу не лицъ швоемъ эпю проклашную ироническую улыбку, которой не могу я перцѣть, когда рѣчь идетъ о Мальвинѣ. Говори лучше прямо: чѣмъ тебѣ не нравится Мальвина? Ты едва знаешь ее, и сколько мнѣ извѣстно, не говорилъ съ нею ни слова.“

— „Однако, любезный дядюшка, иногда случалось“ — сказала Адельберщъ сквозь зубы.

„Ну, вы вѣрно не заговаривались другъ съ другомъ!“ отвѣчалъ Баронъ, съ досадою

кивнувъ головою. „Будь увѣренъ, молодой человекъ, что Мальвину узнашь не такъ-то легко; я сама чуть не ошибся въ ней вчера вечеромъ. Она мнѣ показалась неговорчивой и жестокосердой. Первое ненавижу я смертельно; а жестокосердіе, особенно въ женщинахъ, представляется мнѣ чѣмъ-то чудовищнымъ. Онѣ должны быть сострадашельны. Отказъ Мальвины на предложеніе доктора Брауна сдѣлалъ сборъ на вспоможеніе бѣдному семейству, спрхъ какъ мнѣ не понравился; а то, что она пошчасъ выбѣжала изъ залы, ужъ совершенно меня взбѣсило. Конечно, думалъ я про себя. Брауновы манеры не такъ-то привлекашельны, да и большею часпю въ обществѣ дають бѣднымъ только снада ради; но какаѧ жѣ нужда? Бѣдные все таки получаютъ, чего бы иначе имъ недоспадось, и надобно же нападать на слабую сторону людей, чтобы принудить ихъ сдѣлать добро, если не возможно другимъ образомъ. Но послушай, что вышло. Какъ Мальвина не ворошилась въ залу, то я съ досадою пошелъ вечеромъ домой и направилъ свой путь, все равно для чего бы ни было, мимо кварширы того несчастнаго семейства. Было шемно, однако еще не поздно; въ кварширѣ, о которой я прежде развѣдалъ, видѣнь былъ огонь. Бѣдную

женщину, такъ разжалобившую Брауна, нашелъ я въ кругу пяперыхъ еѧ дѣшей, опршно и порядочно одѣныхъ, которыхъ она въ эту минушу укладывала спать; сама же она, хотя бѣдна и шоца, но казалась такъ весела, что я подумалъ сначала, вѣроятно де Браунъ ужъ являлся къ ней и отдалъ складчину. Однако, онъ сидѣлъ еще у рулешки и не двигался съ мѣша. Бѣдная вдова покраснѣла, когда я упомянулъ о дѣлаемомъ для нея сборѣ, и опоздалась, что сочла бы за великій грѣхъ принять эши деньги; пошому что еще на прошедшей недѣль Богъ послалъ ей ангела, кошорый помогъ ей въ крайности. Расскажу на корощкѣ“ прибавилъ Баронъ, едва скрывая внутреннее движеніе: „эшошь случай конечно маловаженъ, но онъ подкрѣпилъ во мнѣ рѣшимось мою и ускорилъ еѧ дѣйствіе. Вдова и дѣши еѧ получили новую, порядочную одежду, за насѣ кварширы заплачено на годъ впередъ, постельки дѣшей, кошорыя бѣдная женщина заложила по случаю продолжительной болѣзни еѧ мужа, выкуплены, старшій сынъ ошдая въ ученье къ одному башмачнику въ Майнцѣ, а старшая дочь приспособена у хорошихъ людей во Франкфуртѣ, и такимъ образомъ, эша добрая женщина получила возможность содержать впе-

редь себя и дѣшей честно, трудами рукъ своихъ. И все это сдѣлано Мальвиною, прежде нежели вѣсть о бѣдныхъ дошла до ушей нашихъ. Два раза приходила она сама, въ шемногѣ, въ это бѣдное жилище, и совсѣмъ не хотѣла сказывать своего имени, но провожавшая ее дѣвка проговорила, и такимъ образомъ вдова узнала имя своей благодѣтельницы и удержала его въ памяти. Но и безъ того я узналъ бы ее изъ описанія вдовы. Она не могла наговориться о ней, рассказывала, какъ она была весела и опѣ души хохотала, когда бѣдная мать, выспавъ передъ нею пятерыхъ малюшкочъ своихъ, сама внѣ себя опѣ радости, должна была примѣривать имъ новое платье, и все разбросала, все перемѣшала; на большенкихъ надѣла платья меньшихъ, на энихъ большія, такъ, что ни одно не приходилось въ мѣру. Будно бы ей помогая, Мальвина увеличила нарочно эту суматоху и наконецъ вышла изъ этого совершенный маскарадъ. Сами дѣши начали хохотать другъ надъ другомъ и начался крикъ, смѣхъ, шумъ и кушерьма, во время кошорой Мальвина вдругъ исчезла, такъ что мать не успѣла настоящимъ образомъ поблагодарить ее. Ну, что ты на это скажешь, Адельбертъ?»

— „Эпо дѣлаешь честь дѣвицѣ Вальборнъ!“ отвѣчалъ Адельбертъ.

„Дѣлаешь честь! дѣлаешь честь!“ повторялъ, разсердясь, Баронъ. „Тебѣ не дѣлаешь чести, что ты ничего умнѣе не могъ выдумать. Спущай же теперь и будь гошовъ: ровно въ десять часовъ мы ѣдемъ въ Эльфельдъ. Да, еще одно слово. Сдѣлай одолженіе, поразвѣдай ты о помѣ длинномъ, угрюмомъ мужчинѣ, что ходишь въ красномъ кафтанѣ и выдаешь себя за Англійскаго Маіора. Эпошь человекъ начинаешь меня беспокоить. Мальвина жаловалась мнѣ, что онъ гоняется за нею по пятамъ, хотя не начиналъ еще говорить съ нею; тогда я смѣялся надъ ея страхомъ, но съ этой ночи мнѣ самому чудится шумъ что-то не даромъ.“

— „Съ этой ночи?“ спросилъ Адельбертъ съ примѣнною заботливостію.

„Да, съ этой ночи!“ повторилъ Баронъ. „Въ двѣнадцатомъ часу я споялъ еще у окна, изъ кошораго мнѣ видѣнь почти весь садъ. Ночь была прекрасная; всѣ огни попухли уже въ окнахъ, но мнѣ, какъ ты можешь себя представить, было о чемъ подумать, и пошому я долго не ложился. Вдругъ вижу я, что Мальвина прохаживается въ саду взадъ и впередъ по аллеѣ; хопъ ночи

шеперь не мѣсячина, но звѣзды блистали ярко, а въ Мальвининой фигурѣ — по крайней мѣрѣ, съ ѡшимъ шы согласишься — не шакъ-шо легко ошибишься. Въ ея походкѣ ешь что-шо плавное и вмѣстѣ величавое! Ну, шакъ она прохаживалась съ нашимъ добрымъ хозяиномъ взадь и впередь....“

— „Съ нашимъ хозяиномъ?“ прервалъ Адельбершь,

„Да, съ нашимъ хозяиномъ — съ кѣмъ же другимъ? Цѣлый день мы шакъ шормошимъ ѡшого милаго человѣка, что ему шолько ночью досаеяся полюбоваться прекрасными его цвѣтами. Я часно вижу его, поздно вечеромъ, въ саду.“

— „Но шочно ли вы увѣрены, что именно онъ ходилъ вчера съ дѣвицею Вальборнъ?“ — спросилъ Адельбершь съ жаромъ.

„Кому жъ другому?“ повпориалъ дядя. „Надѣюсь, молодой человѣкъ, что швое глупое отвращеніе къ Мальвинѣ до того еще не дошло, чтошбъ шакими вопросами намекашь о чемъ нибудь, для нея предосудительномъ? Со мною берегись — я не изъ шѣхъ, кошорые бы легко шому иовѣрили. Только вошь, между шѣмъ, какъ они ходяшь, выско- чилъ изъ дому прокляшый красный кашпанъ и непримѣшно прокравшисъ въ боко-

вую аллею, укрываясь за деревьями, шалъ ходишь почти рядомъ съ ними.“

— „И ходилъ все время?“ спросилъ Адельбершь.

„И ходилъ все время, вѣроятно подслушивая каждое слово. Но что съ шобою сдѣлалось? Ты блѣднѣешь и краснѣешь...“

— „Эша наглость бѣситъ меня; но се- го дня же, сію же минушу я пошребую у него опчета...“

„И шанешь съ нимъ драшья!“ пере- рвалъ Баронъ. „Пошише, пошине, молодой человѣкъ! Миѣ вчера бы можно было всту- питься за Мальвину и говоря правду, я уже хошѣлъ; но къ счастью, шогда же размы- слилъ, что ее напугаю и поврежу ей въ глазахъ свѣта. Но что жъ могли они важ- наго говоришь другъ съ другомъ, что сто- ило бы подслушиванья! Не правда ли?“

Адельбершь не отвѣчалъ ни слова и шолъ, какъ будшо погруженъ въ размы- шленіе.

„Помилуй же, что съ шобою шеперь дѣлаеяся?“ продолжалъ Баронъ: „сначала вспылить, а шеперь стоишь, какъ вкопан- ный? Ну, мой милый, пойдемъ же вмѣстѣ къ шепдому источнику; я не спущу шебя съ глазъ, пока не буду увѣренъ, что шы не надѣлаешь глупостей. Миѣ право, презабав-

но кажешься! я спалъ шебѣ говорить о красномъ кафтанѣ, съ шлемъ, чшобъ шмъ мнѣ пособила избавишь Мальвину отъ навязчивости какого-шо вѣрошно помѣшаннаго; могъ ли же я предсавишь себѣ, чшо шебѣ, давно уже вышедшему изъ студеншскихъ альшъ, вздумается, здѣсь въ Висбаденѣ, играшь удалца?'

При сихъ словахъ схвалилъ Баронъ племянника за руку, и не смотри на всѣ предсавленія послѣдняго, пошацилъ его съ собою. Красный кафтанъ, кошораго, оба, хоня по различнымъ причинамъ, искали глазами, нигдѣ не появлялся.

У Бибериха пригошвлена была крышная лодка, довольно большая для помѣщенія общества, кошорое намѣревалось прокашиться въ ней по Рейну до самаго Эльфельда. Весьма немногіе, боящіеся воды, ошправились шуда въ своихъ экипажахъ, а прочіе усѣлись въ лодкѣ. Прекрасная погода благоприятствовала плаванію; ни одного облачка не появлялось на голубомъ небесномъ сводѣ и легкой вѣтерокъ прохладдалъ воздухъ. Подняли парусъ и лодка запрыгала по скачущимъ, унизанымъ перлами волнамъ, кошорыя, какъ будшо играя, перебрасывали ее другъ другу.

Все общество было расположено къ веселости; пѣніе, смѣхъ, забавныя шутки перелетали изъ устѣ въ уста; шолько Мальвина казалась пасмурнѣе обыкновеннаго, но это случалось нерѣдко съ нею, когда любовалась она отъ души привлекательными видами, какія и здѣсь предсавлялись ей въ изобилии. Она выбрала себѣ мѣсто напередѣ лодки, подлѣ самыхъ гребцовъ, и въ раздумьѣ, не принимая участія въ забавахъ бесѣды, погрузилась въ разсмашриваніе природы. Подлѣ нея удалось завладѣшь мѣстечкомъ Барону, и какъ вблизи не было опасныхъ прислужниковъ, шо онъ ошважился начашъ исполненіе своего плана. Сперва признался онъ ей въ своемъ несправедливомъ подозрѣніи на счетъ ея жестокосердія и съ раскашніемъ просилъ прощенія, намекинувъ, какимъ образомъ свѣдалъ онъ послѣ объ ся скромномъ, чуждомъ шщеславіи благодѣяніи.

Мальвина покрасивла и показала въ шемъ еще прекраснѣе въ глазахъ ея друга. Чшобъ переменить разговоръ, она обрашила его вниманіе на маленькую лодочку, весьма схожую съ байдаркою дикихъ: въ ней сидѣлъ одинъ шолько человекъ и управляя весломъ, держался очень близко къ большой лодкѣ, на кошорой вхало все веселое общество. Баронъ взглянулъ сперва очень бѣгло, но

потомя невольный препенъ пробвжалъ по членамъ его, когда онъ, не смолря на соломенную съ динными полями шляпу и на синій плащъ одинокаго гребца, узналъ въ немъ Англійскаго офицера, который весьма искусно правилъ лодкою близъ того края, гдѣ сидѣла Мальвина и не спускалъ съ нея глазъ. Забояливо посмошрѣвъ Баронъ на своего племянника, но сей стоялъ покойно на самомъ носу лодки, и погруженный въ думу, казалось вовсе не видалъ и не слышалъ, что вокругъ него происходило. Успокоясь, Баронъ повернулся снова къ Мальвинѣ и посмошрѣвъ на нее поцриспальнѣе, замѣнилъ, что она вовсе не узнала своего преслѣдователя въ его измѣненной одеждѣ. Онъ вознамѣрился, шопчасъ по привалѣ къ берегу, предупредитъ Адельберша, чшобъ онъ не вздумалъ запьянъ какой-нибудь есоры, могущей разстроитъ все пиршество веселыхъ друзей, а между шѣмъ спарался онъ возобновитъ прерванный разговоръ съ Мальвиною.

Съ юношескихъ лѣтъ любилъ Баронъ веселую жизнь, но врожденное благоправіе предохранило его отъ низкаго распустиства, и онъ совсѣмъ не принадлежалъ къ числу шѣхъ молодыхъ шариковъ, кошорые, чупъ достигнувъ зрѣлаго возраста, должны уже

каятся въ грѣхахъ своей молодоси. Рука времени, кошорая никого не щадишь, на немъ доселѣ почти не оставила слѣдовъ разрушенія: станъ его не былъ согбенъ, раповременный снѣгъ не покрывалъ густыхъ темныхъ волосъ его, благородное, прекрасное лице конечно уже не предспавляло ничего юношескаго, но на немъ и не отражалось послѣдствій какой нибудь, разрушительной шраспи, ни одна морщина не напечатлѣлась на немъ преждевременно.

Въ смущеніи, кошорое очень къ нему приспало, началъ онъ, шихонько нашеншывая, признаваться Мальвинѣ, что изъ всѣхъ женщинъ, какихъ видалъ въ свѣшѣ, она произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на его сердце. Не объясняя прямо, какого рода это впечатлѣніе, онъ весьма немного оставалъ на догадку. При шомъ умѣлъ онъ избѣжавъ смѣшнаго вида шарыхъ влюбчивыхъ волокишь: каждое слово его ялось изъ самаго чистаго источника, врожденнаго простодушія и нелицемѣрной преданности, такъ что Мальвина не могла слушать его безъ искреннаго учасія. Хотя она, сколь возможно скромнѣе и мягче, шаралась вразумитъ его, что не можешь сошвѣтешествовать его желанію; но при всемъ шомъ благосклонный видъ, внимательность ея, пока-

зывали ясно, что предложение ни мало не огорчило и не оскорбило ее, и Баронь, видя на первый раз неудачу, еще не отчаялась в успехъ.

Особенно этого не могъ Баронь не счесть для себя благоприятнымъ, что Мальвина, всегда рѣзвая и даже своенравная, въ эшт минушы, какъ будто вовсе измѣнилась въ характеръ. Прежде, бывало, ей ничего не стоило прервать навязчивый или скучный для нея разговоръ, какою нибудь замысловатою шушкою; но шущь, съ истинно дѣвственною робостію, которая придавала ей новую прелесть, спаралась она шолько дать разговору другое направленіе. Въ эшомъ минутрени, вынула она небольшой красивый альбомъ, который всегда носила съ собою, и взяла изъ него листочекъ, чшобы, какъ перѣдко дѣлала, когда представлялся случай, немногими рѣзкими чертами опытной руки набросать очеркъ прекраснаго древняго замка при Эльфельдъ, бывшаго уже въ виду и представившагося въ эшу минушу въ наилучшемъ свѣтѣ для рисовки. Лишь шолько открыла она альбомъ, какъ бросился Барону въ глаза портретъ, на который, казалось, взглянулъ онъ съ большимъ любопытствомъ. Радуясь, что можешь чѣмъ нибудь ошвлечь его ошъ прежнихъ объясненій, уже

начинавшихъ становиться ей въ шягоспѣ; она открыла книжку и показала ему вдѣланный въ коробочку альбома прекрасный портретъ ошца ея, рисованный въ Парижѣ, на эмали, однимъ изъ лучшихъ шамошнихъ мастеровъ.

„Въ эшомъ необыкновенно схожемъ портретѣ“ — сказала Мальвина: „заключается все, что мнѣ осталось ошъ башюшки. Я берегу его, какъ самое неоцѣненное сокровище, и не знаю даже, была ли бы въ состояніи перенести когда нибудь его потерю.“ Въ эшо самое время, она брала альбомъ назадъ изъ рукъ Барона.

„Мальвина! Мальвина!“ закричала вдругъ пронзительнымъ голосомъ г-жа Шейфельсъ, сидѣвшая у самой кормы: „Обернитесь, ради Бога! Посмотрите, какое несчастье! швоя прекрасная, новая шаль купается однимъ концемъ въ Рейнъ!“

Лишь шолько раздался эшотъ внезапный крикъ, Мальвина задрожала ошъ испуга, вдругъ обернулась къ водѣ, и въ шо самое мгновеніе альбомъ выпалъ изъ рукъ ея и поплылъ, развернутый, по волнамъ Рейна.

Съ громкимъ ошчаяннымъ крикомъ, вскочила Мальвина и высунулась далеко за бортъ, чшобы схватить драгоценный портретъ; въ шопъ же мигъ Адельбертъ вы-

рвалъ весло у одного изъ гребцовъ, бросая на борть и хопяль подхватишь книжку, прежде нежели погрузишься она пияжестію порпиреша; но симъ двойнымъ перевесомъ лодка покачнулася на бокъ, Адельбершъ поскользнулся и оборвавшись въ воду, исчезъ предъ глазами всѣхъ вмѣстѣ съ книжкою. Все это было дѣломъ одной минуты.

Раздались дикіе, душу раздирающіе вопли Мальвины. Уже она была на перевѣсъ къ разверзтому влажному гробу, въ кошорый думала погрузишься въ сладъ Адельбершу, но сильная рука гребца удержала ее, не смотря на сопротивленіе. „Адельбершъ!“ кричала она въ испугѣ: „мой Адельбершъ! ошь меня получаешь смерть! О, спасише, спасише его, или пустише меня къ нему!“ Тушь въ безпамятствѣ, подобномъ смерти, упала она на руки Барона, кошорый самъ, ошодобенъ ошь испуга, стоялъ недвижимъ.

(Окончаніе въпредъ).

II.

ДРЕВНОСТИ.

ОТКРЫТІЕ ПРИЗНАКОВЪ ДРЕВНЯЙ КРѢПОСТИ БЛИЗЪ СИМФЕРОПОЛЯ.

Живущій въ Симферополь Сулманъ Кашше-Гирей-Крымъ-Гирей, извѣстия случайно, что въ находящихся близъ шого города ошашкахъ основаній старыхъ укрѣпленій, (изъ коихъ, со времени покоренія Крыма подъ Россійскую Державу, извлекались камни для разныхъ казенныхъ и частныхъ зданій въ Симферополь) найдено было, въ прошломъ Маѣ, нѣсколько камней съ изображеніями и надписями, поспѣшилъ спасти ошь испребленія сіи обломки, признанные имъ за древніе Греческіе, и вмѣстѣ съ шѣмъ увѣдомилъ о находкѣ сей, Директора Одесскаго и Керченскаго Музеевъ древностей, Сшашскаго Совѣтника Бларамберга.

Г. Бларамбергъ получилъ свѣдѣнія сіи передъ самимъ опъездомъ своимъ въ Крымъ. Первымъ попеченіемъ его было, ошосрѣшь въ Симферополь найденные памятники и мѣсто, въ коемъ оные были ошысканы. Съ перваго взгляда, онь удостовѣрился въ справедливости заключенія Крымъ-Гирей и въ

важности сего открытія, и приказавъ при себѣ произвести новыя изысканія въ древнемъ укрѣпленіи, былъ сколько счастливъ, что приобрѣлъ для науки нѣсколько новыхъ памятниковъ, сколько же любопытныхъ, какъ и первые.

Памятники сіи вообще суть слѣдующіе: 1-е, Греческая надпись на камнѣ, во многихъ мѣстахъ изглаженная, на коей начальныя слова „*Царь Скиуръ*“ и далѣе нѣкоторыя литеры еще ясно видны; почему и можно догадочно возстановить опшасши смыслъ надписи. 2-е, надпись на мраморномъ предѣстолѣ слѣдующаго содержания: *Дію* (по еспш, Юнистеру) *Атавирійскому отъ Посидія, сына Посидіева, приношеніе*. 3-е, надпись на мраморѣ, упоминающая о приношеніи, сдѣланномъ шѣмъ же самымъ гражданиномъ Нимфѣ Напѣ Акмиѣ. 4-е, обломокъ верхней части барельефа, на твердомъ камнѣ высѣченнаго, работы изящной, на коемъ видны изображенія въ профиль, спарца съ длинною бородою и молодого человѣка. Длинные ихъ волосы распущены по плечамъ, а на головахъ имѣють они шапки, въ родѣ древнихъ мисръ, сходныхъ съ шѣми, кои на разныхъ Греческихъ вазахъ покрываютъ головы Амазонокъ-Савромашидъ, одѣтыхъ въ анаксириды (родъ Скиѣскаго исподняго

плащя). 5-е, барельефъ, представляющій, какъ кажешся, шого же самого молодого человѣка на конѣ, въ шакой же шапкѣ, одѣтаго въ анаксириду, и имѣющаго на плечахъ родъ хламиды, или корошкаго плаща, подобнаго шому, который, по сказанію Рипшора Діона, носилъ Ольвіополишянинъ *Каллистратъ*. По всемъ симъ признакамъ не возможно не узнать одѣянія Скиѣскаго. 6-е, кусокъ плоскаго кирпича, на коемъ изображено по-Гречески имя одного *астиннома*, сановника, званіе коего въ Греческихъ городахъ сошвшиспвовало нѣкошорымъ образомъ, званію Римскихъ эдильей. Наконецъ 7-е, малый сосудъ, наполненный серебряными монешами Римскихъ Императоровъ; древнѣйшія принадлежатъ царшпвованію Нерона, а позднѣйшія владычешпу Макрина.

Всѣ сіи ошпашки древности найдены въ землѣ, неподалеку одинъ отъ другаго, кромѣ сосуда съ монешами, который ошскапъ около 200 шаговъ далѣе. Укрѣпленіе, въ коемъ всѣ сіи предметы сколько въковъ были скрышы, находишся на высотѣ, въ одной вершѣ отъ Симферополя къ юго-западу. Оно представляешъ родъ равнобедреннаго шреугольника, длиною около 340 сажений. Съ двухъ сторонъ природа укрѣпила цитадель сію крупными, обрывисшыми скалами;

сь прешей, она была защищена стѣною, имѣвшею около 600 шаговъ въ длину, и слѣды коей еще очень замѣшны.

По обозрѣніи сего мѣста, принадлежащаго по всемъ признакамъ, ко временамъ опсаденной древности, и по сличеніи найденныхъ въ немъ памятниковъ съ шаковыми же въ иныхъ мѣстахъ открышми, Г. Бла-рамбергъ выводитъ слѣдующія заключенія:

1-е. Имя *Царя Скилура*, начертанное на камнѣ въ укрѣпленіи найденномъ, засматываетъ полагаешь, что оно принадлежало къ одному изъ прехъ замковъ, построенныхъ, по свидѣтельству Справона, Тавро-Скионскимъ Царемъ Скилуромъ и сыновьями его, и служившихъ имъ сборными мѣстами во время войны ихъ противъ полководцевъ Мерадаша-Эвпатора. Замки сіи назывались *Хавонъ, Палакионъ и Неполисъ*. Г. Бла-рамбергъ не беретъ на себя рѣшишь, кошорое именно изъ прехъ названій принадлежишь описанному мѣсту.

2-е. Надписи на Греческомъ языкѣ свидѣтельствующишь, что мѣсто сіе было обитаемо Греками, подъ владычествомъ Скилура жившими; а приношеніе Посидія Юлиперу Ашавирійскому, показываешь, какъ кажется, что Греческая колонія сія происходила отъ Роданъ; ибо извѣстно, что

Юлиперъ получилъ прозваніе Ашавирійскаго отъ горы Ашавирія, на островѣ Родосъ, на вершинѣ коей находился храмъ сего верховнаго бога язычествва. Что принадлежишь до Нимфъ Напей, то извѣстно, что у Грековъ были посвящены имъ холмы и долины, покрышые лѣсомъ.

3-е. Лице старца, на барельефѣ высѣченное, имѣеть разительное сходство съ шаковымъ же лицомъ, изображеннымъ на одной рѣдкой, немного поврежденной монетѣ, найденной въ развалинахъ Ольвіи: тѣ же самыя чершы въ профилѣ, тѣ же распущенныя волосы, та же длинная борода; подобный головной уборъ, съ шюю только разницею, что на монетѣ замѣшны слѣды *лучеобразнаго* вѣнца поверхъ мишры или скионской шапки. На оборотѣ сей монеты начертано имя *Царя Скилура*. Сблизивши и монету и барельефъ съ надписью, на коей видно имя сего самаго Царя, не возможно почти сомнѣваться, чшобы барельефъ не изображалъ сего знаменитаго Монарха Скионскаго, просиравшаго владычество свое отъ горы Тавриды до береговъ Буга, гдѣ существовала Ольвія, и изъ жизни коего Справонъ и Плумархъ передали намъ нѣкоторыя чершы.

4-е. Опъ неоспоримаго заключенія сего происпекаетъ другое. Нашъ археологъ полагаетъ, что лице молодатаго челоуька на барельефъ, вмѣстѣ съ лицомъ Скилура видное, изображаетъ черты сына его *Палака*, о коемъ упоминаетъ Справонъ, и кошорый, начальствуя войсками отца своего, былъ разбитъ, вмѣстѣ съ братьями, Дюфанпомъ, полководцемъ Миорадаша. По сему заключенію, и всадникъ, на другомъ барельефъ изображенный, долженъ представлять того же самага Палака; ибо хотя черты лица всадника повреждены и мало примѣны, но сходство одежды *естественно* приводитъ къ шаковому заключенію.

5-е. Кромъ вышеупомянутой монеты Скилура, Г. Бларамбергъ приобрѣлъ разновремененно еще два различныя сорша шаковыхъ монетъ, сего же самага Царя, найденныхъ также въ Ольвii, и хранящихся нынѣ въ Одесскомъ Музеѣ. На одной, уже изданной, видно изображеніе Меркурія, а на оборотѣ имя *Царя Скилура* и жезлъ или *кадуцей* (эмблема, кошорая также находится на иькошорыхъ другихъ монетахъ Ольвii, и относитъ къ торговлѣ сего города). На второй, коей извѣстны два вземплія, видно лице женщины. Черты лица сего отнюдь не представляють того идеальнаго

характера, коимъ древніе обыкновенно отличали изображенія различныхъ богинь на монетахъ. На оборотѣ видна пароконная крытая колесница, о чепырехъ тяжелыхъ колесахъ, довольно сходная съ упошребляемыми донынѣ въ Крыму *маджарами*, кои часто вспрѣчаются шамъ наполненныя женщинами. Вокругъ начертано имя *Царя Скилура*, а на одной изъ сихъ двухъ монетъ видно также имя города *Ольви*. Всѣ сіи обстоятельствова заспавляютъ полагать, что лице на сей монетѣ не изображаетъ какую-либо богиню древности, но върояшье Царицу, супругу Скилура.

И такъ, по заключенію и весьма правдоподобнымъ догадкамъ Г. Бларамберга, мы ознакомимся съ чертами лица не только Царя Скилура, но и Царицы супруги его, и сына его Палака: пополненіе важное для древней иконографii.

Наконецъ, 6-е. Найденныя Римскія монеты свидѣтельствуютъ иькошорымъ образомъ, о пребыванii въ семь мѣствъ Римлянъ. Должно ли считатьъ оныя сокрытымъ кладомъ какого-либо Римскаго воина, кошорый находился въ сей крѣпости около первой четверти шрешьяго столѣтія? Рѣшимъ сіе шрудно. Что касается до позднѣйшихъ времени, то Прокопій упоминаетъ объ испра-

вленіи Императоромъ Гуспиніаномъ, около половины 6-го вѣка, укрѣпленій Паншикапей, (именовавшейся тогда Восфоромъ) и Херсониса; равно о постройкѣ сямъ же Императоромъ, на южномъ берегу Тавриды, крѣпости *Алусты* и *Горсувиты* (нынѣ Алуща и Юсуфъ). Хотя Прокопій ничего не присовокупляетъ къ сему на счѣтъ вышеописанной цитадели; но по мнѣнію Г. Бларамберга, можно догадываться, что Гуспиніанъ, укрѣпивши южный берегъ Тавриды, вѣроятно не оставилъ безъ вниманія, и снабдилъ гарнизономъ и цитадель сію, коей положеніе довольно было важно для предположенной имъ цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы обуздать дерзость варварскихъ народовъ, нападавшихъ тогда на земли Имперіи Римской.

По окончаніи полезныхъ для науки изслѣдованій въ Симферополь, Г. Бларамбергъ объѣхалъ часть береговъ Керченскаго полуострова, дабы мѣстными изысканіями опредѣлить положеніе разныхъ Греческихъ поселеній, на Европейской сторонѣ древняго Восфора Киммерійскаго существовавшихъ. Мы надѣемся вскорѣ сообщить читателямъ извѣстіе о важныхъ для древней Географіи замѣчаніяхъ и открытіяхъ, имъ въ сей части Крыма сдѣланныхъ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

I.

ПРЕБЫВАНІЕ Французской Арміи въ Смоленскѣ, на возвратномъ пути изъ Москвы въ 1812 году (*).

Смоленскъ, 30 Октября 1812.

Многіе изъ начальниковъ пріѣзжаютъ изъ Москвы и рассказываютъ, что непріятель умѣлъ задержать шажъ нашихъ, умышленными переговорами, и въ это время успѣлъ соединить свои войска и сдѣлать нужные переходы. Народъ Русскій возсталъ ноголовно, и война сдѣлалась народною. Сражались при Мало-Ярославцѣ. Я не знаю ни цѣли, ни слѣдствія этого дѣла; но извѣстно, что пошомъ наша армія обратилась къ Можайску и пошла по прежней дорогѣ. Если не нашли средства взять для арміи провіаншу и фуража, покрайней мѣрѣ недѣли на двѣ, то я не думаю, чтобы она могла до-

(*) Переведено изъ книги: *Lettres sur la guerre de Russie en 1812: etc.* Par. L. V. de Puibusque. Paris 1817, seconde édition.

сстигнувъ Смоленска, не сдѣлавши весьма большихъ пошеръ: прилежащія частни этой дороги до того опустошены, что полкъ, проходящій по ней шеръ, не можешь тамъ прокормишься, хоня и даюшь обыкновенно провіаншу на чешыре для вѣсьмъ корпусамъ, слѣдующимъ изъ Смоленска по сему направлению; шакъ, что шрудно было бы избрать путь убійственнѣе этого.

Аршиллерію считаюшь пошеряною; она должна будешь по необходимости оставишь на дорогѣ большую частнь своихъ лошадей; ибо шолны козаковъ, слѣдующихъ за нашею арміею, вѣроятно, недопускашь ее добывать фуража. Селенія, лежащія не далѣе двухъ миль отъ дороги, выжжены или оставлены жишелами: чшобы найши какіе нибудь припасы, надлежало бы отдалаешься отъ дороги миль на три и на чешыре, а это значило бы идиши въ руки непріателя.

Здѣсь шрудашся день и ночь надъ пригошвлениемъ хлѣба; миѣ хоченся загошвлити съшснаго побольше, ко времени прибышя нашихъ, несчастныхъ соотечественниковъ. Я понуждаю безпресшанно занимающихся эшимъ дѣломъ, чшобы поспѣише работали. Многіе изъ подчиненныхъ уже убѣжали; да и прочихъ удерживаемъ шолько шшыками. Я велѣлъ было пригнать весьма

большое количество скоша къ здѣшнему мѣшшу; но его надлежало поставишь въ другой городъ (*): непріательскіе партизаны и шо угнали уже у насъ много скоша. Ошряды, содержащіе въ окрестныхъ селеніяхъ караулы, припуждены были убраться въ Смоленскъ. Обозовъ болѣе не подходишь; два обоза наши, состоящіе почти изъ двухъ сотъ пятидесяти лошадей и шешидесяти пяти нагруженныхъ шельгъ, взяты непріателемъ.

Холодъ весьма чувствителенъ и увеличивается ежедневно. Это одна изъ главныхъ губительныхъ для насъ причинъ; но сколь она ни извѣстна, а кажешся, не была предумошрѣна. Русскіе Генералы приказали

(*) Красной, отстоящій не далѣе двѣнадцати миль отъ Смоленска. Во время прибышя арміи изъ Москвы въ Смоленскъ, въ Красношѣ находилось до восьми сотъ быковъ. Когда же вздумали приказати пригнать ихъ опять въ Смоленскъ, тогда непріательскіе партизаны уже того не допускали, шакъ, что шолько не большое количество могло пройши къ намъ; да и эшошъ остатокъ скоша не попалъ въ городъ, а былъ расхваченъ войсками, споявшимися на бивуакахъ виѣ города. Если войска, бывшіе въ городъ, лишились сего драгоценнаго пособія, шо вину сего надобно приписати единшвенно дурнымъ ображеніямъ главнаго начальника.

(Прим. Издателя 2 изданія).

раздашь шубы своимъ солдатамъ, кои сверхъ того привыкли съ малолѣтства къ холоду. Наши же солдаты почти голые; они жгутъ дома, чшобы грѣться: мало ночей проходишь, чшобы у насъ не было пожара. Для сбереженія припасовъ отъ огня, я приказалъ всѣ ихъ убрать въ каменные дома; а эту перепоску не лзя назвать небольшимъ предпріятіемъ въ ненаселенномъ городѣ.

Посреди опасностей, окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ, я рѣшился спокойно и безропотно ожидать будущей грозы; теперь сердце мое только и чувствуетъ одно глубокое негодованіе къ виновнику нашихъ бѣдствій.

—————

Смоленскъ, 7 Ноября 1812.

Сюда привезено съ нарочнымъ повелѣніемъ, чшобы послать хлѣба, пшена, сухарей, водки и проч., на встрѣчу арміи, имѣющей во всемъ недоспашокъ. Два значительныхъ обоза уже отправлены; а сколько еще наберу повозокъ, сполько и еще пошлю: я почту себя весьма счастливымъ, если успѣю спасти сколько нибудь жернивъ ужасовъ и голода. Въ Смоленскъ, какъ укрѣпленный городъ, набралось множество мародеровъ и бродягъ, чшобы избѣжать преслѣдованія не-

пріятельскихъ развѣздовъ: въ самое это время, какъ пошребленіе съѣснаго столь значительно увеличилось, я узнаю, что Русскіе взяли Климовичи (Clementina), гдѣ были у насъ магазины, столь же изобильные, какъ и Смоленскіе. Вошь пошера большцхъ запасовъ, и непріятель, всѣмъ изобильный, на десяшь миль отъ насъ. Этошь пунктъ надлежало прикрывать корпусу Гелерала Бараетъ-д'Иллера. Но сіе распоряженіе было выполнено весьма поздно и съ малочисленными войсками; Русскіе же напали съ большими силами и прежде, чѣмъ оный Генералъ успѣлъ соединить свои войска и обознать мѣстность.

Кажется, будто остатки арміи пошерили вовсе нравственность; въ ней вору ютъ безнаказанно: на бивуакахъ пашкающъ у сонныхъ изъ подъ головъ ихъ имѣніе; у кавалеристовъ опрѣзываютъ съ лошадей чемоданы, во время марша.

Солдаты ушолыошь свой голодь лошадинымъ мясомъ; и для сего убиваютъ лошадей, даже подъ своими офицерами.

Я опасуюсь большихъ затрудненій въ распредѣленіи и раздачѣ каждому его часши, слѣдующей изъ запасовъ, сбереженныхъ въ Смоленскъ; мародеры и грабители, присоединившіеся къ намъ, пышающае каждую

ночь ворваться въ магазины. Эти непокорные солдаты весьма насъ озабочиваютъ, а сами не могутъ служить къ нашей зашитѣ; они давно побросали свои ружья. Все заставляешь отослать ихъ немедленно назадъ; но я не знаю, какъ ихъ къ тому принудишь, если они будутъ упорствовать, чтобы остаться въ городъ. Мы ожидаемъ, къ 8-му, остатковъ арміи. Прибывшіе сюда напередъ, увѣряютъ, что лошади въ конницы и артиллеріи мрутъ тысячами; холодъ, голодъ, ярость рядовыхъ солдатъ, потерявшихъ всякую подчиненность, непріятельское желѣзо, беспорядокъ, уныніе, чинаемое на всѣхъ лицахъ: вошь разрушительная начала, находящаяся посреди и около насъ.

Сосѣдній съ моимъ домъ загорѣлся: спѣшу постараться сохранить нашъ.

Смоленскъ, 10 Ноября 1812.

Вчера прибылъ Наполеонъ съ своею гвардіею; онъ взшелъ пѣшкомъ отъ Московскихъ воротъ на гору, гдѣ пригословлена ему квартира. Ледъ столь крѣпокъ, на взходъ въ городъ, что весьма трудно подниматься туда съ повозками. Нѣтъ ни желѣза, ни угольевъ, ни кузнецовъ, чтобы подковать лошадей

навростро (*): эти живонныя сподъ ослабѣли, что конторы изъ нихъ упадутъ, шб не имѣютъ уже силы опять подняться. Солдаты, прибывшіе изъ Москвы, закушаны въ мужскихъ и женскихъ шубахъ и покрыты шерстяными или шелковыми матеріями всякихъ цвѣтовъ; голова и ноги обернуты лохмотьями, лице длинное и зачерненное бивуачнымъ дымомъ, глаза красные и блуждающіе: въ этомъ видѣ они похожи на невольниковъ, вырвавшихся изъ племеницы. Тѣ изъ воиновъ, кои упадутъ отъ холода, отъ голода, или отъ усталости, умираютъ на мѣстѣ; но это не прогаешь ихъ сошварницей: они проходятъ мимо, не подавая имъ ни малѣйшей помощи. Бѣдствія, недоспашки, непрерывный видъ разрушенія, скали у всѣхъ сердца; солдатъ смонришь, не про-

(*) Недоспашокъ шпировъ у лошадиныхъ подковъ, также принадлежатъ къ причинамъ нашихъ бѣдствій. Смѣялись и называли мѣлочными предосторожностію нѣкоторыхъ иностранцевъ, изобрѣвшихъ шпы, кои всадникъ самъ могъ приспавлять къ подковамъ своей лошади всегда, когда захочешь: но если бы наши всадники имѣли оныя, то мы не были бы безъ конницы и артиллеріи въ пагубномъ дѣлѣ подъ Краснымъ, гдѣ Русскія пушки громили всѣ корпусы нашей арміи, а они не могли имъ отвѣчать шпмъ же.

гаясь, на своего соповарища, на друга, испускающего послѣдній вздохъ: одно разсужденіе, шакъ сказашъ, какъ бы приказъ арміи, заключаешся въ сихъ, немногихъ словахъ: *онъ весьма счастливъ — онъ не страдаетъ болѣе.*

Вчера два гренадера, близкіе родственники, служащіе въ одномъ корпусѣ, взошли вмѣстѣ въ Смоленскъ; въ радости они поздравляли другъ друга съ избѣжаніемъ опасностей, съ коими встрѣчались въ продолженіи всей этой войны: вдругъ одинъ изъ нихъ, взобравшись уже до половины показавшейся горы, ведущей къ сборному мѣсту, уступая своей слабости, легъ на ледъ, увы! чшобъ не вставашъ болѣе. Однако же, онъ сохранилъ еще сколько силъ, что могъ кликнувъ своего родственника, опередившаго его нѣсколькими шагами: „на, сказашъ онъ ему, возми мои часы и шубу; это можешъ тебѣ пригодиться, а для меня уже все кончилось. Если ты успѣешъ найши хлѣба и подкрѣпишся въ силахъ, то я прошу тебя только о томъ, чшобы ты пришелъ опять сюда и, взявши меня съ этой улицы, зарылъ въ землю. Прощай!“ — По окончаніи сихъ словъ, онъ прожилъ не болѣе пяти минутъ. Его товарищъ, принявши холодно эти печальные подарки, сказалъ

отходя прочь: *онъ счастливѣе меня.* Нѣкоторые изъ окружающихъ отвѣчали ему: *скоро это будетъ и нашею участію.* Каждый, по своимъ словамъ, различивавъ количество дней, оспающихся ему еще прожить, если не получишь онъ немедленно пищи и покоя. Я передаю тебѣ сіи подробности для того только, чшобы ты могъ судить о нравственномъ состояніи нашей арміи.

Чшобы сохраняшь магазины отъ разграбленія, рѣшилисъ поставишь армію въ городскихъ валахъ. По близости этого мѣста находились конюшни военныхъ обозовъ. Два Начальника сихъ обозовъ прислали мнѣ донесеніе, что въ эту же самую ночь солдаты взяли у нихъ и убили для пищи двѣнадцати пятнадцати лошадей. Человѣкъ, несущій хлѣбъ или другое съѣстное, бываешъ не въ безопасности; или онъ уступишь свою ношу, или будешъ убитъ.

Мнѣ теперь вовсе нѣтъ покоя. Со времени прибытія Наполеона, на меня возложена должностъ сдѣлать раздачу припасовъ по армейскимъ корпусамъ. Сомнѣваюсь, чшобы я могъ избѣжашъ участи быть убитымъ голодными несчастливцами, кои прислунаютъ ко мнѣ безпрестанно, чшобы доснашь кусокъ хлѣба; они получаютъ, не сердясь, полчковъ по двадцати. Офицеры выломали

у меня окно и влезли въ него насильно; они узнали однако же, что Наполеонъ распредѣлялъ все находящееся въ магазинахъ, и что въ этомъ распредѣленіи и ихъ доля должна находиться. Но хотя я и не власень уже былъ въ назначеніи съѣстныхъ припасовъ, не смотря на то, офицеры присступали ко мнѣ, одни съ крикомъ, другіе съ просьбою: мнѣ не возможно было имъ противиться. На всякій случай, я прекратилъ этотъ споръ шѣмъ, что подписалъ имъ все, что они хотѣли; тогда они удалились отъ меня пою же дорогою, какъ и вошли, поблагодаря за оказанное имъ челоѡколюбіе, за конопое, можете быть современемъ, меня разспрѣляютъ.

Ушадость удручаетъ всѣхъ чиновниковъ въ Смоленскѣ: многіе уехали безъ позволенія; одни не повинуются, другіе повинуются, да худо.

Раздѣлъ съѣстнаго сдѣланъ совершенно въ пользу гвардіи; не соблюдали въ этомъ отношеніи никакой соразмѣрности, какъ будто бы осальная часть арміи, столь часто сражавшаяся, была недостойна жизни. Сомнительно, чтобы Императорская гвардія могла унести все то, что ей назначено, тогда, какъ прочія войска будутъ имѣть недостатокъ: но, короче, хотяшъ

кончить такъ, какъ начали. Можно бы было раздавать небольшими долями каждому армейскому корпусу, и послѣ зачинашъ, отъ чего всѣ избавились бы отъ голода; но поелнку приказали сдѣлать раздачу гвардіи вдругъ на двѣ недѣли, то 4 и 1 корпуса успѣли получить себѣ хлѣбъ не прежде, какъ чрезъ двои сушики.

Теперь около полуночи: какъ ни голоденъ, а надобно уснуть. Я воспользовался только нѣсколькими минутами, чтобы увѣдомить себя о нашихъ бѣдствіяхъ прошедшихъ и пригошовить къ извѣстію о будущихъ.

Остатокъ ночи мнѣ необходимо, чтобы придти въ состояніе сдѣлать счетъ и пригошовиться къ исполненію завѣщанныхъ приказаній.

Наполеонъ приказалъ взять у меня сей часъ мѣшокъ зерноваго хлѣба, коимъ онъ хочетъ сдѣлать предъ собою, въ сію же ночь опытъ надъ ручными мѣльницами, присланными къ намъ изъ Парижа. Я знаю, что онъ скоро мѣлюшъ, но зеренъ однако же не дѣлаюшъ.

Смоленскъ, 12 Ноября 1812.

За нѣсколько дней до выхода изъ Москвы, издавъ дневный приказъ, конечно не имѣющій подобнаго себѣ въ льбописяхъ человѣчества: каждый корпусный начальникъ долженъ былъ сослать въ домосеть, означивъ въ ней: число раненыхъ, кои могутъ выздороветь,

1-е въ восемь дней,

2-е въ пятнадцать дней,

3-е въ мѣсяцъ;

4-е число людей, кои должны умереть въ теченіе пятнадцати дней;

5-е число людей, раненыхъ или больныххъ, кои должны умереть въ теченіе восьми дней.

Наконецъ, число людей, кои находясь въ состояніи нести оружіе и сражаться.

Приказано беречь и перевозить только тѣхъ, кои показаны въ первомъ отдѣленіи, остальные должны быть оставлены.

Вотъ тебѣ поле для размысленія. Въ тридцать три дня, проведенные въ Москвѣ, не нашли времени подумать о мужественныхъ несчастливцахъ; а вздумали о нихъ тогда только, когда не могли уже другаго сдѣлать, какъ покинуть ихъ на произволъ козаковъ и крестьянъ Русскихъ.

Смоленскъ намѣрены оставить. Дѣлаюте пригошвенія, чтобы взорвать укрѣпленія. Въ то же время хотяше истребить большую часть артиллерійскихъ снарядовъ, кои должно здѣсь бросить по недоспашку лошадей. Жгутъ излишнія повозки, ящики и множество разныхъ не очень нужныхъ вещей: съ собою берутъ только съѣстное. Оставляюте пять тысячъ больныхъ или раненыхъ: главный распорядитель не назначилъ имъ даже доль при раздѣль съѣснаго, кошорый онъ такъ неравно произвелъ между всеми оспашками своей арміи; такъ что съ шрудомъ только могли выпросить у него нѣсколько мышковъ муки для эшихъ больныххъ. Врачи и чиновники, назначенные имѣть попеченіе о нихъ по обычій арміи, уже скрылись, отъ спрахъ, весьма основательнаго, сдѣлашся пльниками, или бышъ ограбленными или убишыми (*).

Въ прежнихъ войнахъ, сносились въ подобномъ случаѣ съ непріателемъ: право на-

(*) Врачи служили весьма хорошо въ эту войну; но какъ не сомнѣвались, чтобы наши больные не были перебиты козаками, то и назначили въ самомъ дѣль только для формы врачей и чиновниковъ, коимъ надлежало оспашься въ Смоленскѣ послѣ нашего выхода.

родное и право человечества обезпечивали участь раненыхъ, коихъ принуждены были предоставить власти неприятеля, и никто не боялся ошашься съ ними; врачи и чиновники принимались съ уваженіемъ и были опсылаемы обратно въ ихъ ошечество, когда миновалась надобность въ ихъ услугахъ. Но шеперешія война приняла такой свирѣбный видъ, что невозможно предсавить себя, гдѣ остановится справедливое мщеніе неприятеля, коего ярость была возбуждаема хищеніемъ и истребленіемъ напросранствѣ сша миль слишкомъ. По выходѣ изъ Москвы, гдѣ взорвали на воздухъ Кремль и зажгли всѣ, кои могли, публичныя зданія, нащъ обратный походъ освѣщался пламенемъ.

Въ ночь, въ которую оставили пребываніе въ окрестностяхъ Можайска, все горѣло на шесть миль въ окружности; земля и небо казались огненными: и это адское зрѣлище каждую ночь возобновлялось. Русскіе, говоритъ одинъ бюллетень, *отступая, жгли свои города и селенія: мы захотѣли услужить имъ въ этомъ ихъ желаніи.* Но положеніе Русскихъ, къ коимъ мы вторгнулись насильно, и права ихъ, какъ хозяевъ, разполагашъ своими жилищами и своею собственностію, были весьма различны ошъ

нашихъ. Прежде предпріяшя сего, сколько злобнаго, сшоль и бесполезнаго возмездія, развъ не знали, что были принуждены ошавить неприятелю пятьдесять тысячъ несчастныхъ, Французовъ и союзниковъ, находящихся въ больницахъ или на дорогѣ? Поелику, начальники неприятельской арміи не хотѣли уже имѣть сношенія съ нашими; шо не было ли это сильнымъ побужденіемъ убѣганъ всего, могущаго привлечь на нашихъ раненыхъ и пльныхъ ярость народа, съ коимъ обращающъ по варварски и кошорый конечно этого не заслуживаетъ?

Опасности увеличиваются. Вчера, я избѣжалъ въ четвертый разъ, въ шеченіи пяти дней, опасности быть убитымъ. Италіанскіе и Нѣмецкіе офицеры, началъшвовавшіе въ караулъ при водочномъ магазинѣ, выломали двери къ водкѣ и напились оной со многими изъ своихъ сошоварищей; пльсившо произвело ссору, ошъ кошорой они дошли до драки: ихъ солданы, воспользовавшисъ сумашохою, также перенились. Тощчасъ, какъ скоро мнѣ донесли объ этомъ грабежѣ, я бросился шуда, но не иначе однакоже до нихъ добрался, какъ съ новымъ карауломъ (*):

(*) Генераль-Провіаншмейстеръ (Gordonnateur en chef) Жубершъ, изъ 4 корпуса арміи, прибылъ

буяны не узнавали никого и обращали свое оружіе противъ насъ. Надобно было оружіе у нихъ опшиять и ихъ развесити; напоследокъ успѣли-таки ихъ прогнать. Кромѣ того, что эшошь безпорядокъ прекращень не безъ кровопролитія, пьяные сіи люди повалились спать около магазина и въ шеченіе ночи всѣ замерзли.

Эши ужасы и другія еще печальнѣя явленія возобновляются около насъ опшсюду: одни люди грабятъ и воруютъ безнаказанно; другіе, истощенные голодомъ, сѣдають въ одинъ день сѣвсшой запасъ, данный имъ на недѣлю и пошомъ, если не погибають опъ неваренія въ желудкѣ пищи, шо такъ расхварываются опъ эшой неумѣренности, шо бываютъ не въ состояніи двигаться.

Розданная водка, которая могла бы бытъ весьма полезною въ продолженіи опшшупленія, если бы употребляема была по немногу, сѣдалась весьма гибельною многимъ, употребившимъ ее излишне.

Нѣтъ ни порядка, ни благоразумія, ни расчелпавности; большая часть эшого мно-

накже къ водочному магазину, находящемуся на площади въ крѣпости, бросился въ средину мятежниковъ и, поражая ихъ саблею, много способствовалъ прекращенію грабежа.

жества людей послушаетъ ежедневно такъ, какъ бы настоящій день былъ уже послѣднимъ днемъ ихъ жизни. Всякія безчинства, всякія бѣдствія обрушились вдругъ на опшшашки великой арміи. Эши солдаты, бывшіе некогда споль мужественными, споль покорными, кажутся какъ будшо помѣшанными въ умѣ и бѣгущими на вспрѣчу своей гибели. Пожалѣемъ о сихъ несчастныхъ, приведенныхъ въ опшчаяніе бѣдствіями, недоспашками и трудами несслыханными; они считають себя пропавшими: всѣ умные люди предвидѣли эшо послѣдствіе; и горе тому, кто не умѣлъ предузнашь уроковъ поздней опытности!

Наполеонъ скоро опшправился опшсюда съ своею пѣшею гвардіею; а конницы уже итъшь и я не знаю, кого опъ будеть посылать въ разъѣзды на своемъ походѣ. Немногія лошади, опшшачающіяся въ артиллеріи, не проживуть болѣе шести дней; а чтобы достигнуть Вильны, надобно идти слишкомъ двѣнадцать дней.

Здѣсь, собрали всѣ сани, какія только могли найши: у меня были давно припасены для себя двои; но шеперь ихъ взяли, сказавъ, что нужны для Наполеона. Такимъ образомъ, я, больной и едва могущій спольшь, долженъ буду ѣхать верхомъ. Съ боль-

шими просьбами и заплаши вдесятеро прошивъ обыкновенной цѣны, я добился, что мнѣ подковали одну лошадь навостро для льда. Я принужденъ оставишь здѣсь мою повозку и имѣиѣ.

Мнѣ говорили о вознагражденіи за мои заслуги; но я счелъ бы лучшею себѣ наградою могилу: она освободила бы меня отъ весьма тяжелаго бремени, которое давишь меня уже съ три мѣсяца.

Произведеннаго моими стараніями кажешя достаточною было для того, чтобы 9 сего мѣсяца, въ день прибытія арміи, считаешь данное мнѣ порученіе выполненнымъ; такъ, что можно бы было избавишь меня отъ новаго яши суночнаго занятія безъ ошдыха и сопровождаемаго всякаго рода опасностями, изъ коихъ малѣйшая была ша, что я уходилъ съ мѣста послѣдній.

Если я прудился для Французовъ, для моихъ соотечественниковъ, то въ то же время я дѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, для сбереженія здѣшнихъ жителей; такъ, что моя совѣсть подаешь мнѣ мужество къ перенесенію моего жребія, каковъ бы онъ ни былъ. Почему я не одинъ, коего существованіе было бы сподъ сомнѣштельно!

Смоленскъ, 15 Ноября 1812.

Наконецъ, я получилъ вчера замедлившейся приказъ объ ошступленіи; при четверши пѣхъ, коимъ я въ свою очередь долженъ бы былъ сообщишь сей приказъ, уже скрылись, недожидаясь его. Я окончилъ скоро эту послѣднюю работу; и собравшись, оставилъ мое жилище, въ кошорое уже нѣсколько часовъ прилезають неприяшельскія ядра. Въ нынѣшнюю ночь, вида огни наши и неприяшельскіе, я не могъ не вздумашъ о перемишѣ, произшедшей въ нашемъ положеніи, считаая отъ 17 прошедшаго Августа до сихъ поръ, въ эшомъ самомъ городѣ, кошорого разрушеніе завтра довершился; въ то время надобно было посмотришь на многочисленныя бивуаки прекрасной и мужественной нашей арміи: съ шѣхъ поръ, хотя мы не потеряли рѣшительню ни одного сраженія и однако же въ эши три мѣсяца пропало у насъ до прехъ четвершей силъ, находившихся въ нашей арміи въ то время; да и то, что шеперь есть, не будешь имѣишь ни пушекъ, ни конницы на возвратномъ своемъ пуши; да и правешвенное состояніе сихъ людей ослабѣло не менѣе физическаго. Другую, весьма чувствительную перемишу представляешь темература: на мѣшю

ударяющаго жара, шеперь у насъ холодъ въ двадцать пять градусовъ. Въ сію минушу, какъ я пишу къ тебѣ, городъ горитъ во многихъ мѣстахъ. Слыша шумъ и онасясь, чшобъ не захватилъ огонь меня соннаго, я оставилъ доску, служившую мнѣ изголовьемъ и пробѣжалъ нѣсколько улицъ съ моими сотоварищами въ бѣдствіи. Какое печальное зрѣлище представилъ намъ видъ этихъ бѣдныхъ солдатъ, бродящихъ около бивуачныхъ огней посреди ночи: ихъ сухощавыя лица, медленное движеніе, унылый взоръ, блескъ пламени, по временамъ ихъ освѣщавшій, лохмотья, коими они прикрыты, все это показывало ихъ какими-то привидѣніями. Но вошь, что еще болѣе расперзало намъ сердце: поблизости сего мѣста, мы увидѣли многихъ солдатокъ, коимъ не могли воспреняисповашъ слѣдовавъ за армією; онѣ лежали на соломѣ съ маленькими дѣтьми и старались ихъ согрѣвать, но коихъ онѣ не спасушь однако же онѣ преждевременной смерти. Въ это время, когда душа была распрогана видѣніемъ нами, а воображеніе предсавляло ожидающія насъ опасностіи и бѣдствія, повѣришь ли мнѣ, что бы мы думали о Парижѣ? Да, любезный другъ, мы видѣли отсюда членовъ Блюшпфельдаго Сената, кои по волѣ Наполеона

приказали набрать это цвѣтущее Французское юношество, которое пришло столь издалече, удобрить собою поля Россіи, мы видѣли Парижанъ, кушающихъ или ошдыхающихъ при сладосшныхъ звукахъ оперныхъ Сиренъ; будучи счастливы мыслію о благоденствіи и славѣ Французскаго народа, они получаютъ онѣ своей совѣсти въ награду тихій сонъ; Сенатское опредѣленіе офинансахъ и конскрипціи обнадеживаютъ ихъ золотыми днями!...

Вчера, во весь день, корпусъ Императорской гвардіи, которому назначено идти по дорогѣ къ Красному, выходилъ въ Виленскія ворота: въ нихъ шакъ сильно пѣснились, что Наполеонъ, какъ говорятъ, едва память не задохся; я не видѣлъ никогда подобной давки, даже въ Парижѣ. Солдаты содѣлали эти минушы весьма непріятными своему повелителю, заспави его выслушавъ все роды упрековъ и проклятій, не опнося только ихъ къ нему прямо; умѣреннѣйшіе изъ нихъ довольствовались пою извѣстельною прошею, которая столь знакома Французскому солдату; развлеченный видъ и прищворная задумчивость послужили Наполеону извлечь себя пристойно изъ этого дурнаго положенія; но для ушей, пріобыхшихъ къ ласкашельству, эта чешверть часа должна

была показаться очень длиною. Многие раненые, ушедши из больницъ, допачились до эшихъ ворошъ; каждый разъ, какъ проѣзжали мимо лошады, сани или повозка, эши раненые умоляли управлявшихъ ими, чтобы позволили къ нимъ съѣсть: ихъ жалобы и стоны разшерзали бы пвердѣйшее сердце; я во всю жизнь мою не бывалъ шакъ распроганъ.

Прощай, любезный другъ; я сомнѣваюсь, чтобы эшо письмо дошло до тебя. Чрезъ нѣсколько часовъ я выѣду изъ города съ главнымъ шшабомъ перваго корпуса и увижу явленія другаго рода: непріятель ожидаетъ насъ на переходѣ. Я весьма спокоенъ духомъ, и былъ бы еще спокойнѣе, если бы старшій мой сынъ, который мнѣ сопоставишесшвуешъ и находится здѣсь со мною, былъ въ безопасномъ мѣстѣ; но видно надобно, чтобы мое опасное положеніе было ошягчаемо еще страхомъ видѣшь его воздъ меня погибающимъ.

Перевелъ С. Усовъ.

Взглядъ на Турецкое Правленіе.

Ошривокъ изъ книги: *Révolution de Constantinople en 1807 et 1808 par Juchereau de St. Denis.*

Всѣ Магомешане, къ исповѣданію Султаншновъ принадлежащіе, починають Султана законнымъ наследникомъ Пророка и Калифовъ: подобно имъ владѣеть онъ книгою и мечемъ, но естъ, заключаетъ въ себя духовную и свѣшскую власнѣ; но Калифы, производившіе себя онъ Магомеша, обязаны были верховною власнѣю, единшвенно званію своему первыхъ Имановъ или начальниковъ духовенштва; между шѣмъ, какъ Ошоманскіе Императоры, поколѣнія Ташарскаго, только оружіемъ пріобрѣли владычество духовное и почести Калифашства. Обшдательство сіе необходимо шребовало измененийъ въ ошправленіи обязанностей верховнаго жречештва Калифовъ Ошоманскихъ и было первымъ источникомъ важности и разныхъ преимуществъ сословія Улемовъ.

Калифашство, раздѣленное между многими искашелями, объявившими себя каждый истиннымъ наследникомъ Магомеша, находилось въ междоусобныхъ распряхъ; пользуясь конми первые Султаны, основавъ

и увеличивъ свое Государство, приняли также доспоишство Калифовъ, дабы пользоваться безпрекословно неограниченною властію въ своей Имперіи. Но сіи воинственныя Государя, увлекшись побѣдами, пренебрегали дѣлами правосудія и вѣры, кошорыя принадлежали имъ въ званіи Калифовъ или первыхъ Имановъ; они поручили Муфшіямъ исполкованіе законовъ, ввѣрили Кадіямъ и Молламъ вѣсы Ѳемиды и оставили Иманамъ и Шеикамъ обыкновенные обряды религіи.

Слишкомъ продолжительная безпѣчность Турецкихъ Императоровъ къ исполненію дѣйствіи званія своего, перваго судія и главы религіи, мало по малу приучило народъ думать, что важныя обязанности сіи принадлежатъ Улемамъ, кошорые одни только имѣютъ на оныя право; время, утвердивъ столь выгодныя преимуществва, сдѣлало оныя священнѣйшими. Черезъ сіе, Сулшанъ, кошорый бы долженъ быль первымъ и единственнымъ оракуломъ закона, сдѣлался при нужденнымъ совѣтоваться съ Муфшіемъ и *фетфасы* (*). сего послѣдняго связывали правителя въ исполненіи высочайшей воли его.

(*) *Фетфасы* суть духовныя указы Муфши.

Столь сильное вліяніе Улемовъ могло ниспровергнушь, можетъ быль, и самую власть Опшоманской Поршы, если бы царствующіе Государя не имѣли предосторожности сохранять и часто приводить въ дѣйствіе права, свойственныя ихъ доспоишству Калифовъ, смѣняя по произволу главные пружины своего владычества духовнаго, гражданскаго или военнаго.

Одна изъ главныхъ причинъ, кошорыя наиболѣе способствовали къ возвышенію политическаго могущества Улемовъ, была неупомимое усердіе, строгость нравовъ и наружное униженіе, во время первыхъ шрехъ вѣковъ Монархіи. Добродѣтели сіи доспавили имъ уваженіе Императоровъ и привязанность народа. Покорность Улемовъ продолжалась до шѣхъ поръ, покуда Сулшанъ, сами предводившесшву войсками, одерживали побѣды; они не отказывались тогда находить совершенное согласіе между законами своего Пророва и волею Монарха; но когда оставивъ шруды военныя, Государя заключились въ гаремахъ и ввѣривъ начальство арміями Пашамъ и Визирямъ, испытали пораженія, тогда Улемы имѣя, большое вліяніе надъ народомъ фанатическимъ и недовольнымъ, начали свергать иго и показывали важность своего соснодія.

Но замѣшивъ скоро, что могущество ихъ не швердо, основываясь на однихъ преимуществвахъ и привязанности неспокойной черни; они старались приобщить къ выгодамъ своимъ корпусъ янычаръ, который владелъ многими правами, подобно Улемамъ, полученными отъ распоряженія и признательности прежнихъ Султановъ. Сей корпусъ, важными услугами и многочисленными побѣдами, приобрѣлъ уваженіе народа и питалъ ненависть къ изгнаннымъ Государямъ. Предупрежденія со стороны Улемовъ льстили самолюбію Янычаръ, которые въ заключеніи союза между двухъ сословій видѣли нѣ выгоды, что всѣ возмущительныя движенія свои могли оправдывать высокими соизволеніемъ истолкователей закона и начальниковъ правосудія; Улемы же, отъ такого соединенія преклонивъ на свою сторону силу воинскую, положили прочное основаніе могуществу своему.

Вотъ начало политической связи двухъ сословій, связи, содѣлавшейся по неудачному спрошивленію нѣкоторыхъ Императоровъ еще шверже и основательнѣе, и которую почиташь должно, какъ совершенно измѣнившю древнія поспановленія Опшомановъ. Изъ сего порядка вещей произошло то, что Порша не можешь издашь закона,

наложивъ подаши, не приготоливъ Улемовъ и Янычаръ къ одобренію новаго учрежденія и къ вспомошествованію приведенія его въ исполненіе. Въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, которыхъ были бы оягопительны для народа, деспотизмъ Султана былъ иногда умѣряемъ; но за то выгода и слава Имперіи жертвовались часто личнымъ видамъ Янычаръ и Улемовъ. Имперія Опшоманская, существенно основываясь на военныхъ и духовныхъ поспановленіяхъ, можешь быть сильна только могуществомъ главы своей, Ослабленіемъ высочайшей власни Султана, начался упадокъ Государства. Улемы и Янычары, мятежами и похищеніями положивъ начало непокорности, вмѣсто того, чтобы клониться къ ограниченію самовластиа и къ извлеченію изъ того выгодъ для народа и общественнаго благополучія, еопрошивленіемъ своимъ полагають не только главную, и можешь быть, единственную причину перешней слабости Государства; но суть также неоспоримо виновники варварства и невѣжества Турокъ.

Ибо войны и судія, которые по своему обязанности своихъ должны быть только орудіями Султана, сдѣлавшись его соперниками, весьма часто лишаютъ правленіе нужной силы, а Государство защищя.

Что же касается до варварства и невежества Турокъ, по главную причину непрощения ихъ ошескивашь должно въ политическомъ могуществѣ Улемовъ и Янычарь.

Первые всегда опасались, чтобъ введеніе познаній и занятіе почвными науками, не заставили презирашь алкоранъ, шемныя, многочисленныя исполкованія онаго, огромное собраніе фешасовъ, Муфши, часто противоположныя одинъ другому, словомъ, все зданіе учености ихъ въ Богословіи. Янычары же, не слѣдующіе древнимъ успавамъ дисциплины, привыкнувъ ошправляшь только службу легкую, полагають, что шого непобдимага меча, кошорый покоришь шолько Царствъ, досташочно будешь и для защиты оныхъ: съ презрѣніемъ ошвергають они строгое воинское повиновеніе Франковъ, ихъ усовершенствованныя оружія и новыя системы шакники.

Си два сословія, препятствуя Турціи взойши на равную шепенъ съ другими Европейскими Государствами, переняшь ихъ полезныя опкрышія и военныя учрежденія, увеличили шѣмъ ея слабость, бѣдность и зависимость, по мѣрь какъ сосѣдшвенные народы возвысились своимъ могуществомъ,

богатшвомъ, просвѣщеніемъ и быспрыми успхами во всѣхъ родахъ промышленности.

Многіе Писатели, шолько по наружности о Турецкомъ правленіи судившіе, думали, что владычество великаго Сулшана неограниченно, видя, какъ онъ располагашь по произволу жизнью Миниспровъ и служителей своихъ; но власть его надъ Миниспрами ешь шакого же рода, какую начальникъ Негровъ имѣешь надъ рабами своими. Всякій Турокъ, вступившій въ службу Поршы, ошказываешь ошъ свободы, вручая имѣніе и жизнь властелину, коего дѣлаешь ошъ не подданнымъ, но невольникомъ во всемъ смыслѣ этого слова.

Совсѣмъ другія опношенія прочихъ Османлисовъ, шакже какъ и Райсовъ, но ешь, жителей Турціи не Магомешанской религии: они приговариваютьсѣ судами по существующимъ законамъ и по доказательству двухъ или болѣе свидѣтелей. Янычары, Воспанжи, артиллерисшы и другіе военные имѣють каждыя въ своемъ сословіи особенныя суды, предъ коими они ошвѣчаютъ. Конечно случаеть иногда, что Сулшанъ, шакъ какъ глава военнаго Государства, самъ приводитъ въ дѣйствіе власть, предосшавленную имъ великому Визирю и областнымъ Пашамъ: въ шакомъ случаѣ, онъ велишь наказывашь

всякаго захваченнаго на мѣсть преступленія, не сльдую никакимъ подробностямъ суда; но сіе дѣлаешя очень рѣдко и то съ намѣреніемъ привести въ ужасъ, посредствомъ жестокаго наказанія, народъ, обыкновенно жестокой и безпокойный; виновный всегда бываетъ уличенъ и скорыя расправы сіи, оныхъ военные избавляюшя отсылкою въ полицію своего корпуса, падаюшъ вообще на нисшій классъ народа и весьма часто на райсовъ.

Ф. Лугининъ.

Крѣпость Хотинъ
Бессарабской области.
1827 г. Января 16.

IV.

И С Т О Р І Я.

О с л а в н ы х ъ к р и в ы х ъ.

(*Историческій отрывокъ.*)

Исторія доставляетъ намъ множество прищрвовъ, что нѣкоторые люди *однимъ глазомъ* лучше и отдаленнѣе видятъ, чѣмъ другіе обоняи. Это происходитъ отъ того,

что они приучили свой глазъ швердо направлять на свое опечество.

Храбрѣйшіе и искуснѣйшіе Полководцы, — говоришь Плутархъ въ жизнеописаніи Серпорія — были *кривые*. Къ числу оныхъ приобщаетъ онъ Филиппа, Аннигона, Аннибала и Серпорія. Слѣбый Римлянинъ *Гораций* защищаль мостъ до самаго его разрушенія, доколѣ былъ позади его; сей Гораций, который попомъ въ шяжеломъ вооруженіи своемъ прыгнулъ въ волны Тибра и вплавъ достигнулъ опчизны своей, былъ прозванъ Коклесъ за потерю одного глаза въ семь важномъ сраженіи.

Мудрый *Ликуртъ* успановилъ законъ, непонравившіяся богачамъ. Чернь ихъ прелѣдовала его камнями. Онъ искалъ спасенія во храмѣ; но Александръ, своевольный юноша, кошорому, какъ по большей часни молодымъ людямъ, ничего не было священнаго, вышибъ ему у олшаря одинъ глазъ. Ликуртъ перенесъ боль. Попомъ, обратившись къ народу, показалъ ему ужаслнѣйшій кровавый источникъ, спруившійся изъ глаза его на почтеннѣйшую браду великаго Законодателя. Народъ при видѣ сего содрогнулся и въ нецшовствѣ вручиль виновника оскорбленному. Ликуртъ простилъ его, и продолжалъ однимъ глазомъ пещись о благѣ народномъ

такъ , что послѣ смерти его воздвигнули ему въ честь храмъ.

Храбрый Башавецъ *Клавдій Цивилій* , занимающій достопочтенное мѣсто въ Исторіи Таццша , былъ кривой . Рассказываютъ , что *Императора Албрехта* , одного изъ величайшихъ Австрійскихъ героевъ , врачи въ молодости повѣсили за ноги , чтобы нѣмъ извергнувъ изъ него поглощенный имъ ядъ . Сія операція стоила ему одного глаза , но въ послѣдствіи времени не мѣшала ему лично выиграть двѣнадцать сраженій сряду . Онъ хорошо видѣлъ врага на чистомъ полѣ ; но ошъ домашняго не могъ спастись попому , что герои доврчивы . Въ 1308 году , онъ палъ подъ кинжалами убійць .

Зиска , побѣдоносный Полководецъ Гуситовъ , былъ кривой .

Христіанъ IV , Король Датскій , пошелъ въ сраженіи глазъ , и часно покрывалъ сей недоспашокъ лаврами побѣды (*).

(*) Кто , читая сіе , не вспомнитъ одного изъ безсмертныхъ Полководцевъ Россійскихъ *М. А. Кутузова-Смоленскаго* , котораго пуля въ сраженіи лишила глаза , и при всемъ томъ не мѣшала ему въ вѣкъ *Благословеннаго* сдѣлаться Спасителемъ отечества . *Прим. Перев.*

Храбрый *Филиппъ Орлеанскій* , уступившій полъко подъ однимъ Туриномъ поле сраженія Принцу Евгению , былъ кривой . Не смотря однако на сіе , онъ не только управлялъ подъ владычествомъ Людовика XV браздами Франціи , да и дѣлалъ мнѣшюрные поршрешы .

Но зачѣмъ я именую однихъ героевъ и все героевъ ? — не одинъ Марсъ , но и баснословный богъ любви не ошказался благопріятствовашъ кривымъ . Въ Шиллеровой Трагедіи *Донъ Карлосъ* , представляешь обыкновенно лицо *Прицессы Эболи* прекрасная двуглазая Аксприса ; но эшо прошивъ кошкума . Сія прекрасная , умная женщина , игравшая во времена Филиппа II шоль значительную ролью , и прелести коей заставляли вздыхашъ шоль много двуглазыхъ мужинъ , была кривая .

Кто въ помъ сомѣвается , или вовсе считашетъ невозможнымъ , что кривая женщина можетъ быть прелестною — *тошъ не зналъ Софію Бреншано* (*). — Сіе милое швореніе , которое *Виландъ* по-

---

(*) Внука друга юности Виланда , извѣстной *Г-жи де-ла-Рошъ* . Софія Бреншано похоронена въ одной могилѣ съ Виландомъ и супругою его въ саду его въ *Османштадтѣ* . *Прим. Перев.*

хоронилъ въ саду своемъ, выколола себѣ въ
дѣлшшвъ ножницами одинъ глазъ. Ничего
не было милѣе лица ея, ничего пронца-
шельнѣе для сердца, какъ взглядъ одного ея
глаза. Добродушная хипросость царствовала
въ немъ, и всегда гошова была уступилъ
мѣсто живѣйшимъ чувствамъ. Улыбка шон-
кая, какъ бы похищенная у *Пѣвца Музари-
оны*, носилась вокругъ устъ ея. Умъ ея
пѣвлялъ умы, сердце покоряло всѣ сердца,
между шѣмъ, какъ юношеское изобиліе дѣв-
ственныхъ прелестней шѣла, привлекало къ
ней и чувства. Не одинъ опдалъ бы глазъ
свой, чтобы обладать эпою кривою. Она
шого достойна была. Виландовы глаза про-
ливали слезы на гробъ ея, и такъ, имѣешь
ли она нужду въ похвалѣ другихъ?

Съ Нѣмец. М. Мрѣ.

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Сраженіе подъ Елисаветполемъ.

Взошла кровавая заря.
Гавжа сполшъ за Русскимъ спаномъ.
За шяжкимъ кроюща шуманомъ
Округъ лежація поля.
Въ густыхъ рядахъ, съ далекихъ горъ
Текушъ Персидскія дружны.

Покрышы ими всѣ равнины,
Окинушь ихъ не можешь взоръ.

Аббасъ отважно мчшся въ бой,
Свирѣпый, пламенный, коварный.
Царевичъ съ нимъ неблагодарный
Несетъ погибель въ край родной.
За ними пышяча вождей!
Всѣ суетной надежды полны,
Лешяшъ впередъ, какъ бурны волны,
Носимы вѣшромъ средъ морей.

Едва замѣнешъ Русскихъ спанъ
Передъ полцами ихъ густыми.
Но Русскихъ Вождъ, герой ихъ съ ними!
Не имъ страшиться Персіанъ!
Взвилися знойные пески;
Знамена бурно возшумѣли;
И вошь.... Перуны загремѣли,
И вошь.... Ударилися полки!

Свистяшъ булашные мечи;
Сверкаюшъ острые кинжалы;
Горяшъ ужасны самопалы
Какъ звѣзды яркія въ ночи!
Волнами сѣрный дымъ бѣжшшъ.
Поля ошъ грома пушекъ спонуть;
Въ пошокахъ крови Россы шонуть,
Но неподвижны, какъ граншшъ.

И сажъ Паскевичъ гранулъ въ бой!
„Впередъ, шоварищи, я съ вами!“
За нимъ всѣ двинулись рядами,
И всякій Русскій спалъ герой,

Колонны грозныя идушь! —
 Уже мяшуща Персы въ страхъ;
 Уже и конь и всадникъ въ прахъ!
 Еще мгновенье.... и бѣгушь!

Бѣжишь надменный Алмааръ!
 Бѣгушь несчетныя дружины;
 Такъ быстрымъ въспрожь чрезъ долины
 Клубясь, несешься легкой парь.
 Упавъ въ уныныя на коня,
 Аббасъ съ расперзанной душою,
 Кинжаломъ машешь, и спрьлюю
 Летишь чрезъ дикія поля!

Какъ гонимъ Персовъ низкій страхъ!
 Вездѣ ихъ робкія станицы,
 Оставя Русскія границы
 Бѣгушь, повернувъ мечъ свой въ прахъ.
 Ликуешь радостный Тифлисъ,
 Героя бышвы прославляя;
 И первые для Николая
 Вѣнки побѣдныя свились.

Настала новая весна.
 Уже безстрашно ополченье
 Несешь въ предѣлы Персовъ мщенье!
 Спрашишь, коварная страна!
 И мы ль враговъ не побѣдимъ?
 Нѣтъ, не напрасель жаръ геройской;
 Чего не можешь сдѣлать войско,
 Когда Паскевичъ передъ нимъ.

Иванъ Анненковъ.

Тифлисъ.
 1827 года.

VI.
**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
 БИБЛЮГРАФІЯ.**

НОВЫЯ КНИГИ.

1827.

П о э з і я.

40. *Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ.* М. въ типогр. Ав. Семена, при Императорской Медико-Хирургич. Академіи, 1827. XXXVI—234 и 9 стр.

(Весьма важный и пріятный подарок для любителей отечественной Поэзіи и мелодіи! въ отношеніи къ сей послѣдней, Малороссія давно и единогласно признана *Италиєю Россіи*. Г. Максимовичъ, въ предисловіи своемъ, говоритъ о духѣ и формѣ Малороссійскихъ пѣсень, о стихосложеніи, о произношеніи Малороссійскихъ словъ и ш. п., и говоритъ обо всемъ этомъ, какъ человѣкъ, совершенно знакомый съ языкомъ и Поэзією Малороссіи. Особливо замѣтили мы, что оныя собрали все ошпѣнки буквы и, въ кошорую, въ извѣстныхъ словахъ и случаяхъ, изменяется буква о словъ Русскихъ: ошпѣнки сіи означаютъ различіе произношенія въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи и Украины. Всѣхъ пѣсень, собранныхъ

Г. Максимовичем — 127; онъ заключены въ чепырехъ книгахъ, съ прибавленіями. Первые три книги заключающъ въ себѣ сто пѣсень повѣствовательныхъ, пѣжныхъ, шуточныхъ и пр.; четвертая часть заключающъ въ себѣ пѣсни обрядныя, какъ по: *бесилки, троцики, купаловыя, зажигельныя, свадебныя, коллдки, щедрокки* и пр. За симъ слѣдуешь Словарь всѣхъ встрѣчающихся въ пѣсенникѣ словъ, кои ошачныи ошъ Русскихъ. Г. Максимовичъ весьма хорошо сдѣлалъ, что, кромѣ перевода, присокупилъ къ каждому почти слову его корень, взятый изъ Польскаго, Сербскаго, Чешскаго и другихъ языковъ Славянскаго произхожденія; иногда изъ Нѣмецкаго и пр. Наконецъ, въ прибавленіяхъ помѣщены 5 пѣсень, поемыхъ Украинцами, живущими въ разныхъ мѣстахъ Польши и Галиціи, и Баллада: *Твардовскій*, переложенная въ Малороссійскіе стихи Г. Аршемовскимъ-Гулакомъ. — Зная прекрасные голоса большей части пѣсень, собранныхъ Г. Максимовичемъ, и видя изъ одного примѣчанія къ его книгѣ, что онъ намѣренъ, при второмъ ея изданіи, приложить музыку многихъ пѣсень, — напередъ поздравляю любителей и любительницъ народной Русской музыки съ симъ богатымъ приобрѣтеніемъ. Надѣюсь также,

что многія, прекрасныя по слогу и голосамъ пѣсни, не вошедшія въ составъ сего перваго изданія, будутъ Г. Собирашемъ помѣщены во второмъ.

П. Б—ій.)

Конецъ сто пятнадцатой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

	Справ.
I. Изящная Словесность.	
1. Записки о Франціи	3
2. Посѣщители Висбаденскихъ шеплицъ. . .	311
II. Восточная Литература.	
Изображеніе Санскритской Лашерашуры (Прод.)	53
	(Оконч.) . 134
III. Естественная Исторія.	
Прогулка Вашшермона (Прод.)	92
	(Оконч.) . 170
IV. Исторія.	
1. Опрывки изъ жизнеописанія Наполеона .	108
2. Осада Тулона	225
3. О славныхъ кривыхъ	396
V. Биографія.	
Извѣстіе о жизни и службѣ Графа А. И. Васильева	152

Сыран.

VI. Военное Искусство.

Исторія Аршилеріи (Окопч) 203

VII. Древности.Открытіе признаковъ древней крѣпости
близъ Симферополя . . . . . 339**VIII. Современная Политика.**

Обозрѣніе происшествій въ Испаніи 283

IX. Современная Исторія.1. Пребываніе Французской арміи въ Смо-
ленскѣ 367

2. Взглядъ на Турецкое правленіе 389

X. Критика.1. Опвѣщъ на замѣчанія о планѣ Русскаго
Словаря . . . . . 662. Взглядъ на Математическіе Курсы, упо-
требительнѣйшіе въ Россійскихъ Училищахъ 185
(Окопч) . . . . . 247**XI. Стихотворенія.**

1. Война въ Персіи, 1827 года 400

2. Сраженіе подъ Елисаветполемъ 404

XII. Современная Русская Библіографія

105

200

308

406

Къ сей часпи приложенъ поршрешъ Графа А.
И. Васильева,